

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.)*

2017

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2017

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2017
© Ivanovo State University, 2017

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- А. И. Аврус** Саратовский государственный университет
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- Г. Н. Кныш** Днепропетровский национальный университет (Украина)
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- Д. А. Макеев** Владимирский государственный университет
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

- V. S. Memetov** Ivanovo State University
(Chairman of the Editorial Board)
- A. I. Avrus** Saratov State University
- Y. M. Voronov** Ivanovo State Polytechnical University
- A. A. Danilov** Institute of General History of the Russian Academy
of Sciences
- O. V. Zolotaryov** Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
- G. N. Knysh** Dnepropetrovsky State University (Ukraine)
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical Institute
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- G. V. Korzenko** Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus (Minsk)
- I. V. Kuptsova** Moscow State University named after M. V. Lomonosov
- D. A. Makeev** Vladimir State University
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- I. I. Osinsky** Buryat State University (Ulan-Ude)
- S. N. Poltorak** St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University of Chemistry and Technology
- A. V. Repnikov** Russian State Archive of Social and Political History
- V. G. Ryzjenko** Omsk State University
- I. V. Sibiryakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- F. H. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Solovyev** Kostroma State Technological Institute
- V. L. Soskin** Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Меметов В. С.* Экспертный опрос «Такая разная интеллигенция: исторический опыт отечественной интеллигенции в 1917—2017 гг.» и его результаты 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Комиссаров В. В.* Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960—80-е годы 33
- Кислицын С. В.* Зарождение и эволюция внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма в 1930—80-е годы 53

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Ревякина Н. В.* Портрет Витторино да Фельтре, итальянского гуманиста и педагога XV века 72
- Кирюхин Д. В.* Представители итальянской гуманистической интеллигенции в университетах Европы в конце XV — начале XVI века: жизненный путь Корнелио Вителли 89
- Рагозин Г. С.* Йозеф фон Хормайр: у истоков австрийского консерватизма, 1803—1809 годы 99

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Киселёв В. Г.* Нравственные и эстетические факторы формирования молодой художественной интеллигенции ... 118

ДЕБЮТ

- Михайлова О. К.* Медицинская интеллигенция как профессиональная корпорация в России: статус, положение, проблемы (конец XVIII — начало XX в.) 130
- Буслаева О. С.* Специфика подготовки кадров педагогической интеллигенции в женских гимназиях Владимирской и Костромской губерний в конце XIX — начале XX века 140

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Ершова Э. Б.* Комиссаров В. В. «Этого ожидали...»: роман И. А. Ефремова «Гуманность Андромеды» и футуристические проекты советской интеллигенции 149
- Аннотации* 152
- Информация для авторов* 160

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Memetov V. S.* Expert survey «Such diverse intelligentsia: historical experience of the Russian intelligentsia in 1917—2017» and its results 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Komissarov V. V.* Intelligentsia, popular scientific journalism and censorship in 1960—1980-s 33
- Kislitsyn S. V.* Origin and evolution of foreign policy ideology of the American neo-conservatism in 1930—1980-s 53

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Revyakina N. V.* The portrait of Vittorino da Feltre, Italian humanist and teacher of the XV century 72
- Kiryukhin D. V.* Representatives of the Italian humanistic intelligentsia in the universities of Europe at the end of XV — the beginning of the XVI century: course of life of Cornelio Vitelli 89
- Ragozin G. S.* Josef von Hormayr: at sources of the Austrian conservatism, 1803—1809 99

SOCIOLOGY OF INTELLIGENTSIA

<i>Kiselyov V. G.</i> Moral and esthetic factors of formation of the young art intelligentsia	118
--	-----

DEBUT

<i>Mikhaylova O. K.</i> The medical intelligentsia as a professional corporation in Russia: the status, situation, problems (the end of XVIII — the beginning of the XX century)	130
<i>Buslaeva O. S.</i> Specifics of training of the pedagogical intelligentsia in female gymnasiums of the Vladimir and Kostroma provinces at the end of the XIX — the beginning of the XX century	140

MAKING CONCLUSIONS

<i>Yershova E. B.</i> Komissarov V. V. «It was expected...»: the novel by I. A. Efremov «Andromeda Nebula» and futuristic projects of the Soviet intelligentsia	149
<i>Annotations</i>	156
<i>Information for authors</i>	160

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)6-283.2

В. С. Меметов

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС «ТАКАЯ РАЗНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ в 1917—2017 гг.» И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Постановка проблемы. В 2017 году Научно-исследовательский институт интеллигентоведения при Ивановском государственном университете организовал экспертный опрос по проблемам изучения генезиса, становления, развития и деятельности интеллигенции. Перед данным опросом ставились следующие цели:

— анализ ситуации в сфере изучения интеллигенции спустя 25 лет с момента оформления интеллигентоведения как самостоятельной сферы исследований;

— оценка экспертным сообществом изменений в структуре, месте и роли интеллигенции в постсоветской России;

— прогноз перспектив интеллигентоведческих исследований в России и в мире.

Естественно, мы не ставили цели выяснения научной истины или ответа на спорные вопросы интеллигентоведения. Такие проблемы не могут быть решены способом счетного голосования.

© Меметов В. С., 2017

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института интеллигентоведения при ИвГУ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

Наши задачи были скромнее и традиционны для такого рода исследований — выявить проблемы, обозначить круг вопросов, которые близки к разрешению и которые, напротив, возникли в процессе *саморазвития интеллигентоведения*.

Опрос проводился методом почтового анкетирования. Для наших респондентов была составлена анкета, содержащая вопросы двух видов: закрытые — предполагающие выбор варианта ответа; открытые — предполагающие развернутый ответ, который можно вписать в распечатанную версию анкеты или впечатать в электронный вариант. Как представлялось организаторам исследования, сочетание закрытых и открытых вопросов позволяет составить более объемное представление об изучаемом предмете. Ответы на закрытые вопросы более формализованы, их легче обрабатывать статистически, а открытые вопросы позволяют привнести в собранный материал личностную оценку, получить эмоциональный отклик на заявленные проблемы, чего нельзя добиться формализованным тестовым опросом. Ниже будут представлены основные итоги анкетирования.

Респонденты экспертного опроса. НИИ интеллигентоведения подготовил и разослал анкету опроса почти двум сотням специалистов, которые когда-либо участвовали в ежегодных научно-теоретических конференциях по вопросам интеллигентоведения или имели иные контакты с НИИ и Межвузовским центром. К сожалению, реальный масштаб опроса оказался несколько меньше, чем ожидалось. Такая ситуация стала следствием сочетания ряда факторов. У некоторых наших респондентов сменились адреса, поменялась область научных интересов. Ряд исследователей вообще покинули высшую школу, перейдя на работу в иные сферы деятельности. Справедливости ради следует отметить, что несколько человек, уже работающих в других сферах, сочли возможным откликнуться на нашу просьбу. За это, конечно, сотрудники НИИ не могут не выразить им благодарность. Некоторые из специалистов, к кому мы обратились с анкетой, отказались отвечать по принципиальным соображениям. Например, один из ученых социологов так мотивировал свою позицию (цитируется с сокращениями): *«Я не считаю целесообразным отвечать на анкету, поскольку занимаюсь социальной мифологией и отношу интеллигенцию к одной из наиболее укорененных в русском*

сознании мифологем. Поясняю: в основу выделения интеллигенции как реально существующей социальной группы положено **два признака**. Первый — высокий уровень образования. Однако образование является признаком, конституирующим самого себя. Образование — это признак формальной годности к профессии, и более ничего. Второй — люди высоких нравственных качеств. **Но кто определяет эти качества?** <...> Таким образом, это субъективное мнение, которое не может быть положено в основу объективного выделения социальной группы. **Вся теория социальной структуры предельно мифологизирована. На самом деле, в России на протяжении всего ее существования единственным реально правящим слоем была бюрократия в разных исторических ипостасях. Ей на смену приходила контрбюрократия, которая представляла себя наиболее привлекательным образом путем создания разного рода мифологем, в т. ч. мифологемы “интеллигенция”**» (все выделения наши. — В. М.). Конечно, на подобную точку зрения можно привести не один обоснованный контраргумент, но это не является задачей данной публикации. С другой стороны, и такая позиция имеет право на существование, она демонстрирует, насколько широкий спектр мнений существует по такому, как представляется, несложному вопросу.

Всего мы получили 43 заполненные анкеты. Отрадно, что большинство респондентов подошли к опросу не формально, а дали развернутые, глубокие и вдумчивые ответы. Возрастная структура респондентов приведена в таблице 1*.

Таблица 1

Возрастная структура респондентов

Возраст	Абс. цифры	%
До 30 лет	3	7
31—40 лет	3	7
41—50 лет	6	14
51—60 лет	10	23
61—70 лет	10	23
Свыше 70 лет	3	7
Нет данных	8	18,6

* Здесь и в следующих таблицах цифры приводятся округленно.

Как мы видим, она в целом соотносится с возрастной структурой занятых в высшей школе: от 41 до 70 лет. Доля молодежи невелика, что, с одной стороны, конечно, огорчает, но с другой, показывает, что участники анкетирования обладают не только профессиональными знаниями, но и личным опытом.

С точки зрения занятости подавляющее большинство ответивших работают в системе высшего образования — 65 % (табл. 2).

Таблица 2

Структура занятости респондентов

Место работы	Абс. цифры	%
Вузы	28	65
Муниципальные органы власти	11	26
Государственные банковские учреждения	1	2,3
Полиграфические учреждения	1	2,3
Редакции научных журналов	1	2,3
Музеи	1	2,3

На просьбу об анкетировании откликнулись сотрудники аппарата Ивановской городской думы и городской администрации (они проходят как работники муниципальных органов власти). Правда, следует заметить, что и среди этой категории есть люди, прежде работавшие в системе высшего образования. Естественно, что среди наших респондентов велика доля лиц с учеными степенями и званиями (табл. 3). Из таблицы следует, что практически две трети опрошенных имеют степени доктора или кандидата наук (преимущественно в гуманитарных науках) и ученые звания профессора или доцента. Для нашего анкетирования, носившего экспертный характер, это важное, ключевое требование. И хотя организаторы опроса связаны обещанием не раскрывать личности респондентов, практически все они являются специалистами по генезису, истории, деятельности интеллигенции, по отдельным аспектам культурной истории, по социокультурной проблематике. НИИ подошел к подбору круга потенциальных экспертов более чем тщательно, хотя здесь нет возможности и необходимости подробно описывать критерии, которыми мы руководствовались.

Таблица 3

Ученые степени и звания респондентов

Ученые степени и ученые звания	Абс. цифры	%
Доктора наук	17	40
Кандидаты наук	13	30
Профессора	15	35
Доценты	12	28

Согласно гендерной структуре (табл. 4) наши респонденты распределились почти поровну. Правда, анонимный характер анкеты привел к тому, что не по всем респондентам есть данные.

Таблица 4

Гендерная структура респондентов

Пол	Абс. цифры	%
Мужчины	19	44
Женщины	17	40
Нет данных	7	16

Таблица 5

Место жительства респондентов

Город, страна, регион	Абс. цифры	%
Архангельск	1	2,3
Екатеринбург	1	2,3
Иваново	15	35
Москва	7	16
Омск	2	4,6
Пермь	1	2,3
Санкт-Петербург	1	2,3
Самара	1	2,3
Саратов	1	2,3
Сочи	1	2,3
Сыктывкар	1	2,3
Тула	1	2,3
Улан-Удэ	1	2,3
Челябинск	1	2,3
Ярославль	3	7
Минск (Беларусь)	3	7
Брест (Беларусь)	2	4,6

И наконец, последний показатель, наглядно характеризующий масштаб опроса, — географическая структура (табл. 5). Несмотря на то что мы получили сравнительно немного анкет, их авторы представляют максимальное число регионов нашей страны, включая Забайкалье. Конечно, большинство участников проживают в Иванове, Москве, Ярославле. Но присутствуют и другие города. Здесь Архангельск и Челябинск, города Поволжья, Улан-Удэ, Пермь, Екатеринбург и др. В опросе приняли участие коллеги из Беларуси, что придает нашему исследованию межгосударственный характер.

Резюмируя, следует заметить, что, несмотря на сложности содержательного и организационного характера, наш опрос состоялся и полученные результаты, которые будут представлены ниже, позволяют сделать определенные выводы.

Результаты опроса

Сущность, генезис и происхождение интеллигенции.

В предложенной респондентам анкете часть вопросов касалась современного видения интеллигенции и основных подходов к ее изучению. Распределение ответов на них представлено в нижеприведенных таблицах. Следует учесть, что закрытые вопросы носили формализованный характер и предполагали выбор из списка одного варианта ответа. Но многим из наших экспертов оказалось тесно в рамках такой формализации, и они указали несколько вариантов. Мы, при обработке результатов, отнеслись к этому с пониманием. Поэтому суммарное количество ответов, как в абсолютных цифрах, так и в процентах (см. табл. 6—14), может быть больше числа респондентов или 100 %.

Таблица 6

Ваше видение интеллигенции

Интеллигенция — чисто российское явление, существующее на протяжении всей ее истории	5	11,6 %
Интеллигенция — чисто российское явление, существующее только в период модернизации, при переходе от традиционного общества к современному	11	26 %
Интеллигенция — универсальное явление, существующее в любом стратифицированном обществе	22	51 %
Интеллигенция — явление универсальное, но возникает только в период модернизации, при переходе от традиционного общества к современному	6	14 %

**Какой научный подход наиболее полно отражает
сущность интеллигенции?**

На основании социальных и профессиональных характеристик	3	7 %
На основании нравственно-этических черт и качеств	4	9 %
На основании образа мыслей и менталитета	4	9 %
Сочетание всех приведенных подходов	33	77 %
Что-то иное (укажите)	2	4,6 %

Анализ показывает, что большинство участников анкетирования рассматривают интеллигенцию как явление универсальное, не ограничивая ее существование и деятельность рамками определенной эпохи или региона. Естественно, что такой подход проецируется и на методологию, ибо суть интеллигенции отражает сочетание социoproфессионального, нравственно-этического и субъективно-исторического подходов. Некоторые из респондентов, выбравшие вариант ответа «что-то иное», предлагали свой подход, например: *«Социо-историко-культурный подход, предполагающий синтетическое единство социологического, культурологического и конкретно-исторического подходов, так как интеллигенция исторически изменчивая многослойная социокультурная общность, профессионально занимающаяся интеллектуальной (творческой) (выделено нами. — В. М.) деятельностью, продукт и создатель культуры своего народа».*

Далее респондентам предложили в форме развернутого ответа охарактеризовать основные качества интеллигенции. Здесь спектр мнений более чем широк. Было высказано неприятие нашей терминологии: *«О понятиях не спорят, о них договариваются. Вместо понятий “интеллигенция” и “интеллектуалы”, которые вряд ли имеют конвенциональные значения, для меня предпочтительнее использовать понятия “работники интеллектуального труда” и “интеллектуальные слои”».* Некоторых респондентов данный вопрос подвиг на обобщения этического характера: *«По нашему мнению, дефиниция термина “интеллигенция” предполагает определять характер, судьбы, жизненные*

и творческие позиции тех, кто в определенной степени входил в противоречие не только с властной политикой, но и в целом с “мироустройством”, в котором приходилось (и приходится ныне) жить, — пишет один из наших респондентов. — В любом случае, это те, кто очевидно в своих взглядах и действиях был (и остается) в соприкосновении с процессами государственного масштаба. Те, кто в той или иной форме стремился (и продолжает ныне) переосмыслить, в силу своего понимания, важнейшие принципы построения российского государства, обуреваем поиском некой “идеальной” власти. Одновременно озабочен тяготами гражданской жизни, материальным и духовным положением различных категорий российского общества. Одним словом, это те, кого в XIX в. все чаще стали называть “русской интеллигенцией”, подразумевая, прежде всего, элитарную, интеллектуальную часть общества, наделенную не только широкими познаниями и талантами в различных сферах деятельности, но и неравнодушием к “злу окружающего мира” (выделено нами. — В. М.). Как и то, что интеллигент, это не столько человек, обладающий обширными знаниями, но стремящийся к их использованию во благо других, своих сограждан, своей родины, если не “всего человечества”. Это люди, наделенные яркими способностями и познаниями, и одновременно неравнодушием» (выделено нами. — В. М.).

Предложено философское переосмысление категории «интеллигенция»: *«Интеллигенция (в широком смысле слова) есть духовная субстанция общества, она (с точки зрения системного подхода) включает не только вещественный (разумное вещество), но также энергетический (культурная биогеохимическая энергия, по Вернадскому) и концептуальный (философско-идеологический, целе-рациональный, аксиологический) аспекты. Мировая интеллигенция предполагает ориентацию на общечеловеческие ценности, которые обеспечивают устойчивое развитие человеческой цивилизации».*

Продолжением стал вопрос о происхождении интеллигенции. Распределение ответов представлено в таблице 8.

Как видно, в анализируемых анкетах присутствует определенное противоречие. Если прежде большинство респондентов согласилось с универсальным пониманием интеллигенции,

то сейчас на первое место вышел ответ о зарождении интеллигенции в России, в XIX столетии. Такого рода методологические противоречия встречаются и в ответах отдельных респондентов. Данное явление сложно списать на неточность формулировки вопроса, скорее это связано с отсутствием у ряда коллег ясного понимания сущности интеллигенции, ее истории и общественных функций.

Таблица 8

Где и когда начинается генезис интеллигенции?

Вместе с человеческим обществом	10	23 %
В странах Древнего Востока	2	4,6 %
В античном мире	5	11,6 %
В Европе, в эпоху Возрождения	1	2,3 %
В Европе, в период модернизации (эпоха Просвещения)	8	18,6%
В России, после петровских преобразований	3	7 %
В России, в XIX столетии	11	26 %
Что-то иное (укажите)	3	7 %

Некоторые эксперты сочли возможным пояснить свой ответ: *«Об “интеллигенции” в широком смысле уместно говорить с момента разделения двух основных видов труда (умственного, связанного с преимущественно мыслительной деятельностью, и физического, связанного с затратами мышечной энергии работника), а также появления письменно-знаковой культуры как способа объективации знания... в доиндустриальных обществах мыслительная деятельность лишь в очень небольшой степени осуществлялась в интеллектуальном производстве, результатом которого был бы нематериальный продукт/услуга. **Формирование же массовых профессий интеллигенции связано с раннеиндустриальной стадией общественного развития** (выделено нами. — В. М.). Генезис российской интеллигенции в узком смысле (“гуманитарной общественности”) происходил вследствие воздействия манифеста Петра III “О вольности дворянства” (1762 г.), освободившего дворян от обязательной государственной службы, что дало им возможность профессионально заниматься ценностно ориентированной умственной деятельностью».*

Также было выражено более широкое (прежде всего, с точки зрения хронологии) понимание генезиса интеллигенции: *«Ментальный субстрат будущей интеллигенции (homo-sapiens sapiens) формируется около 100 000 лет назад, в непосредственной связи с развитием мозга и когнитивной эволюцией. Для интеллигенции характерно гармоническое взаимодействие правополушарного и левополушарного мышления, в целом когнитивная симфония работы головного мозга (в том числе при участии элементов искусственного интеллекта)».*

Интеллигенция, интеллектуалы и креативный класс. Группа вопросов нашей анкеты касалась соотношения таких понятий, как «интеллигенция», «интеллектуалы», «креативный класс». Распределение ответов представлено в таблицах 9—10.

Таблица 9

**Как Вы видите соотношение интеллигенции и интеллектуалов?
(Выберите один вариант ответа)**

Интеллигенцию и интеллектуалов можно отождествить	10	23 %
Отдельные группы интеллигенции можно отождествить с интеллектуалами	9	21 %
Интеллигенцию и интеллектуалов можно отождествить только в краткие исторические периоды, а так это различные явления	2	4,6 %
Интеллигенция — явление российское, интеллектуалы — западноевропейское	5	11,6 %
Интеллигенция и интеллектуалы — различные явления, они одновременно присутствуют как в России, так и в других странах	18	42 %

Большинство опрошенных (42 %) признали, что интеллигенция и интеллектуалы — различные явления, но присутствующие и в России, и в других странах. Часть экспертов отождествила интеллигенцию и интеллектуалов полностью или частично. *«Разницы не вижу, — указал один из респондентов. — В российской традиции лиц, занимающихся профессионально сложным умственным трудом, именуют интеллигенцией, на западе — интеллектуалами. Различия между российской и западной интеллигенцией в том, что каждый из них продукт культуры и ментальности своего народа».*

На нашу просьбу пояснить различия между этими дефинициями были следующие ответы: *«Эти этимологически близкие (латинские по происхождению) термины возникли соответственно в России и европейских странах для обозначения близкого по характеристикам социального слоя, специализирующегося на производстве ценностно-рациональных смыслов и обладающего повышенной социальной активностью, преимущественно оппозиционной по отношению к политической власти, — отметил один из наших респондентов, склонный отождествлять интеллигенцию и интеллектуалов. — В то же время семантически “интеллектуалы” — скорее верхняя страта, элитная часть “интеллигенции” в узком смысле. Хотя я специализировался на изучении ее российского феномена, имею основания полагать, что его аналоги могут быть найдены и в других странах, осуществлявших модернизацию (как европейских, так и неевропейских)»*. Был и другой подход: *«Интеллектуал преимущественно ориентируется на свою предметно-исследовательскую область (прежде всего научного знания). Интеллигент нагружен и перегружен стремлением охватить мир в целом, создать некий образ всеединства на соответствующем уровне рефлексии (национальном или общечеловеческом). Интеллектуал обслуживает государство или техносферу, интеллигент ориентирован на концепт человека, народа, человечества»*. Представлено более лаконичное понимание различий интеллигента и интеллектуала: *«У них различные “ареалы обитания” (хотя и частично пересекающиеся) и совершенно различные роли в обществе, социальные функции. Для метафорической иллюстрации можно использовать такое сопоставление: с одной стороны (стороны интеллектуалов) интеллект, ум, способность к продуктивной интеллектуальной активности, а с другой стороны (стороны интеллигенции) это же и плюс душа, способность к активной и постоянной душевной работе. Причем указанный плюс в личности человека играет доминирующую роль. Таким образом, интеллигент это личность более “сложная” чем интеллектуал»*.

Но иную тенденцию выявил вопрос, посвященный соотношению интеллигенции и такого сложного понятия, сравнительно недавно вошедшего в научный лексикон, как «креативный класс» (табл. 10).

Как Вы видите соотношение интеллигенции и креативного класса?

Интеллигенцию и креативный класс можно отождествить	7	16 %
Отдельные группы и отряды интеллигенции можно отождествить с креативным классом	14	32,5 %
Интеллигенция — явление российское, креативный класс — западноевропейское	3	7 %
Интеллигенция и креативный класс — различные явления, они присутствуют как в России, так и в других странах	10	23 %
Отрицаю существование креативного класса как социальной категории	8	18,6 %

Большинство респондентов сочли возможным отождествить интеллигенцию и креативный класс в полном объеме этих понятий или частично. Данная позиция в отдельных анкетах имела следующие объяснения: *«Разницы между интеллигенцией и креативным слоем не вижу. Использование категории “класс” неправомерно. Интеллигенция и креативный слой, как правило (чаще), не являются самостоятельным классом интеллектуальных собственников».*

Досоветская, советская и постсоветская интеллигенция. Заметная часть анкеты содержала вопросы, связанные с историческими трансформациями отечественной интеллигенции. Они были посвящены историческому повороту 1917 г., 100-летию которого мы отмечаем в текущем году, а также неоднозначным событиям 1991 г., связанным с демонтажем советской системы, и влиянию всех этих процессов на исторические судьбы интеллигенции. Распределение мнений наших экспертов представлено в таблице 11.

Большинство респондентов признали частичное продолжение интеллигентской традиции после 1917 г. Это более взвешенная оценка, чем та, которая преобладала еще 15—20 лет назад и видела полное уничтожение старой интеллигенции в исторических бурях революции и Гражданской войны. Хотя в ответах была представлена схожая точка зрения на последствия 1917 г.:

«Гибель многих представителей дореволюционной интеллигенции, изменение социального статуса тех представителей интеллигенции, кто остался в советской России, вынужденная эмиграция части интеллигенции, трансформация системы нравственных ценностей, связанная с формированием новой советской интеллигенции».

Таблица 11

**Имел ли место разрыв интеллигентской традиции
в России после 1917 года?**

Интеллигентская традиция после 1917 г. прервалась	4	9 %
Советская интеллигенция явилась прямым продолжением дореволюционной интеллигенции, без серьезных изменений унаследовав все ее черты	1	2,3 %
Советская интеллигенция частично унаследовала черты дореволюционной интеллигенции	28	65 %
Советская интеллигенция стала совершенно новой генерацией интеллигенции, любые сходства с дореволюционной интеллигенцией носят внешний, конвергентный характер	11	26 %

На просьбу пояснить влияние событий 1917 г. на исторические судьбы отечественной интеллигенции были получены следующие ответы. *«Преемственность интеллигенции двух поколений обеспечивалась и определенным сходством дореволюционной и советской систем государственно-политических отношений: как в царской России, так и в советском государстве главными чертами политической жизни являлись жесткий контроль над обществом и харизма власти — божественная власть одного, вера в его непогрешимость... Это трансформация русского мессианства... Коммунизм в период сталинизма не без оснований может представляться продолжением дела Петра Великого. Та же идея беззаветного служения государству и подчинение всех этому; милитаризм, государственный капитализм».*

Другой эксперт отметил: *«Значительная часть дореволюционной отечественной интеллигенции влилась в сложные революционные процессы изменения российского общества.*

Небольшая часть высшего слоя интеллигенции была выслана за границу, что в конечном итоге способствовало взрыву его научного творчества и постепенному возвращению российской культуры в страну. Так называемая советская интеллигенция вобрала в себя лучшие черты российской научной интеллигенции и обеспечила взрывной характер изменения сознания народа. Революция 1917 года форсировала евразийский вектор развития отечественной интеллигенции, что особенно важным оказалось для России в новом тысячелетии».

В этом же направлении была сформулирована часть ответов на вопрос, предполагающий сравнение досоветской и советской интеллигенции. *«Можно говорить о том, что новая советская интеллигенция, несмотря на попытки режима создать принципиально новую интеллигенцию (особенно в 1920-е годы), генерировала в себе те черты, что свойственны собственно интеллигенции. В целом советская интеллигенция по своим качествам мало чем отличалась от дореволюционной (особенно начиная с 1950—60-х годов). Хотя, конечно, следует отметить значительный численный рост представителей интеллектуальных профессий (это объясняется научно-техническим прогрессом, схожие процессы наблюдались и на Западе)».*

Некоторые авторы попытались обозначить различия между старой и советской интеллигенцией. *«В целом, советская интеллигенция была более идеологизированной, однородной, интернациональной, сплоченной, преданной своему народу и меньше смотрела в рот Западу. Но ее разнородность, разумеется, не позволяет применить эти характеристики ко всем составляющим данного социального слоя»,* — отметил один из наших коллег. Схожую позицию высказал другой эксперт: *«Видоизменился социальный состав и идейно-политический облик интеллигенции. Наметилась тенденция к унификации сознания интеллигенции. Среди нее заметно возросло количество идейно убежденных сторонников советской власти. Вместе с тем, продолжал сохраняться и слой политических оппонентов существующего режима, хотя существенно сократилась их численность, и претерпели изменения формы противостояния власти».*

Третий респондент отметил следующее: *«Главное различие между старой российской и новой советской интеллигенцией —*

в уровне культурного развития. Имевшийся разрыв постепенно преодолевался в ходе научной и образовательной революции. Советская интеллигенция оказалась в значительной мере народной интеллигенцией (в нее вошли наиболее талантливые представители рабочего класса и крестьянства)». Многие респонденты в качестве одного из главных отличительных признаков указали на массовый характер советской интеллигенции по сравнению с досоветской.

Наибольшую остроту несут ответы наших респондентов на вопрос, связанный с изменениями постсоветского периода. Это вполне объяснимо, т. к. все мы явились свидетелями и участниками данных процессов, они повлияли на нас непосредственно, кого-то заставили сменить род занятий, место жительства, работу. Причем необязательно эти изменения могли носить негативный характер. Однако большинство исследователей отметили изменение статуса интеллигенции после 1991 г. *«Главные изменения, касающиеся положения интеллигенции в постсоветский период, связаны с утратой данной социальной группой функции посредника между властью и народом, — отметил один из экспертов. — В итоге бывшая советская интеллигенция постепенно превратилась в подобие западных интеллектуалов. Кроме того, в советское время достаточно быстро действующие социальные лифты позволяли представителям интеллигенции глубоко видеть и ощущать протекающие в обществе изменения. После стабилизации нынешнего властного режима возможности социальных лифтов до предела сужены* (выделено нами. — В. М.). *В результате этого интеллигенция постепенно утрачивала былую активную социальную и идеологическую функции, превращаясь в службу интересов влиятельных политических субъектов».*

Были высказаны и более жесткие и нелицеприятные оценки: *«Большая часть советской интеллигенции (прежде всего, преподаватели учебных заведений разного уровня, научные и инженерно-технические работники) в деформированном постсоветском обществе не нашла себе достойного места и была лишена возможности плодотворно и общественно-полезно трудиться. Те же, кто нашел себе материально благополучное*

место в новом обществе, претерпел глубокую моральную и идеологическую деградацию, фактически утратив большую часть сущностных интеллигентских качеств». Другой эксперт обратил внимание на такое явление: «За очень короткий срок интеллигенция была подкуплена платной системой образования и здравоохранения, а затем коррупционная система была введена для всех слоев советской интеллигенции. Та интеллигенция, которая не захотела или не смогла играть в эти аморальные игры, вынуждена была уйти, одновременно “порядочная интеллигенция” была выдвлена из всех слоев властной вертикали... **Советская интеллигенция оказалась институционально расформированной** (выделено нами. — В. М.), на ее место пришла система проплачиваемого интеллектуалитета. В фурсенковско-ливановский период ценностная мотивация интеллектуальной жизни уступила место эффективному финансовому менеджменту духовного производства, который окончательно похоронил старые “совестливые традиции”. Советская интеллигенция умерла, на ее место пришел агрессивный (антинародный по своей сути) российский интеллектуалитет, как подчиненная часть развитого западного (“западнистского”) евросоюзного интеллектуалитета, преследующего традиционные и нетрадиционные “западные” ценности».

С этими точками зрения солидаризируется следующий респондент: «Ведущая роль российской интеллигенции в течение десятилетий была заменена чиновничьим аппаратом, который, хотя и имеет высшее образование, но по сути своей его представители далеки от истинной интеллигентности. С ужасом вспоминаются те годы, когда деятели науки, образования, культуры вынуждены были заниматься шоп-турами, стоянием в торговых рядах рынков, чтобы обеспечить свои семьи нормальным прожиточным уровнем. В те годы происходила ломка психологии интеллигенции, ее переориентация на индивидуализм и выживание любыми способами».

Даже более расчетливые, взвешенные и менее эмоциональные оценки несут в себе тревогу: «Характерным также является существенное повышение статуса духовенства, “интеллектуализация” как правящей, так и оппозиционной бюрократии.

Резко повысилась роль интеллектуальных слоев как источника пополнения бюрократии и предпринимателей. Массовые профессии технических специалистов стали обслуживать не только государство, но и возрождающийся частный сектор экономики. Однако внутри этого типа происходят наиболее глубокие структурные изменения, приводящие к значительной социальной напряженности. Как и для всего общества, бросается в глаза поляризованность, огромная дифференциация в социально-экономическом статусе различных страт, осложненная перепроизводством специалистов многих профессий интеллектуального труда, спрос на которых ранее почти полностью поддерживался за счет государства».

Перспективы интеллигенции и итоги интеллигентоведения. Один из вопросов анкеты был посвящен перспективам отечественной интеллигенции. И здесь выявилась интересная тенденция: несмотря на преобладающие негативные оценки постсоветских трансформаций, количество экспертов, уверенных в сохранении общественной роли интеллигенции, почти совпадает с числом тех респондентов, кто отказывает интеллигенции в исторических перспективах (соответственно 35 и 30 % от общего числа). Распределение ответов представлено в таблице 12.

Таблица 12

Перспективы российской интеллигенции на современном этапе

Интеллигенция в традиционном понимании исчезает, уступая место другим группам	8	18,6 %
Интеллигенция сохраняется, но вынуждена передать часть функций другим группам: интеллектуалам или креативному классу	15	35 %
Интеллигенция сохраняется, но утрачивает свое общественное значение	3	7 %
Интеллигенция сохраняется и продолжает играть значимую роль в жизни общества	13	30 %
Отдельные группы интеллигенции продолжают играть значимую роль в жизни общества (укажите какие)	3	7 %

Также мы попросили экспертов обозначить круг проблем, которые наиболее остро стоят перед современной российской интеллигенцией. Здесь ответы разделились на две большие группы. В первой группе к числу наиболее острых отнесены вопросы, которые интеллигенция должна решить в обществе и в интеллектуальном пространстве. *«Главная задача нарождающейся новой интеллигенции в России — выработка модели национальной идентичности и создание системы ценностей, обеспечивающей сопряжение общенациональных и глобальных ориентиров в условиях резко обостряющихся глобальных проблем. В этой связи необходимо возвращение к идеям российской элиты, обеспечившей единство дореволюционного, советского и нового российского периодов в истории страны, в частности ориентация на представления о российской цивилизации, о евразийском пути развития, о пассионарности и творческих потенциях многонационального российского народа, о ресурсной самодостаточности страны»,* — подчеркивает один из наших коллег. Другой респондент более категоричен: *«Основная современная проблема (а может быть, правильнее — задача) российской интеллигенции — противодействие ментальной деградации нашего общества».*

Вторая группа ответов носит более «эгоистический» характер и связана с положением и статусом самой интеллигенции. *«Унизительное материальное положение; дезинтеграция даже внутри своей социальной группы, утрата доверия со стороны многих групп социума»,* — отмечает один из участников опроса. Эту мысль продолжает другой коллега: *«Наиболее острые проблемы для современной российской интеллигенции: низкий социальный статус и престиж профессии; низкий уровень материального обеспечения интеллигенции, нередко не позволяющий удовлетворить элементарные физиологические потребности; коммерциализация сферы подготовки работников интеллектуального труда и соответственно пополнение рядов интеллигенции лицами с низким уровнем общетеоретической и профессиональной подготовки, узким общекультурным и нравственным кругозором».* Конечно, во многих анкетах эти две группы ответов тесно пересекаются.

Продолжением темы о проблемах интеллигенции закономерно стал вопрос об итогах развития интеллигентоведения. Большинство ответивших выделили целый спектр достижений. *«Проанализированы многие процессы, связанные с формированием и развитием российской интеллигенции в XIX—XX вв., выявлена специфика такого явления, как провинциальная российская интеллигенция; глубоко раскрыты главные сюжеты, касающиеся отношений интеллигенции и власти, интеллигенции и наиболее влиятельных групп населения, повседневной жизни интеллигенции на разных этапах ее истории»,* — заметил один из экспертов.

Многие из респондентов в качестве достижения интеллигентоведения отметили междисциплинарный подход: *«Выработка комплексного междисциплинарного подхода к исследованию интеллигенции как специфического социокультурного слоя общества, выход за рамки чисто исторических методов исследования и синтетическое включение в методологию методов других гуманитарных дисциплин (социологии, культурологии, политологии). Такая комплексная методология (выделено нами. — В. М.) позволила рассматривать явления, процессы и проблемы, связанные с интеллигенцией, в их комплексности и развитии. Ее... применение делает результаты интеллигентоведческих исследований более “живыми”, органичными, глубокими и адекватными гуманитарной полноте изучаемых явлений».* Укажем в виде дополнительного примера мнение другого эксперта: *«Существенно обогатилась технология исследований. Для всестороннего анализа данной социальной общности ученые всё чаще начинают обращаться к методам и исследовательским приемам, более типичным для других областей науки. В том числе: исторической социологии, социальной психологии, антропологии и этнологии, истории ментальностей, математики».*

В некоторых ответах прозвучали комплиментарные нотки в адрес Ивановского центра и НИИ интеллигентоведения. *«Оно (интеллигентоведение) оформилось организационно (НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете), — подчеркивает один из наших авторов. — Имеет ежеквартальный журнал “Интеллигенция и мир” (индексируемый в РИНЦ и признаваемый ВАК при Минобрнауки РФ для присуждения ученых*

степеней), регулярно проводит конференции с публикацией их материалов, имеет достаточно широкий круг исследователей, представленный разными регионами России».

Интеллигенция и власть. Завершающая часть вопросов анкеты касалась взаимоотношений интеллигенции и власти. В интеллигентоведении это наиболее острая проблема, обсуждаемая на протяжении последних трех десятилетий, а если посмотреть еще дальше в прошлое — со времен публикаций сменовеховцев. Нашим респондентам было предложено ответить на вопрос о принадлежности группы государственных и муниципальных служащих к интеллигенции. Распределение ответов представлено в таблице 13.

Таблица 13

Как Вы видите соотношение государственных и муниципальных служащих и интеллигенции?

Государственные и муниципальные служащие — профессиональные отряды интеллигенции	2	4,6 %
Государственные и муниципальные служащие относятся к специфической категории интеллигенции — управленческой интеллигенции	17	40 %
Государственные и муниципальные служащие не являются интеллигенцией, а принадлежат к интеллектуалам или креативному классу	4	9 %
Государственные и муниципальные служащие никак не соотносятся с интеллигенцией, интеллектуалами или креативным классом, представляют самостоятельную социальную категорию	6	14 %
Только отдельные представители государственных и муниципальных служащих по своим личным качествам могут быть отнесены к интеллигенции	17	40 %

Как видим, большинство экспертов (40 %) посчитали, что только отдельные представители служащих, исходя из своих личностных качеств, могут быть отнесены к интеллигенции.

Справедливости ради следует заметить, что не все согласились с формулировками анкеты. Один из наших уважаемых коллег пояснил свою позицию так: *«Но здесь допущена подмена подходов. Это всё равно, что сказать: лишь отдельные рабочие, по Марксу, могут быть отнесены к рабочему классу (организованному, дисциплинированному и т. д.). При индивидуальном рассмотрении — другое дело, но тогда точнее: могут быть названы интеллигентами. Но, кто бы они ни были, функции интеллигенции они выполняют. Или должны выполнять...»* Впрочем, **обсуждение данного мнения может стать поводом для отдельной дискуссии.** Столько же экспертов (40 %) ответили, что государственные и муниципальные служащие относятся к специфической категории интеллигенции — управленческой интеллигенции.

Завершающий вопрос касался тех позиций, по которым может осуществляться взаимодействие интеллигенции и органов управления.

Таблица 14

**Может ли интеллигенция быть полезна
государственному или муниципальному управлению?**

Интеллигенция может обеспечивать научно-информационное сопровождение управленческой деятельности	6	14 %
Интеллигенция может служить источником кадров для государственной или муниципальной службы	4	9 %
Интеллигенция может быть полезна для планирования управленческой деятельности	1	2,3 %
Верны все три указанных выше варианта	29	67 %
В настоящее время и в существующем виде интеллигенция не способна оказать помощь государственному и муниципальному управлению	3	7 %

Как видно из таблицы 14, подавляющее большинство респондентов отмечают возможность взаимодействия интеллигенции и власти по всем направлениям, выделенным авторами анкеты: научно-информационное сопровождение, планирование

управленческой деятельности и в качестве источника кадров для органов управления. Однако в ответах присутствовал в небольшом количестве и более пессимистический взгляд на проблему: интеллигенция не способна помочь государственному и муниципальному управлению. Один из анкетированных пояснил: *«Интеллигенция способна и может оказать существенную помощь власти (по пунктам 1, 2, 3), но просто нынешней власти эта помощь не нужна».*

Краткие выводы. Результаты опроса позволяют сделать определенные выводы. Хотим подчеркнуть, что мы не намерены давать нашим экспертам советы или акцентировать внимание на их ошибках. Они сложившиеся исследователи и профессионалы.

За 25 лет интеллигентоведение действительно превратилось в самостоятельную сферу гуманитарных исследований. Большинство респондентов признают универсальный характер интеллигенции. **Канул в лету односторонний подход к интеллигенции, основанный на каком-то одном признаке.** Большинство опрошенных экспертов видят определение дефиниции «интеллигенция» на пересечении социопрофессионального, нравственно-этического и психологического подходов. И хотя отдельные респонденты предлагали свое решение, например социо-историко-культурный подход — но всё равно во главу угла они ставят комплексность и междисциплинарность. Другим достижением интеллигентоведческих исследований можно считать представление о развитии отечественной интеллигенции как о направленном эволюционном преемственном процессе. Большинство участников опроса четко представляют элементы преемственности от дореволюционной к советской интеллигенции, и от нее к интеллигенции постсоветской. Практически нигде не встречается точка зрения, согласно которой в 1917 г. имел место разрыв интеллигентской традиции. Вместе с этим наши эксперты однозначно называют и качественные отличия различных поколений интеллигенции.

Как отмечалось выше, **результаты опроса свидетельствуют о противоречивости представлений гуманитарного сообщества.** Хотя большинство респондентов разделяют универсальное понимание интеллигенции как группы, существующей в любом стратифицированном обществе, генезис интеллигенции видится

в XIX столетии в России (как будто предшествующие цивилизации и государства не были стратифицированными обществами). Это противоречие прослеживается как при статистической обработке всех анкет, так и в ответах отдельных респондентов. Причины, возможно, следует искать в сфере устоявшихся стереотипов, считающих интеллигенцию явлением исключительно российским, исходя из русскоязычного происхождения термина.

Постсоветские изменения в структуре, положении и общественном значении интеллигенции большинством респондентов оцениваются скорее негативно, нежели положительно. Конечно, здесь большую роль сыграл личный опыт каждого из участников опроса. Хотя были отдельные попытки указать и положительные моменты.

Также нет четкого устоявшегося представления о взаимоотношениях традиционной интеллигенции и других групп, борющихся за влияние над умами людей. И если большинство респондентов четко дифференцируют интеллигенцию и интеллектуалов, то креативный класс, напротив, отождествляется полностью или частично с интеллигенцией. Причины подобной ситуации лежат, как представляется, в двух плоскостях. Во-первых, термин «креативный класс» появился сравнительно недавно, в начале XXI столетия, и по этой причине не получил однозначного устоявшегося толкования. Во-вторых, определенную роль могло сыграть значение слова «класс». В западной социологии оно носит расширительное толкование, часто отождествляясь с понятиями страта или социальная группа. Большинство же наших респондентов получили образование в рамках марксистской методологии, где под общественным классом понимается группа с определенными и достаточно строгими характеристиками, выделенными по критериям отношения к собственности на средства производства. Отсюда, возможно, и проистекает неприятие термина «креативный класс», наблюдаемое у отдельных наших экспертов. Исходя из таких результатов опроса можно предположить, что дальнейшее определение и уточнение объема понятий «интеллигенция», «интеллектуалы», «креативный класс» составляет одну из важнейших задач интеллигентоведческих исследований. В этом ряду и проблема

преимущества социальных функций от интеллигенции к другим группам, выходящим на авансцену общественной жизни в последние десятилетия.

Несмотря на весьма нелицеприятную оценку постсоветских трансформаций, большинство анкетированных продолжают сохранять за интеллигенцией общественную роль, которую она частично должна разделить с элитами, интеллектуалами, креативным классом. Достаточно однороден и круг тех проблем, которые, по мнению наших экспертов, стоят перед интеллигенцией. Здесь и сохранение культурно-исторического наследия, и падение статуса и жизненного уровня самой интеллигенции.

Анкетированные в подавляющем большинстве сохраняют оптимизм в вопросе о перспективах, возможностях взаимодействия интеллигенции и власти. Это проявилось и в том, что наши эксперты видят в государственных и муниципальных служащих **представителей интеллигенции**, и в том, что они считают интеллигенцию полезной для деятельности органов власти.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)63-283.2

В. В. Комиссаров

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ЦЕНзуРА в 1960—80-е годы

Постановка проблемы. Научно-популярная литература занимала особое место в культурной и научной жизни советского общества. Здесь нет необходимости и возможности подробно разбирать истоки генезиса данного жанра. Безусловно, его появление происходит под влиянием промышленного переворота, а расцвет приходится на 1960—80 гг., период научно-технической революции. Научно-популярная литература, с одной стороны, смыкалась с энциклопедическими и справочными изданиями, тем самым продолжая традиции эпохи Просвещения. С другой стороны, она соседствовала с жанрами художественной литературы: приключенческим романом (преимущественно такими его видами, как колониальный или географический роман и морской роман) и научно фантастической литературой, которые в своих ранних образцах также решали задачи популяризации. Научно-популярная литература наряду с научной фантастикой наиболее полно соответствовала эстетике периода индустриализма, или «эпохе фабричных труб», по определению Э. Тоффлера.

В СССР уже в 1920—30-е гг. большой популярностью пользовались книги Якова Исидоровича Перельмана «Занимательная механика», «Занимательная физика», «Занимательная геометрия», «Занимательная астрономия», которые выдержали

© Комиссаров В. В., 2017

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии. cosh-kin@mail.ru

сотни переизданий, в том числе и после смерти автора (Я. И. Перельман погиб во время ленинградской блокады). С середины 1930-х гг. стали выходить публикации А. Ивича по истории изобретательства¹. Подлинный расцвет научной популяризации наступил в 1960-е гг. Тогда в данном жанре работал целый ряд блистательных журналистов и писателей. Среди них Д. С. Данин, написавший содержательную, но вместе с тем доступную для массового читателя книгу о квантовой физике «Неизбежность странного мира»; В. С. Губарев и Я. К. Голованов, специализировавшиеся на космической тематике; М. С. Арлазоров, посвятивший свои книги истории отечественной авиации; В. Д. Пекелис, популяризовавший знания о кибернетике и вычислительной технике, и многие, многие другие. Следует заметить, что представители партийно-политического руководства также уделяли внимание научно-популярному жанру. Например, зять Н. С. Хрущева А. И. Аджубей, руководивший на рубеже 1950—60-х гг. «Комсомольской правдой» и «Известиями», специально обеспечивал своим журналистам допуск на космодромы, полигоны, в лаборатории, НИИ и конструкторские бюро. Фактически советские популяризаторы науки и техники оказались на самом переднем крае научно-технического прогресса.

Советские издательства быстро осознали социальный заказ на подобного рода публикации. Уже со второй половины 1940-х гг. стали появляться научно-популярные книжные серии. Одними из первых были «Научно-популярная библиотека солдата и матроса» и «Научно-популярная библиотека военного издательства», выходившие под эгидой Министерства обороны. В середине 1960-х гг. издательство «Молодая гвардия», и прежде выпускавшая много научной публицистики, основала серию под названием «Эврика», в которой суммарное количество публикаций превысило тысячу наименований. В этой серии помимо авторских работ выходили тематические сборники, популярные ежегодники «Эврика», ежегодники для специализированной аудитории «Спутник молодого рабочего» и «Спутник сельской молодежи». Своими книжными сериями обзавелось издательство «Знание»: с середины 1960-х издавалась «Библиотека “Знание”», а с 1969 г. — «Жизнь замечательных идей», озаглавленная, по видимому, по аналогии со знаменитой «Жизнью замечательных

людей» (ЖЗЛ). И, наконец, издательство «Наука» не только не гнушалось изданием популярной литературы, а напротив, имело несколько книжных серий аналогичного профиля, среди которых «Планета Земля и Вселенная», «Наука и технический прогресс», «Страницы истории нашей Родины». Не оказались в стороне авторы детской научно-популярной литературы. Со второй половины 1970-х гг. в издательстве «Педагогика» выходила серия «Ученые — школьнику», представленная малоформатными книжками невысокой ценовой категории. В перестроечные годы в книжные магазины стали поступать публикации в рамках межведомственной серии «Научно-популярная библиотека школьника», в создании которой участвовали различные специализированные издательства: «Гидрометеиздат», «Стройиздат», «Судостроение», «Энергоатомиздат», «Транспорт» и др. В то же время «Детская литература» вывела на книжный рынок серию «Горизонты познания», которая отличалась шикарным оформлением: полноцветная печать, твердые глянцевые обложки, большой формат. Весь этот массив публикаций полноводной рекой вливался в книготорговую сеть и всё равно не мог ее наполнить, научно-популярная литература оставалась в СССР дефицитной.

Следует отметить, что научная популяризация тесно переплеталась с другими жанрами литературы. Так, известный советский летчик-испытатель, Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай на рубеже 50—60-х гг. опубликовал две автобиографические повести — «Через невидимые барьеры» и «Испытано в небе». И хотя по формальным признакам эти произведения должны принадлежать к мемуарной литературе, они насыщены множеством технических подробностей и размышлений автора о развитии авиационной науки. Вероятно, по этой причине в конце 1960-х гг. обе повести были переизданы под одной обложкой в научно-популярной серии «Эврика».

Именно через научную популяризацию пробивала себе дорогу паранаучная публицистика. Публикации о жгучих тайнах природы и истории, о «снежном человеке», неопознанных летающих объектах, об Атлантиде и озерных чудовищах традиционно привлекали внимание читателя. Если в 50-е гг. такого рода публикации выходили в виде журнальных статей в популярных изданиях «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Вокруг

света», то с начала 60-х гг. стали появляться книги подобной тематики. Так, в 1962 г. в Издательстве Академии наук СССР вышло первое издание книги И. С. Шкловского «Вселенная. Жизнь. Разум», в том же году в Издательстве иностранной литературы опубликован русский перевод книги американского астрофизика Дональда Мензела «О летающих тарелках», а в 1966 г. издательство «Мир» выпустило в свет работу польского астронома Людвика Зайдлера «Атлантида». Далее объем публикаций по паранаучной тематике только увеличивался.

Помимо литературы научно-популярный жанр прочно обосновался в кинематографе. В научном кино проявили себя такие замечательные режиссеры, как Феликс Соболев, снявший фильмы «Думают ли животные?», «Язык животных», «Я и другие»; Семен Райтбург, выпустивший на экран картины «Что такое теория относительности?», «Этот правый левый мир», «Физика в половине десятого»; Борис Загряжский, автор таких работ, как «Компьютер и загадка Леонардо», «Альтернатива», и др. В СССР возникли и функционировали три основных центра научно-популярной кинематографии: Центральная студия научно-популярных и учебных фильмов в Москве (Центрнаучфильм), Ленинградская студия (Леннаучфильм) и Киевская студия научно-популярного кино (Киевнаучфильм). Сформировалась даже определенная специализация этих студий, в частности, «Киевнаучфильм» первой стала выпускать фильмы по психологической тематике. Эпизодически к научному кинематографу обращались и другие кинопредприятия, например Свердловская киностудия.

Для научно-популярного кино привлекались лучшие киноактеры. Так, в фильме С. Райтбурга «Что такое теория относительности?» маленькие, но запоминающиеся роли исполнили Алла Демидова, Георгий Вицин, Алексей Грибов, в «Альтернативе» Б. Загряжского закадровый голос принадлежал Олегу Далю. Научный кинематограф оказался востребованным у партийно-идеологического руководства СССР. Фильм Ф. Соболева «Я и другие» (1971) посвящен проблемам конформизма, внушенного поведения и способам манипуляции сознанием, и, как считалось, по этой причине власти встретили его весьма настороженно, ибо советский человек не мог быть конформистом и соглашателем. Между тем, как спустя три десятилетия рассказала известный

отечественный психолог Валерия Мухина, ставившая для данного фильма психологические опыты, партийное руководство весьма внимательно отнеслось к этой киноработе. В Академии общественных наук при ЦК КПСС фильм показывали слушателям много лет как образец работы с массовым сознанием, а его создателей приглашали для ответов на возникающие вопросы².

В научно-популярный кинематограф также проникла паранаука. Причем здесь имел место и показ на советском экране зарубежных паранаучных фильмов, например «Воспоминания о будущем. Колесницы богов», снятого в ФРГ по книге швейцарского уфолога Э. Денникена (1970), и создание отечественных фильмов на аналогичную тематику с достаточно стандартными названиями. Можно упомянуть такие работы, как «Тайна» (о Тунгусском метеорите, 1979), «Тайна тайн» (о внеземном разуме, 1982), «Тайна планеты Земля» (1982), «Жгучие тайны века» (спецвыпуск телепрограммы «Очевидное — невероятное»).

В 1960—80-х гг. научно-популярный жанр стремительно завоевывает телевизионное пространство. Вначале это выражается в демонстрации на телеэкране документальных научных кинофильмов. Затем на советском телевидении появляются и специализированные телепроекты, из которых самые известные «Очевидное — невероятное», «Клуб кинопутешествий», «В мире животных» и некоторые другие. Конечно, телевидение предъявляло к популяризации новые специфические требования, нежели в литературе, включая необходимость учитывать не только содержание, но и форму подачи материала, внешний вид авторов, эстетику предметов. Принципы построения кадра, отсутствие в некоторых случаях возможности повторного дубля отличали телевизионную популяризацию даже от научного кинематографа. Здесь нет необходимости вдаваться в технические подробности. Однако пренебрежение этими особенностями могло исказить первоначальный замысел авторов и зрительское восприятие. В качестве примера можно назвать известный выпуск «Очевидного — невероятного», посвященный Бермудскому треугольнику и запечатленный В. С. Высоцким в знаменитой песне «Письмо пациентов психиатрической больницы в редакцию телевидения». Как вспоминал редактор телепередачи Лев Николаев: «Попытка... прямой дискуссии с ярким сторонником всякого рода фантастических гипотез

В. Г. Ажажой к успеху не привела... Нужно сказать, что Сергей Петрович (Капица. — *В. К.*) подготовился к разговору очень тщательно... Однако сопротивление собеседника, не желающего признавать установленные наукой законы, что называется, распалило ведущего... И симпатии зрителей оказались на стороне “поверженного”. Добавлю, что этому способствовала и весьма неудачная мизансцена. С. Капица сидел заметно ближе к камере, чем его собеседник, и это невольно подчеркивало разницу в их росте и весе. Казалось, будто ведущий “подавляет” гостя не только словами, но и физически, тесня своей массивной фигурой хрупкую фигуру “искателя истины”³.

Признаком значимости научно-популярного жанра может служить и то, что в научную популяризацию уходили остепененные и успешные ученые. Среди них доктор технических наук, профессор В. М. Шестаков, снимавшийся в фильмах С. Райтбурга «Этот правый левый мир», «Математик и черт», «Физика в половине десятого», а затем выступивший ведущим в первых выпусках телепередачи «Очевидное — невероятное». В этом ряду уже упоминавшийся представитель известной академической династии, доктор физико-математических наук, профессор С. П. Капица — ведущий телепередачи «Очевидное — невероятное» в 1970—2000-е гг. Научной популяризацией в той или иной форме занимались многие действующие представители советской науки — И. С. Шкловский, Л. А. Фирсов, Д. К. Беляев и др.⁴

Всё вышеперечисленное позволяет сделать два противоречивых, но взаимодополняющих вывода:

Во-первых, такой массив научно-популярных книг, книжных серий, кинофильмов и телепередач свидетельствует, что научная популяризация заняла важное место в жизни общества, играла заметную роль в деятельности отечественной интеллигенции. Интеллигенция явилась как создателем произведений научно-популярного жанра, так и основным (но не единственным) его потребителем. Естественно, что в произведениях научной публицистики должны были найти отражение основные вопросы общественной жизни, проблемы, фобии, треволения, терзавшие советскую интеллигенцию того времени, особенности повседневной жизни, идеи, теории и ценностные установки.

Во-вторых, объем научно-популярных произведений обозначенного периода таков, что требует для своего изучения значительных усилий, немалого времени и, конечно же, множества публикаций по самым разнообразным аспектам такого многогранного явления, как научная популяризация. Цензурное влияние — только один из аспектов темы, но аспект важный, если не ключевой, предваряющий основной анализ. Советская цензура в самых разных формах заметно детерминировала любую сферу издательской деятельности. Мы не можем вести объективный разговор о научно-популярном творчестве советской интеллигенции, об отражении через призму научной популяризации особенностей общественной жизни, пока не выявим все возможные внешние влияния и погрешности.

Цензура и научная популяризация в СССР. Наиболее исчерпывающее определение цензуры дала Т. М. Горяева: «Итак, под политической цензурой мы понимаем систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти. При этом под системой действий и мероприятий мы подразумеваем структурную и внеструктурную деятельность, не всегда обеспеченную законодательно. Именно внеинституциональность политической цензуры определяет наполнение этого понятия и его границы, которые гораздо шире рамок собственно понятия цензуры, имеющей определенные и традиционно очерченные функции, задачи и государственные органы их реализации... Таким образом, политическая цензура представляет собой часть, или подсистему, политической системы в контексте исторического опыта данного общества, в значительной степени определяющего поведенческие особенности всех участников культурного и политического процесса»⁵. На протяжении почти всего советского периода цензурой в СССР занималось ведомство, сокращенно именовавшееся Главлит. Оно носило различные официальные наименования. В интересующий нас период указанное ведомство называлось Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати Комитета по печати, а с 18 августа 1966 г. — Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. Главлит имел широкую сеть подчиненных и смежных структур: Главлиты союзных и автономных республик, краевые и областные управления

(край- и обллиты), военные цензоры Министерства обороны СССР и пограничных войск КГБ. К сфере полномочий Главлита относились такие вопросы, как предварительный и последующий контроль периодических изданий и книжных публикаций, цензура поступающей в СССР зарубежной полиграфической продукции, проверка книжных фондов библиотек и ассортимента книжных магазинов, включая букинистические. Большая часть документов и деловой переписки Главлита и подчиненных структур проходила под грифом «секретно» или «для служебного пользования». В настоящее время заметная часть архивных фондов данной организации по периоду 1957—1985 гг. хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и доступна для исследователей (хотя ряд дел до сих пор находится на секретном хранении).

Анализ фондов Главлита показывает, что цензурные функции выполнялись не столько официальной цензурой в рамках Главного управления по охране государственных тайн в печати, сколько неофициальной или партийно-идеологической цензурой. Данное явление было характерно именно для советской действительности и в гораздо меньшей степени прослеживается в других странах марксистского социализма. Например, польский исследователь советской фантастики В. Кайтох отмечал: «Также существенно отличалось, если сравнивать с нашей издательской действительностью, разграничение пределов ответственности редактора и цензора. Советские издатели имели большую, чем наши, свободу решения и больше могли потерять — а потому обычно сами исполняли цензорские функции. Но могли и рискнуть. Окруженный мелочной опекой цензора польский редактор такой возможности не имел»⁶. Это утверждение о большей свободе советских редакторов может показаться странным, но оно подтверждается последними работами по истории советской цензуры. Например, Е. М. Раскатова, со ссылкой на историка отечественной цензуры А. В. Блюма, замечает, что деятельность Главлита зачастую играла в политике властей меньшую роль, нежели другие виды контроля⁷.

Фигуры умолчания. Наиболее распространенным приемом советской цензуры буквально с момента зарождения стало наличие фигур умолчания. В эту категорию могли попасть как идеологические противники, так и советские и партийные руководители, ставшие жертвами политических репрессий 1930—40-х гг. И хотя

после хрущевской реабилитации фамилии многих из них стало возможно упоминать в открытой печати, но появилась новая волна «фигур умолчания». Это были политические оппоненты нового руководства, например члены пресловутой антипартийной группы. Причем запрет мог распространяться не только на прямое упоминание фамилии, но и на организации, учреждения, носившие имя «фигуры умолчания», на заголовки книг, выпущенных под его подписью. Таким образом, в 1950—60-е гг. под запрет попали книги практически любой тематики, где могли упоминаться колхозы, совхозы и иные предприятия, носившие имя Л. П. Берия. Иногда подобные запреты могли приобретать откровенно комичный характер. Автор данных строк в своих прежних публикациях много раз приводил случай, имевший место с известными советскими фантастами, братьями А. Н. и Б. Н. Стругацкими. Речь идет о шуточных стихах Саши Привалова из повести «Понедельник начинается в субботу»: «Вот по дороге едет ЗИМ, и я им буду задавим». По требованию редакторов ЗИМ заменили на ЗИЛ, т. к. ЗИМ — это завод имени Молотова (название Горьковского автозавода в 1950-е гг.), а В. М. Молотов после участия в «антипартийной группе» стал в СССР фигурой умолчания. В таком совершенно нерифмованном виде этот стишок вошел в многотомную «Библиотеку современной фантастики»⁸. Почти во всех советских универсальных и исторических энциклопедиях 1940—80-х гг. была статья «троцкизм», но не было главки, посвященной самому Л. Д. Троцкому, тем более не публиковались его портреты. В связи с чем в 1984 г. произошел просто анекдотический случай: в юбилейном номере журнала «Смена» в коллаже проскочило фото старой журнальной обложки с портретом Троцкого размером со спичечную коробку. Видимо, редакторы не знали, как выглядел Троцкий, и не смогли отождествить бородатого мужчину в скромном военном френче с этой демонизированной в советском массовом сознании личностью⁹. Но на это обратила внимание цензура, и в итоге главред «Смены», известный детский писатель Альберт Лиханов получил выговор.

Впрочем, в советской цензуре не было единой линии относительно фигур умолчания. В качестве наиболее яркого примера можно привести историю о судьбе двух крупных советских ученых — братьях Н. И. и С. И. Вавиловых. Во многих статьях

и телевизионных передачах на центральных телеканалах с драматизмом античной трагедии рассказывается история о том, что С. И. Вавилов долго не мог узнать судьбу своего брата, погибшего в тюрьме. Желание установить истину было одним из мотивов, заставивших его согласиться занять пост Президента АН СССР в 1946 г. Причем Сталин и Берия подвергли ученого изощренной моральной пытке, специально придерживая информацию о гибели Н. И. Вавилова. И только на закате своей жизни Сергей Вавилов узнал горькую правду, которая ускорила его собственный уход. Между тем, данная история опровергается даже обращением к справочной литературе. В завершающем томе 1-го издания Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1947 г. (титульный редактор — С. И. Вавилов), в столбце 1408 (раздел «Прикладная ботаника») Н. И. Вавилов упоминается как самый результативный директор института растениеводства и приводятся даты его жизни — 1887—1943 г.¹⁰ Таким образом, имя ученого даже после осуждения не было фигурой умолчания, а С. И. Вавилов узнал дату гибели брата, по крайней мере, в 1947 г.

Также к разряду фигур умолчания могли относиться так называемые «секретные ученые»: создатели ядерного оружия, ракетной техники, руководители оборонных предприятий. В общественном сознании даже возникла своеобразная мифология, элементом которой является легенда о тотальной советской секретности, точнее о том, что многие советские интеллигенты, работавшие в оборонных сферах, совершенно не упоминались в открытой печати или пользовались псевдонимами. Только после смерти их настоящие имена становились достоянием широкой публики. А западные разведки по крупицам, буквально «на кончике пера», пытались восстановить фамилии и биографии наших атомщиков и ракетчиков, совершая при этом грубейшие ошибки. Однако это не совсем так, несмотря на то что Советский Союз действительно являлся страной с жестким контрразведывательным режимом. Например, основоположнику советской космонавтики С. П. Королеву посвящена сопровождающаяся фотографией небольшая заметка в Энциклопедическом словаре за 1963 г., за три года до смерти главного конструктора, когда он официально был рассекречен. В данной главке упоминается членство ученого в Академии наук СССР, а сферой научных интересов называются

проблемы механики. Причем даже в этой части присутствует умолчание, но нет прямой лжи, ибо деятельность С. П. Королева так или иначе касалась проблем механики¹¹. Конструктор первой советской атомной бомбы Ю. Б. Харитон и создатель водородной бомбы А. Д. Сахаров упоминаются в Энциклопедическом словаре уже в 1955 г.¹²

Насколько же эти особенности советской цензурной политики распространяются на научно-популярную литературу? Возьмем для сравнения два издания популярной книги Владимира Орлова* «Трактат о вдохновении, рождающем великие изобретения». Первое издание появилось в последний год нахождения у власти Н. С. Хрущева, в 1964 г., а второе — в позднебрежневскую эпоху, в 1980 г. Обе публикации принадлежат издательству «Знание», причем вторая вышла в серийном оформлении «Библиотека “Знание”». Во втором издании по сравнению с первым появились минимум две фигуры умолчания. Во-первых, это Н. С. Хрущев. Первое издание «Трактата...» насыщено упоминаниями фамилии тогдашнего советского лидера, есть цитаты из его выступлений. Более того, в книге присутствует фрагмент, описывающий неусыпную заботу «дорогого Никиты Сергеевича» о развитии науки и техники, в котором содержится и такой перл: «Когда космонавт (речь идет о Германе Титове. — В. К.) получил радиограмму Н. С. Хрущева, то приборы показали, что его дыхание стало еще более правильным, а биение сердца еще более спокойным»¹³. Естественно, что издание 1980 г. не содержит ни одного упоминания о Н. С. Хрущеве. Второй фигурой умолчания совершенно неожиданно оказался А. Д. Сахаров. В первом издании о нем говорится как о молодом физике, коллеге И. В. Курчатова и И. Е. Тамма, предложившем новую интересную идею¹⁴. Во втором издании подобной фразы уже нет. Как мы видим, наличие фигур умолчания продиктовано исключительно политическими обстоятельствами: «вышедший в тираж политик» и оппозиционер-правозащитник. Впрочем, и Н. С. Хрущев, и А. Д. Сахаров всё-таки не были, подобно Троцкому, полностью

* Владимир Иванович Орлов (1916—1974), советский изобретатель и популяризатор, был главным редактором журнала «Техника — молодежи», научным обозревателем центральной партийной газеты «Правда».

вычеркнуты из открытых публикаций. О них были небольшие главки в соответствующих томах третьего издания Большой советской энциклопедии. Более того, А. Д. Сахаров как ученый удостоился упоминания в популярном приложении к «Детской энциклопедии»¹⁵. Причем случилось это в 1970 г., когда физик уже занялся правозащитной деятельностью и вступил в конфликт с официальными властями. Сравнение публикаций книги В. И. Орлова показательно еще и потому, что второе издание вышло после смерти автора, и, следовательно, все изменения носят не авторский, а исключительно цензурный или редакторский характер.

Иногда в разряд фигур умолчания попадали люди, которых можно было называть в печати, но отдельные моменты их биографий не желательно оглашать. Например, к концу 1960-х гг. во всех видах печатных изданий намечается тенденция к замалчиванию политических репрессий 1930-х гг. и, следовательно, к исключению из жизнеописаний известных людей фактов нахождения их в заключении или в ссылке. Причем это касалось и научно-популярных изданий. Так, уже упоминавшийся М. Л. Галлай в автобиографической повести «Испытано в небе» описывает свою встречу с С. П. Королевым, которая произошла в годы войны на подмосковном аэродроме, когда будущий Главный Конструктор находился в заключении в специальном конструкторском бюро (т. н. «шараге»). М. Л. Галлай не называет С. П. Королева по фамилии, прямо не указывает на его арестантский статус. Читателю даются намеки между строк. Так, мемуарист описывает тюремную одежду С. П. Королева: «...несколько странный, особенно для летнего времени, костюм: куртка и брюки из какого-то черного подкладочного сатина»¹⁶. Также между строк он пишет и о конвое: «В течение всего последующего неторопливого разговора вокруг нас, как привязанный, встревоженно кружился неизвестный мне лейтенант. Он то присаживался рядом с нами, то снова нервно вскакивал, то опять садился, изо всех сил стараясь не упустить ни одного слова из нашего разговора»¹⁷. В завершение всего этого отрывка делается более чем прозрачный намек на «инкогнито» собеседника: «Передо мной сидел настоящий Главный Конструктор, точно такой, каким он стал известен через полтора с лишним десятка лет, — энергичный и дальновидный, умный и нетерпимый, резкий и восприимчивый, вспльчивый и отходчивый»¹⁸.

Если первое издание книги вышло еще в 1963 г., когда о личности Главного Конструктора нельзя было упоминать в открытых публикациях (хотя это был весьма относительный запрет), то в 1969 г. (время публикации цитируемого нами издания) С. П. Королев посмертно превратился в «икону» отечественной космонавтики. Для любого автора упоминание о давнем знакомстве с творцом космической техники становилось выигрышным. Тем более что в данном издании фамилия С. П. Королева присутствует, правда в совсем ином контексте¹⁹. Возможно, что отсутствие фамилии Главного Конструктора в первом случае связано именно с описываемыми обстоятельствами: факт уголовного осуждения в годы репрессий не подлежал оглашению.

В 1973 г. в Лондоне бывший советский журналист-популяризатор Леонид Владимиров, в 1966 г. отказавшийся вернуться в СССР и попросивший убежища в Великобритании, опубликовал антисоветскую книжку по космической проблематике. Публикация очень неровная, весьма пристрастная, в ней реальные факты соседствуют с откровенным вымыслом и ошибками. Тем не менее, Л. Владимиров описал обстоятельства появления указанного выше эпизода в книге М. Л. Галлая. По утверждению невозвращенца, Марк Лазаревич вставил сцену встречи на аэродроме с вехом С. П. Королева, с которым продолжал поддерживать дружеские отношения. Прохождению данного фрагмента в печать способствовал военный цензор Министерства обороны Ликаренко, который, внося незначительные правки, своим авторитетом прикрыл публикацию от возможных придинок Главлита²⁰.

Факты умолчания. Другим распространенным приемом советской цензуры было наличие фактов умолчания. Как уже отмечалось выше, во второй половине 1960-х гг. в сферу умолчания всё более уходит культ личности Сталина, политические репрессии 1934—1953 гг. и другие негативные явления. Излишнее педалирование этой темы могло стать причиной цензурного запрета. Так произошло с книгой А. М. Некрича «22 июня 1941 года», вышедшей в свет в 1966 г. в «Научно-популярной серии АН СССР». В целом автор придерживался вполне официальной точки зрения на предвоенный период. Но его чрезмерное внимание к репрессиям против руководства Красной армии, к личной ответственности Сталина за неудачи начального периода, к промахам советской

разведки привело к резкой критике в академических и партийных кругах. Сам А. М. Некрич был исключен из КПСС и впоследствии покинул СССР, а 18 августа 1967 г. Главлит принял приказ № 8-ДСП об изъятии его книги из магазинов и библиотек²¹.

Прежде рассказывалось, как исторические обстоятельства превратили С. П. Королева в инкогнито в книге М. Л. Галлая. Но в подцензурных научно-популярных изданиях встречался и обратный прием, когда неприятные факты и эпизоды просто не упоминались или не объяснялись. Например, советский авиаконструктор и историк авиации В. Б. Шавров, повествуя о первом советском ракетном планере, отмечал, что «С. П. Королев, еще с начала 30-х годов разрабатывавший проект ракетоплана, не смог участвовать в работах по СК-9 с РД, бывших продолжением и развитием его идей...»²². И ни слова о причинах, не позволивших конструктору развивать свои идеи. А они вполне прозаичны и выше упоминались: в это время С. П. Королев уже находился в заключении. Такой же прием В. Б. Шавров использовал в рассказе о советском авиаконструкторе итальянского происхождения Р. Л. Бартини. «Р. Л. Бартини с января 1938 г. перестал принимать участие в постройке и испытании самолета “Сталь-7”, который доводился и испытывался уже без него»²³. И опять следует догадываться о причинах, хотя они находились в той же плоскости, что и у С. П. Королева: Бартини стал жертвой политических репрессий.

К фактам умолчания могли относиться сведения, способные бросить тень на советскую научно-техническую политику или на методы руководства научными учреждениями и решения кадровых вопросов. В советской авиационной науке такой характер приобрела история авиаконструктора А. В. Сильванского, произошедшая незадолго до Великой Отечественной войны. Замалчивать ее долгое время не представлялось возможным, но цензура не позволяла сказать всю правду. А. В. Сильванский имел крепкие семейные позиции: он приходился зятем наркому авиационной промышленности М. М. Кагановичу, который в свою очередь был родным братом «железного наркома» и ближайшего сталинского соратника Л. М. Кагановича. Вероятно, это и стало причиной того, что молодой и неопытный инженер получил в свое распоряжение конструкторское бюро и задание на разработку нового истребителя, которое скандально провалил. Этим

он сломал карьеру и судьбу своему тестю (М. М. Каганович, опасаясь ареста, застрелился). Впервые о данном эпизоде в истории советской авиации написал М. Л. Галлай в уже упоминавшейся книге «Испытано в небе». Автор со своеобразным летчицким юмором обрисовал и полную некомпетентность Сильванского, и как испытатели пытались «заставить» летать его самолет, но так и не сумели ничего сделать. Но он не назвал фамилию персонажа, обозначив его как «авиаконструктор С.»²⁴. Затем этот случай отметил В. Б. Шавров. Он первым из историков авиации обнаружил фамилию Сильванского, но вынужден был говорить о нем как о явлении «довольно необычном и для нашего строя нетипичном»²⁵. И, естественно, в советское время не раскрывались семейные связи скандального конструктора.

Также на протяжении 1960—70-х гг. в сферу умолчания уходили не только культ личности и политические репрессии, но и другие негативные явления советской истории. Особенно это заметно при сравнении различных изданий одного текста. Известный советский авиаконструктор А. С. Яковлев в 1968 г. подготовил популярный очерк развития советского самолетостроения, где довольно критично отозвался о предвоенной политике в данной сфере, о причинах неудач первого года войны (а он знал, о чем писал, т. к. в этот период был референтом Сталина по авиационным вопросам). «Влияние на некоторых наших тактиков доктрины Дуэ (хотя официально она у нас решительно отвергалась) о всемогуществе сильного бомбардировочного воздушного флота сказалось на переоценке роли тяжелобомбардировочной и недооценке штурмовой и легкобомбардировочной авиации, — пишет А. С. Яковлев и продолжает (цитируется с сокращениями). — ...Конечно, гигантские машины, производившие большое впечатление на парадах, говорили о возросших возможностях советской авиационной промышленности... они не оказались решающей силой. Отрицательной стороной гигантомании и даже рекордов того времени было то, что они создавали атмосферу благодушия... Ошибкой было также и то, что до конца 30-х годов в нашей стране имелось лишь два мощных конструкторских бюро... Наконец, наши основные авиационные заводы размещались на Европейской территории СССР, и притом почти все в пределах от западной границы до линии Волги»²⁶. В 1975 г. эта книга

была переиздана с другим названием и незначительными изменениями. Цитируемый фрагмент в новом издании остался, но уменьшился почти вдвое. Сохранилось упоминание о переоценке тяжелобомбардировочной авиации, но исчезло влияние доктрины Дуэ. Видимо, советские руководители не должны были попадать под иностранное воздействие. Также в тексте уцелели тезисы о недостаточности двух крупных КБ и о неудачном географическом размещении авиационных заводов, но был устранен вывод о негативных последствиях рекордо- и гигантоманий²⁷. Мелкие, но весьма примечательные и явно не стилистические изменения претерпели некоторые другие фрагменты книги. Так, в части причин неудач 1941 г. А. С. Яковлев называл переоборудование аэродромов, проводившееся силами НКВД, в новом издании фрагмент остался, но уже без упоминания наркомата внутренних дел, как ответственного за сложившуюся ситуацию²⁸.

Научная популяризация и цензура на телевидении.

В научной популяризации на телевидении степень свободы была немного больше, чем в области книгоиздательства. Конечно, это не значит, что цензура совсем отсутствовала. Ведущий «Очевидного — невероятного» С. П. Капица писал в своих мемуарах по этому поводу: «Меня часто спрашивают, была ли у нас цензура. И была и не была... Надо было представить своего рода клятвенное заявление, что в материалах нет ничего противного вере и Отечеству, и еще заявление специальной комиссии экспертов, что передача удовлетворяет таким-то требованиям... Это была самая разумная система, и у меня практически не было серьезных затруднений с цензурой, разве что один раз с военными, когда я рассказывал про ускорители, тогда мощные ускорители рассматривались как космическое оружие. Мне сказали: “Вы нарушили, нельзя было об этом рассказывать” — “Ну, покажите, что именно нельзя было говорить?” — “Нет, не можем, это секрет”. На этом мы и разошлись. Такие были времена»²⁹.

Эта относительная свобода давала создателям научно-популярных телепередач большие возможности. Тот же С. П. Капица отмечал еще в публикации советского «подцензурного» времени: «Вновь вспоминаю поездку на БАМ летом 1976 года, участие в выездной сессии Научного совета АН СССР по БАМу, многочисленные встречи с хозяйственниками, руководителями

этой огромной стройки... Всё это дало материал для двух часовых передач... Передачи получились настолько острыми, злободневными, нелицеприятными, что в течение нескольких месяцев после выхода в эфир их записи и стенограммы изучались во всевозможных ведомствах»³⁰.

Впрочем, С. П. Капица несколько лукавил, когда говорил об отсутствии проблем с цензурой. Он сам описывал и другой случай. В 1984 г. было подготовлено большое телеинтервью с академиком А. Аганбегяном о проблемах советской плановой экономики. Стенограмму этой передачи С. П. Капица по собственной инициативе отправил в Госплан СССР для согласования. Причем, чтобы ускорить процесс, он пошел на явную хитрость: «...я попросил нашу ассистентку Надю, очень умную и красивую женщину, поехать в Госплан... Она поехала и обнаружила стенограмму на столе у одного из примерно десяти заместителей председателя Госплана... Может быть, глядя больше на нее, чем на рукопись, он сказал, что со всем согласен... Глядя на ее прелести, он подписал нашу стенограмму, призвал помощника и тот поставил печать»³¹. Эта виза пригодилась после выхода передачи в эфир. На нее очень резко отреагировал Председатель Госплана Н. К. Байбаков, с его подачи были сформированы две комиссии: одна по линии КГБ по факту разглашения гостайны, другая — со стороны ЦК КПСС для рассмотрения идеологической составляющей этой телепередачи. Но стенограмма с визой заместителя председателя Госплана устранила все претензии³². По данному эпизоду видно, что проблемы возникли не с официальной государственной цензурой (Главлитом), а с другими государственными и партийными структурами, более заботившимися о своих ведомственных интересах.

Выводы и заключительные положения. Вначале следует оговориться, что на рассмотренном материале нельзя строить исчерпывающих выводов, можно лишь наметить тенденции. Дальнейшее изучение всего массива научно-популярной литературы, кинофильмов и телепередач позднесоветского периода может скорректировать существующие выводы, обозначить новые явления и тенденции. Тем не менее представленные в данной публикации факты позволяют сформулировать ряд положений общего характера.

Научно-популярный жанр проник во многие сферы деятельности советской интеллигенции 1960—80-х гг. Это и литература, и кино, и телевидение. За бортом нашего обзора осталось радио, между тем научно-популярные передачи имелись и в радиоэфире. Можно предположить, что для советской интеллигенции это явилось одной из форм самовыражения. Также не вызывает сомнения, что подобный расцвет научной популяризации был бы невозможен без поддержки властей. При этом решались самые разные задачи. В условиях строительства современной промышленности, расширения научно-технической революции научно-популярный жанр приобщал широкие слои к достижениям прогресса, способствовал отбору потенциальных изобретателей и исследователей.

Не следует забывать, что специальные научные тексты, особенно в фундаментальных науках, становятся всё более сложными, требующими специальной подготовки и недоступными для массового читателя. Отсюда понятно желание многих ученых заняться популяризацией, так как это был способ донести свои идеи до массовой аудитории, получить известность. Да и тиражи научно-популярных изданий были много больше, чем специальных публикаций, что давало возможность заработка за счет гонораров.

Конечно, поддержка жанра со стороны государства предполагала цензурный и идеологический контроль. Здесь мы можем видеть те же приемы, что и в других видах книгоиздательской деятельности. Четко прослеживается политический характер советской цензуры (хотя по заявленным целям она должна была охранять гостайну). Характер запретов, наличие фактов и фигур умолчания определялись существующим политическим моментом и трансформациями официальной пропаганды. Это приводило к тому, что роль официальной цензуры (Главлита) и ведомственных цензоров зачастую оказывалась второстепенной. Запреты инициировались либо партийными органами, либо государственными ведомствами, чьи интересы были выставлены в неприглядном свете.

Колебания официальной цензурной политики давали авторам определенную свободу высказываний, создавали в рамках научно-популярного жанра возможности авторского маневра. Именно поэтому в научной популяризации ставились острые вопросы, поднимались злободневные проблемы. Хотя, строго говоря,

это не было задачей научно-популярных произведений. Фактически, здесь происходила подмена: в условиях жесткого идеологического директирования и цензурного контроля научно-популярные книги и фильмы выполняли роль общественно-политической публицистики.

Проанализированный материал позволяет подойти к выводу универсального характера о неэффективности цензуры во всех ее вариантах. На конкретном примере научно-популярной публицистики можно видеть, что даже незначительное увеличение потока информации, как в печатной, так и в визуальной формах, ставило цензуру в затруднение. Цензурное ведомство СССР постепенно переставало решать свою основную задачу — охрану гостайны и становилось репрессивным придатком политических и идеологических органов. Но данный сюжет — предмет особого разговора и специального анализа.

Примечания

- ¹ *Ивич А.* Приключения изобретений. М., 1935.
- ² *Мухина В. С.* Мы все конформисты. URL: <https://snob.ru/selected/entry/15051> (дата обращения: 21.04.2017).
- ³ *Катица С., Викторов В., Николаев Л.* Между очевидным и невероятным. М., 1985. С. 126.
- ⁴ *Комиссаров В. В.* «Второй эшелон» советской науки // Специфика социально-политической активности интеллигенции/интеллектуалов в современном мире : материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2016. С. 158—161.
- ⁵ *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991 гг. М., 2009. С. 154.
- ⁶ *Кайтох В.* Братья Стругацкие : очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 534—535.
- ⁷ *Раскатова Е. М.* Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960 — начале 1980-х гг. // Интеллигенция и мир. 2010. № 2. С. 62.
- ⁸ *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и фантастика в структуре советского общества в 1940—1980-е гг. Иваново, 2012. С. 29.
- ⁹ Смена. 1984. № 1. С. 23.

- ¹⁰ Большая советская энциклопедия. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1947. Стб. 1408.
- ¹¹ Энциклопедический словарь / гл. ред. *Б. А. Введенский*. М., 1963. Т. 1. С. 540.
- ¹² Энциклопедический словарь : в 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 172, 548.
- ¹³ *Орлов В. И.* Трактат о вдохновении, рождающем великие изобретения. М., 1964. С. 336.
- ¹⁴ Там же. С. 199—200.
- ¹⁵ Познание продолжается. М., 1970. С. 19.
- ¹⁶ *Галлай М. Л.* Через невидимые барьеры. Испытано в небе. М., 1969. С. 212. (Сер. «Эврика»).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 213.
- ¹⁹ Там же. С. 106.
- ²⁰ *Владимиров Л. В.* Советский космический блеф. URL: <http://userdocs.ru/astrotoiya/4283/index.html?page=2> (дата обращения: 23.04.2017).
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р9425 (Главное управление по охране государственных тайн в печати). Оп. 2. Д. 459. Л. 77.
- ²² *Шавров В. Б.* История конструкций самолетов в СССР (1938—1950 гг.) М., 1978. С. 119.
- ²³ Там же. С. 257.
- ²⁴ *Галлай М. Л.* Указ. соч. С. 385—390.
- ²⁵ *Шавров В. Б.* Указ. соч. С. 71—72.
- ²⁶ *Яковлев А. С.* 50 лет советского самолетостроения. М., 1968. С. 59.
- ²⁷ *Яковлев А. С.* Советские самолеты. М., 1975. С. 69.
- ²⁸ *Яковлев А. С.* 50 лет советского самолетостроения. С. 57 ; *Он же.* Советские самолеты. С. 68.
- ²⁹ *Катица С. П.* Мои воспоминания. М., 2016. С. 243—244.
- ³⁰ *Катица С., Виктор В., Николаев Л.* Указ. соч. С. 124.
- ³¹ *Катица С. П.* Мои воспоминания. С. 242.
- ³² Там же. С. 245.

С. В. Кислицын

**ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
АМЕРИКАНСКОГО НЕОКОНСЕРВАТИЗМА
В 1930—80-е ГОДЫ**

1. Предпосылки формирования неоконсерватизма

Характерной чертой американского неоконсерватизма было социальное происхождение его вдохновителей. Традиционный для США консерватизм представлен семьями, давно живущими в Америке и имеющими средний и высокий уровень достатка. В свою очередь идеологи неоконсерватизма, в частности Ирвинг Кристол, Дэниел Белл, Натан Глейзер, Сеймур Мартин Липсет и другие, были выходцами из еврейских семей, переехавших в США из Восточной Европы. В 1930—40-х гг. они обучались в Городском колледже Нью-Йорка (City College of New York), который был одним из немногих бесплатных учебных заведений, доступных для иммигрантов. Их студенческие годы пришлось на период Великой депрессии 1930-х, когда американская экономика страдала от высокой безработицы, происходило разорение мелкого и среднего бизнеса. Ввиду этих трудностей большую популярность приобрели различные идеи левого толка, в том числе и среди иммигрантов. Как позже иронизировал эссеист Л. Абель, в 1930-е гг. Нью-Йорк представлял собой «самую интересную часть Советского Союза»¹.

Студенты Городского колледжа, разумеется, не оставались в стороне от общественной жизни. Они объединялись в различные неформальные кружки — троцкистов, марксистов, сталинистов и т. д., дискутировали о проблемах капитализма, перспективах

© Кислицын С. В., 2017

Кислицын Сергей Владимирович — научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. skislitsyn@imemo.ru

построения социалистического общества, применимости советского опыта и т. д. Многие из будущих идеологов неоконсерватизма, участвовавших в этих дебатах, испытывали симпатии к троцкистским идеям². Некоторые из них — Кристол, Белл, Глейзер даже принимали участие в деятельности Молодежной народной социалистической лиги (Young People's Socialist League)³, поддерживавшей идеи Четвертого интернационала. Впрочем, они покинули эту организацию к началу 1940-х гг. Несколько позже в рядах Лиги состояли Джин Киркпатрик и Джошуа Муравчик, также ставшие важными неоконсервативными идеологами. В дальнейшем эти «заигрывания» с левым радикализмом породили массу различных предположений, представляющих неоконсерваторов адептами троцкистской теории перманентной революции как способа продвижения хоть уже и не коммунизма, но демократии. Впрочем, эти предположения не могут в полной мере соответствовать действительности, и в частности — периоду «холодной войны».

Со временем интерес к идеям социализма в американском обществе пошел на спад. С одной стороны, этому способствовали действия советского правительства — заключение пакта Молотова — Риббентропа в 1939 г. с фашистской Германией, массовые репрессии и, по сути, установление тоталитарной формы правления, что вызывало разочарование у многих американских социалистов, видевших надежду в молодом коммунистическом государстве. С другой стороны, после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты переживали значительный экономический подъем, повышался уровень жизни, происходил постепенный переход к постиндустриальному обществу, что также не было на пользу левым убеждениям. В связи с этим многие стали перемещаться к центру, в сторону либеральных, антикоммунистических позиций, а некоторые даже приблизились к правоконсервативным идеям⁴. Этот правый сдвиг самым коренным образом отразился на развитии политических взглядов будущих неоконсерваторов. Уже позже, говоря о своем троцкистском прошлом, И. Кристол отмечал, что участие в тех или иных радикальных течениях было ничем иным, как увлечением юности, свойственным для многих⁵.

Отказ от левого радикализма в пользу антикоммунистических убеждений был для будущих неоконсерваторов одним из важнейших переосмыслений политических позиций, задавшим вектор их дальнейшего развития. Как и представители рабочего и среднего классов (а в молодости многие из них были заняты на различных производствах), они поддержали идеи Нового курса Ф. Д. Рузвельта и стали сторонниками Демократической партии. В конце 1940-х и в 1950-е гг. они относили себя к либералам «жизненного центра»⁶, отождествлявшим коммунизм с фашизмом ввиду таких общих для этих систем принципов, как тоталитарное государственное устройство, однопартийность, наличие единственного лидера, секретной полиции, неприятия политической, культурной и интеллектуальной свобод⁷. Само определение «жизненный центр» было предложено историком Артуром Шлезингером, подразумевавшим под ним либеральную демократию, находившуюся между *левым* коммунизмом и *правым* фашизмом.

Говоря вообще об американском идеологическом поле этого периода, можно выделить несколько ключевых групп. На самом левом отрезке находились коммунисты, представлявшие меньшинство в стране, однако являвшиеся заметной частью нью-йоркской интеллектуальной жизни. Далее шли социал-демократы, занимавшие антикоммунистические позиции. Центр был смешан, к нему могли быть отнесены и либералы и консерваторы, как демократы, так и республиканцы. Здесь же находились и будущие неоконсерваторы. Справа были те, кто занимал крайне жесткие позиции по отношению к коммунизму, среди них стоит отметить Джозефа Маккарти, инициировавшего целую эпоху политических гонений против тех, кто был заподозрен в симпатиях к левым идеям и выражении антиамериканских настроений. Далее находились крайне правые, выражавшие антиправительственные, антиинтеграционные и антикоммунистические идеи, среди них, например, «Общество Джона Бёрча»⁸.

К началу 1960-х гг. в американской плюралистичной интеллектуальной среде выделилась более-менее оформленная и весьма узкая «субкультура», получившая название «нью-йоркские интеллектуалы». В ее состав вошли представители умеренно-левого и центристского направлений, среди них были и будущие неоконсерваторы, уже выступавшие с позиций социально-общественного

консерватизма, но всё еще относившие себя скорее к либеральному течению. Основу деятельности нью-йоркских интеллектуалов составляли публицистика и литературная критика. Многие из них стали важными участниками американской академической жизни. Впрочем, всех их никак нельзя охарактеризовать как единое политическое течение, поскольку нью-йоркские интеллектуалы зачастую занимали противоположные друг к другу позиции. Например, придерживавшиеся социал-демократических идей группировались вокруг журнала «Dissent», который хоть и стоял на антикоммунистических позициях, но и к маккартизму относился негативно (как отмечал И. Кристол, «Dissent» больше беспокоился о ненарушении гражданских свобод, нежели о борьбе с коммунизмом внутри страны⁹). В то же время будущие неоконсерваторы группировались вокруг журнала «Commentary», который в каком-то смысле был ближе к идеям Маккарти (находя их «безвкусными», не отрицал некоторую исходящую от них пользу¹⁰). Но стоит отметить, что антикоммунизм нью-йоркских интеллектуалов сводился непосредственно к внутривнутриполитическим проблемам и практически не затрагивал вопросов международных отношений. Эта сфера их слабо интересовала, они скептически относились к идее вильсонизма (универсальности американских ценностей) и продвижения демократии, поскольку она не могла быть «совершенным решением для несовершенного мира»¹¹.

В середине 1950-х гг. в штат «Commentary» вошел Норман Подгорец, молодой и перспективный выпускник Колумбийского университета. В отличие от большинства своих коллег, обучавшихся в Городском колледже Нью-Йорка, он никогда не состоял в каких-либо радикальных кружках и организациях, хотя и был выходцем из семьи, в некоторой степени разделявшей левые идеи¹². Будучи убежденным антикоммунистом, в дальнейшем он встал у истоков неоконсервативной внешней политики, значительно разойдясь во взглядах со многими старшими коллегами. Он способствовал идеологизации внешнеполитических подходов течения, в то время как И. Кристол и Д. Белл стремились к исключению идеологии из своей деятельности, поскольку она «противостоит всем разумным выводам»¹³. С 1960 г., после самоубийства главного редактора «Commentary» Э. Коэна, Норман Подгорец возглавлял этот журнал до 1996 г.

2. Зарождение неоконсервативной внешней политики

Как уже было сказано выше, изначально внешняя политика не представляла особого интереса для неоконсерваторов. Их внимание к этой сфере стало следствием внутренних проблем и социального кризиса, охватившего Америку на рубеже 1960—70-х гг. В свою очередь, он во многом был вызван трудностями войны во Вьетнаме, обошедшейся Соединенным Штатам более чем в 58 тыс. погибших, 153 тыс. раненых и стоившей 111 млрд дол. (686 млрд дол. в ценах 2008 г.)¹⁴. Параллельно с ростом военных расходов правительство Линдона Джонсона было вынуждено сокращать социальные траты, что стало одной из ключевых причин сворачивания программы «Великого общества».

Снижение популярности президента и возрастание протестного потенциала, массовые акции, наподобие «Похода на Пентагон» в 1967 г., или знаменитый кровавый разгон молодежной демонстрации во время съезда демократов в Чикаго в августе 1968 г. — всё это привело к расколу внутри Демократической партии и размежеванию между традиционалистами и полевевшей частью либералов. Последние предпринимали попытки подстроиться под различные радикальные течения, в частности «новых левых» или сторонников контркультуры. Разочарованные войной во Вьетнаме, они пришли к осознанию пределов американской мощи, в связи с чем среди них стали популярны идеи разрядки международной напряженности, ограничения гонки вооружений и снижения военного присутствия США за рубежом¹⁵.

Для интеллектуалов из «Commentary» идеи контркультуры, «положительная дискриминация» и разрядка были неприемлемы. Их собственные принципы строились на традиционном либерализме в экономических вопросах, консерватизме в вопросах социальных и антикоммунизме во внешней политике¹⁶. Протест вызывало то смещение приоритетов в американском либерализме, когда активное государственное вмешательство в экономику происходило вместе с полным попустительством к вопросам нравственности и морали¹⁷. Вдобавок они были убеждены, что вне зависимости от произошедшего во Вьетнаме, антикоммунизм по-прежнему оставался одним из важнейших дел американского общества. Как отмечал Джошуа Муравчик, неоконсерваторы были

«теми людьми, кто восстал против восставших против антикоммунизма»¹⁸. Как следствие, они оказывались в противоречиях с новым партийным мейнстримом и, по сути, становились внутренней оппозицией. В этот же период появился и сам термин «неоконсерватизм», предложенный американским социалистом Майклом Харрингтоном. С его помощью он пытался дать характеристику либералам, перешедшим на более «правые» позиции¹⁹. В дальнейшем это определение по отношению к своим взглядам стал использовать Ирвинг Кристол, а несколько позже неоконсерваторами стали называть и его коллег²⁰. Однако стоит отметить, что не столько было заметно их движение вправо, сколько «полевение» американских либералов.

В конце 1960-х гг. неоконсерваторы в своей борьбе с левыми взглядами в американском обществе пришли к идее необходимости переноса этого сражения на международное поле. Под предводительством Н. Подгорца «Commentary» стал уделять всё большее внимание вопросам международных отношений и национальной безопасности, отстаивая идеи жесткого внешнеполитического курса для Соединенных Штатов. Однако нельзя сказать, что все неоконсерваторы были едины в вопросе о том, какой должна быть американская внешняя политика. В частности, это проявилось в заметном расхождении позиций Кристола и Подгорца. Если по вопросам внутренней политики они были относительно солидарны, то в сфере международных отношений представляли собой две противоположные стороны.

Ирвинг Кристол приветствовал политику разрядки, проводившейся администрациями Р. Никсона, Д. Форда и Д. Картера. Он высоко оценивал курс государственного секретаря Генри Киссинджера за то, что тот одновременно сумел подняться над «макиавеллианской» политикой и избежать морализма в своих действиях. Кристол поддерживал «европеизацию» американской внешней политики, основанной на стратегии поиска консенсуса²¹. В этих взглядах к нему были близки Д. Белл, Н. Глейзер.

Равно как и Подгорец, Кристол выражал негативное отношение к войне во Вьетнаме. Однако если первый полагал, что это была «правильная война в неправильном месте», то Кристол считал, что усилия были напрасными, хотя бы потому что Вьетнам сам еще не был готов к демократии. Он отмечал, что там не было

«политических традиций, образованных классов, гражданского духа», следовательно, «лучшее что мы [США] можем сделать для Южного Вьетнама, это то, чего мы достигли в Южной Корее — отодвинуть эту маленькую страну с передовой холодной войны, чтобы она могла тихо вариться в своем собственном политическом соку»²². Кристол скептически относился и к идее «американской миссии», выразившейся в необходимости распространения демократии в мире: «Эта идея внешне привлекательная, но нужно лишь несколько минут размышлений, чтобы понять насколько она пуста (и насколько самонадеянна!)... Удачные примеры экспорта демократии — Германия и Япония, были возможны лишь после войны и оккупации. В то же время попытки ее продвижения, например, на Филиппинах, в Панаме или в Центральной Америке провалились»²³. Таким образом, «крестный отец неоконсерватизма», в прошлом — сторонник троцкистских политических идей, выражал более умеренные внешнеполитические взгляды, соответствовавшие скорее идеям американского реализма, нежели теории перманентной революции.

Однако позиции Нормана Подгорца были совершенно иными. Высмеивая разрядку, он называл ее курьезной привычкой «говорить громко и носить маленькую дубинку»²⁴. Он критиковал Генри Киссинджера за «высказывания в стиле Уинстона Черчилля, но действия в духе Невилла Чемберлена»²⁵. Для Подгорца первостепенную важность имела борьба идеологий. Без этого споры об американской внешней политике представлялись ему бесцельными и бессвязными. «Ключевой термин — коммунизм — “тихо исчез” из обсуждения советско-американского противостояния», — писал Подгорец²⁶. Для него и неоконсерваторов, разделявших его позиции, советская идеология представлялась аморальной, а следовательно, враждебной американским ценностям, основанным на универсальных принципах²⁷. Непонимание этого, с их точки зрения, было одним из основных недостатков реализма как доминировавшей в то время внешнеполитической парадигмы. Его «нереалистичность» заключалась в неспособности к распознаванию природных различий между капитализмом и коммунизмом²⁸. Угроза со стороны «советского империализма» была не только в том, что СССР являлся сверхдержавой. Проблема заключалась в том, что коммунизм грозил уничтожением

политических институтов и культуры, являвшихся фундаментом американского государства²⁹. Ввиду этого «холодная война» была войной идеологий, и после Вьетнама она складывалась отнюдь не в пользу капиталистических демократий.

Выход из ситуации виделся в необходимости создания противовеса коммунистической экспансии. Так, политолог С. Хантингтон, сотрудничавший с журналом «Commentary», полагал, что Соединенные Штаты могут достигнуть своего политического, экономического и военного расцвета только при распространении в мире свободы и демократии³⁰. Однако неоизоляционистские настроения делали это весьма проблематичной задачей, была необходима реморализация и ремобилизация американского общества, преодоление «вьетнамского синдрома». После этой войны, как полагали неоконсерваторы, американцы потеряли веру в свою исключительность, способность к глобальному лидерству в распространении демократии. Однако у войны во Вьетнаме, по мнению Н. Подгорца, имелось моральное основание — она была элементом борьбы против распространения коммунизма³¹. Но общественное непонимание этого привело к угрожающим негативным тенденциям еще во время боевых действий. Подгорец отмечал: «Проамериканский настрой в 60-е был тем же самым, что антисоветизм в тридцатые, но если тогда радикалы поддерживали Советский Союз как центр социалистических надежд, так сейчас они скорее в оппозиции к Соединенным Штатам как к основному препятствию для рождения лучшего мира»³².

Комментируя подходы неоконсерваторов, Г. Киссинджер — госсекретарь в администрациях Никсона и Форда отмечал: «Когда неоконсерваторы впервые появились на сцене, их определяющим опытом было их собственное преобразование в погоне за “холодной войной”. Тактика им наскучивала, они не различали целей для американской внешней политики...»³³ В то время как Никсон и Форд планировали осторожно обрушить «Советы», неоконсерваторы хотели уничтожить коммунизм с помощью идеологического напора³⁴.

Стоит заметить, что в этот период неоконсервативные идеи во внешней политике преимущественно сводились к антикоммунизму. Вопросы глобального доминирования как цель дальнейшего внешнеполитического развития появились лишь после

холодной войны и стали следующей ступенью развития. Здесь же, в 1970-е гг. неоконсерваторы не предлагали самостоятельной стратегии или каких-либо систематизированных трактовок международных отношений. Впрочем, они активно сотрудничали с другими ястребами, что, с одной стороны, значительно обогатило это политическое течение, с другой — способствовало проникновению его идей в вашингтонский истеблишмент.

3. Неоконсерватизм и «ястребы»: вопросы конвергенции

Неприятие политики «разрядки» помогло выстраиванию связей между неоконсерваторами и ястребами обеих политических партий. А внутрипартийный кризис демократов во многом послужил отправной точкой для этого процесса. Выдвижение кандидатуры Джорджа Макговерна на президентских выборах 1972 г. в полной мере олицетворяло тот левый сдвиг и внутренний кризис, с которым столкнулась партия на рубеже десятилетий. Не имевший необходимого опыта для ведения политических игр, в отличие от своего оппонента-республиканца Ричарда Никсона, Макговерн выступал с альтернативной и новаторской левой программой. Среди ее основных пунктов было немедленное прекращение войны во Вьетнаме и возвращение американских солдат, перенаправление средств, затрачиваемых на проведение военных операций за рубежом, на внутренние нужды, изменение налогового законодательства (приближение к идее отрицательного подоходного налога), улучшение положения малоимущих³⁵. Многие идеи кандидата не находили поддержки среди консервативной части демократов, в том числе и среди неоконсерваторов.

Поражение Макговерна на выборах (а оно закончилось полным провалом — за него было отдано 17 голосов выборщиков, против 520 — за Р. Никсона), способствовало накалу внутрипартийной борьбы, попыткам преодоления левого уклона. Многие демократы, занимавшие центральный и правый спектры, группировались вокруг сенатора от штата Вашингтон Генри «Скупа» Джексона. Этот политик выдвигал свою кандидатуру на праймериз в 1972 и 1976 гг., однако так и не выиграл номинацию.

Генри Джексон являлся убежденным антикоммунистом. В отличие от Макговерна, он выступал за высокие военные

расходы и жесткий внешнеполитический курс. В то же время он был сторонником развития программ социального обеспечения, имел поддержку тредюнионов, в частности Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (*AFL-CIO*). Эта организация, как и многие другие американские профсоюзы, также занимала жесткие антикоммунистические позиции. В 1972 г. Джексон и его сторонники — «либералы холодной войны» создали Коалицию демократического большинства (*Coalition for a Democratic Majority*). Преимущественно она была ориентирована на внутривнутрипартийную борьбу, но в некоторой степени затрагивала и вопросы международных отношений. В ее программном манифесте «Демократы, вернитесь домой» отмечалась особая ответственность США в создании безопасного международного сообщества, осуществлялись призывы к активному сопротивлению «тоталитаризму и репрессиям», поддержке «иностранных союзников, разделяющих американские демократические ценности»³⁶. Но внешняя политика всё же не являлась ее профильным направлением.

За годы своей деятельности Коалиция демократического большинства не смогла добиться своих целей. Но она способствовала сближению «консервативной» части демократов, и в том числе — росту популярности неоконсерватизма. Так, в рядах этого течения оказались молодые выпускники университетов, такие как Ричард Перл и Пол Вулфовиц, в дальнейшем принявшие заметное участие в формировании американского внешнеполитического курса (в частности, в администрации Джорджа Буша-младшего). Оба начинали свои карьеры как помощники сенатора Джексона, вследствие чего познакомились и с неоконсерваторами. Благодаря работе Коалиции с неоконсерваторами сблизилась и представители американских профсоюзов и антикоммунистически настроенные левые, в том числе и некоторые представители протроцкистской Молодежной народной социалистической лиги. Так, Джошуа Муравчик, в 1968—1973 гг. бывший председателем национального отделения этой организации, присоединился к Коалиции демократического большинства, а позже стал и значимым участником неоконсервативного течения.

Говоря о смене своих позиций, Джошуа Муравчик отмечал, что «левые студенты обычно не идентифицировали себя

с Советским режимом, но поддерживали различные коммунистические режимы третьего мира». Относясь негативно и к капитализму, и к коммунизму, они пришли к выводу, что обе системы были плохи, но плохи неодинаково. Как вспоминал Муравчик, «коммунизм был бесконечно и ужасающе хуже — гораздо более жестоким и приносящим больший урон человеческой жизни. Осознание этого не ослабило мою веру в социализм, но заставило посмотреть на мир вокруг меня совершенно иначе»³⁷. Таким образом, к середине 1970-х гг. неоконсерватизм снова пополнился бывшими представителями левых течений или, во всяком случае, сблизился с ними. Однако в отличие от 1930—40-х гг. сближающим фактором уже выступал не только внутривластный антикоммунизм, но и борьба с советской угрозой.

В 1974 г. один из членов Коалиции за демократическое большинство, известный эксперт, политический и общественный деятель Юджин Ростоу стал вынашивать идею о создании двухпартийной организации, нацеленной на борьбу с политической разрядки, лоббирующей усиление конфронтации с Советским Союзом. Последующие международные события только способствовали созданию этой новой группы.

В апреле 1975 г. Южный Вьетнам и Камбоджа оказались под властью коммунистов, Куба совершила интервенцию в Анголу, продолжался нефтяной кризис, начавшийся в 1973 г. Несмотря на это администрация президента Форда по-прежнему проводила политику разрядки³⁸. Эти тревожные события привели к созданию в 1976 г. межпартийного «Комитета по существующей опасности» (Committee on Present Danger). В его организационном манифесте «Здравый смысл и общая угроза» отмечалось, что американские экономические и военные возможности не соответствуют задачам, стоящим перед страной ввиду глобального коммунистического наступления: «Основной угрозой для нашего государства, мира во всем мире и дела человеческой свободы является советское стремление к доминированию, основанное на несимметричном наращивании вооружений». Советский союз, полагали участники Комитета, готов воспользоваться любой возможностью для усиления своего политического и военного влияния в мире³⁹. Именно убежденность в преобладании советской мощи, как в уже свершившемся факте, стала лейтмотивом

в работе Комитета. Призывая к борьбе, его участники хорошо понимали, что «страх был лучшим союзником», который мог способствовать достижению поставленных целей — прекращению разрядки и повышению военного бюджета⁴⁰. Тактика нагнетания истерии по поводу надвигающейся катастрофы стала одной из основ деятельности Комитета. Стоит отметить, что в 1977 г. к нему присоединился и будущий президент Рональд Рейган, а значительную часть его администрации составили члены этой организации⁴¹.

Часть неоконсерваторов также приняла участие в работе Комитета. Среди них можно отметить Д. Киркпатрик, С. М. Липсета, М. Дектер, Н. Подгорца, Н. Глейзера. Впрочем, их деятельность в рамках данной организации прослеживается не так сильно. Для сторонников течения по-прежнему основным инструментом продвижения своей повестки оставался журнал «Commentary». Но уже теперь их идеи смогли проникнуть в мейнстрим политической жизни Америки, в том числе они прижились и на республиканской почве.

Деятельность неоконсерваторов, как в рамках своих публицистических изданий, так и совместно с лоббистскими организациями, не давала видимых результатов. Хотя активная и достаточно провокационная работа Комитета не могла не привлечь внимания Белого дома. В частности, известно, что администрация Картера предпринимала попытки привлечь его членов к совместной работе. Постоянные спекуляции Комитета по вопросам разрядки, ядерной безопасности и сокращения вооружений дискредитировали политику Белого дома. Ввиду этого администрация стремилась ограничить его деятельность, превратив в консультативный орган, не публикующий свои работы для широкой общественности, однако и здесь стороны не смогли прийти к взаимопониманию⁴².

4. Неоконсерватизм и Рональд Рейган: кратковременное сотрудничество

Не сумев перехватить инициативу в рамках внутривнутрипартийной борьбы, развернувшейся среди демократов, неоконсерваторы пришли к выводу, что их попытки тщетны⁴³. Кроме того, на выборах 1980 г. кандидатом от демократов вновь стал Джимми Картер, авторитет которого в их глазах был сильно подорван. Именно

с ним, деятельностью его администрации и «разрядкой» они связывали неудачи во внешней политике, критикуя недостаточную жесткость и нерешительность президента США. Джин Киркпатрик отмечала: «Провал внешнеполитического курса администрации Картера очевиден для каждого, за исключением ее архитекторов, но даже они, время от времени, должны выражать личные сомнения по поводу политики, единственным успехом которой должна стать передача Панамского канала от Соединенных Штатов кичливому латиноамериканскому диктатору с наклонностями Кастро»⁴⁴. Американский бойкот олимпиады в Москве в 1980 г., как ответ на начало войны в Афганистане, вызывал насмешки. «Кого хотел напугать Картер — Советы или американского избирателя?» — иронизировал Норман Подгорец⁴⁵.

В ноябре 1979 г. журнал «Commentary» опубликовал статью Джин Киркпатрик «Диктатуры и двойные стандарты», вызвавшую живое обсуждение среди американских интеллектуалов и политического истеблишмента. Ее основная идея заключалась в принципиальном отличии «классических» автократий от тех, которые придерживались коммунистической модели построения общества. С точки зрения Киркпатрик, если первые толерантны к социальному неравенству, жестокости и бедности, и они традиционно существуют в таких условиях, то вторые их создают. Социалистические автократии плодят беженцев, ломают коренные устои общества. В то же время у обычных диктатур есть шанс трансформироваться в демократии ввиду благоприятных экономических, социальных или политических условий — подобное уже случалось в истории. Однако не существует примеров, чтобы левые автократии переходили на рельсы демократического развития. Киркпатрик отмечала: «Несмотря на то, что большинство государств в мире есть и были автократиями того или иного типа, нет более влиятельной идеи в умах образованных американцев, чем вера в возможность демократизации правительств, когда бы то ни было, где бы то ни было, при любых обстоятельствах»⁴⁶. Следовательно, США должны были акцентировать свое внимание на поддержке классических автократий против тех, что избрали социалистический путь развития. В этом заключалась логика Киркпатрик относительно двойных стандартов во внешней политике США. Эта публикация привлекла внимание Рейгана,

позже пригласившего ее в свою администрацию. Вообще, его подходы для неоконсерваторов казались более приемлемыми во всех сферах политической жизни. Взгляды Рейгана на внутреннюю политику были консервативны. Во внешней он занимал жесткие антисоветские позиции, подкрепляемые эмоциональными высказываниями, принимал многие идеи «ястребов». Во время предвыборных дебатов Рейган заявлял, что «поддержание мира требует силы», что Америка живет в безопасности потому, что имеет достаточную для этого мощь: «Есть что-то лицемерное в том, когда мы проводим политику разрядки с единственным в мире государством, в котором не соблюдаются права человека — Советским Союзом»⁴⁷. Всё это вызывало поддержку «ястребов».

Ввиду сложившейся политической обстановки, начался постепенный переход неоконсерваторов на сторону Республиканской партии, воспринимавшийся ими, однако, как вынужденная и временная мера. Несмотря на это, они приняли самое деятельное участие в работе администрации Рональда Рейгана, оказали значительное влияние на изменение внешнеполитического курса и проведение необходимых для страны экономических реформ.

Однако в плане вопросов внешнеполитической идеологии неоконсерватизм в 1980-е гг. не получил какого-либо значительного развития. Остановившись на важности борьбы идеологий, он сравнивал СССР с фашистской Германией, которая также стремилась к уничтожению существовавшей международной системы и установлению новой, которая подчинялась бы ее власти⁴⁸. В то же время сам президент постепенно отдалялся от идей Н. Подгорца и журнала «Commentary». Этому способствовали перемены, происходившие в мире. Они делали неоконсерватизм не только неактуальным, но даже опасным в деле развития советско-американских отношений.

Начатая правительством М. С. Горбачева перестройка и внешнеполитическая стратегия «Новое мышление», провозглашавшая деидеологизацию советского внешнеполитического курса, способствовали ослаблению биполярной конфронтации. Начавшиеся в конце 1980-х гг. дезинтеграционные процессы внутри СССР вскоре привели к его коллапсу. В то же время неоконсерваторы не смогли предвидеть скорого конца «холодной войны». Не распознав политическую ситуацию внутри Советского Союза,

они выражали скептицизм по отношению к перестройке ввиду крайней зависимости советских «оттепелей» от настроения партийного руководства. Политика «гласности», как отмечалось, аналогично «оттепели» Н. С. Хрущева, представляла собой инструмент внутривнутрипартийной борьбы, «с помощью которого генеральный секретарь может консолидировать свою власть, используя прессу для предъявления обвинений и постепенного исключения своих предшественников». Коммунизм, в любом случае, представлялся «необратимым» и не склонным к переменам⁴⁹.

До самого конца «холодной войны» неоконсерваторы, равно как и члены «Комитета по существующей опасности», полагали, что военный баланс продолжает смещаться в пользу Советского Союза. СССР, по их мнению, если не превзошел, то уже сравнялся со странами Запада по технологическому развитию, проделав значительный прогресс в этом направлении, и выстраивание каких-либо доверительных взаимоотношений с коммунистическим государством не представлялось возможным. Тем более, что «необходимость противостояния Советскому Союзу была... напоминанием о том, что Соединенные Штаты Америки не просто еще одна страна среди прочих, но светоч и надежда для свободных людей повсеместно»⁵⁰.

Из-за отсутствия новых идей на фоне меняющейся обстановки популярность «Commentary» начала снижаться. В то же время, по иронии судьбы, место лидирующей дискуссионной площадки занял журнал «The National Interest», созданный Ирвингом Кристолом в 1985 г.⁵¹ На его страницах публиковались менее догматичные идеи, издание придерживалось скорее позиций реалистов, вновь набиравших силу в американской внешней политике. «Холодная война» близилась к своему завершению. Казалось, что идеологический фактор терял свою силу, и вместе с этим теряли свою актуальность идеи неоконсерватизма — равно как и идея борьбы с коммунистической угрозой.

Второе поколение неоконсерваторов, вышедшее на политическую арену вместе с окончанием «холодной войны», во многом способствовало реидеологизации американских внешнеполитических подходов. Но теперь они были связаны с идеей

глобального доминирования Соединенных Штатов как залога стабильности сложившейся однополярной системы. Многими, в том числе и теми, кто стоял у истоков неоконсерватизма, отмечалось, что второе поколение слабо связано со своими предшественниками. По сути, здесь сформировалось новое течение под старой вывеской. «Неоконы», как их теперь стали называть, никогда не были членами Демократической партии, не принимали участия в деятельности троцкистских организаций и не испытывали симпатий к коммунизму, основой их деятельности стала внешняя политика. Впрочем, и здесь могут быть найдены некоторые исключения. Например, Джошуа Муравчик, хоть и присоединившийся к течению еще в 1970-е гг., но наиболее повлиявший на его развитие уже в начале 1990-х гг.

Стоит отметить, что для неоконсерваторов первого поколения главной задачей оставалась борьба с коммунистической угрозой. Распространение демократии как основы внешней политики США не являлось для них приоритетом. В этой связи идеи перманентной революции в качестве метода распространения своего политико-идеологического влияния вряд ли могут быть применимы к неоконсервативным подходам времен «холодной войны». Появившиеся позже идеи американского глобального доминирования могут быть сопоставлены с троцкистскими проектами, однако их влияние нельзя выявить или опровергнуть безоговорочно. Эта задача должна стать одним из аспектов дальнейшего исследования.

Примечания

¹ *Abel L.* New York City : a Remembrance // *Dissent*. 1961. Summer. P. 251.

² *Vaisse J.* Neoconservatism : the Biography of a Movement. Harvard, 2011. P. 22.

³ *Joyce M. S.* The Common Man's Uncommon Intellectual // *The Neoconservative Imagination : Essays in Honor of Irving Kristol* / ed. by C. C. DeMuth, W. Kristol. Washington, 1995. P. 63.

⁴ *Mirsky Y.* Requiem for a Big Little Magazine // *Jewish Ideas Daily*. 2010. Aug. 24. URL: <http://www.jewishideasdaily.com/705/features/requiem-for-a-big-little-magazine/> (дата обращения: 12.02.2017).

⁵ *Kristol I.* Memoirs of a Trotskyist // *The New York Times*. 1979. Jan. 23.

- ⁶ Жизненный центр (от англ. the Vital Center) — определение либерально-демократических позиций относительно коммунизма и фашизма, введенное Артуром Шлезингером-младшим (*Schlesinger A. Jr.* *The Vital Center: the Politics of Freedom*. Boston, 1949).
- ⁷ *Schlesinger A. M.* Not Left, Not Right, But a Vital Center // *The New York Times*. 1948. Apr. 4.
- ⁸ *The New York Intellectuals Reader* / ed. by *N. Jomonville*. N. Y., 2007. P. 259.
- ⁹ *Ibid.* P. 260.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Kristol I.* American Politics in a Revolutionary World, by Chester Bowles // *Commentary*. 1956. August. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/american-politics-in-a-revolutionary-world-by-chester-bowles/> (дата обращения: 09.02.2017).
- ¹² *Jeffers T. L.* Norman Podhoretz : a Biography. Cambridge, 2010. P. 13.
- ¹³ *Bell D., Kristol I.* What is the Public Interest? // *The Public Interest*. 1965. № 1. Fall. P. 4.
- ¹⁴ How Much Did the Vietnam War Cost? // *The Vietnam War*. 2014. June 8. URL: <http://www.thevietnamwar.info/how-much-vietnam-war-cost> (дата обращения: 17.02.2017) ; Costs of Major US Wars, CRS Report for Congress. 2008. July 24. URL: <http://www.fpc.state.gov/documents/organization/108054.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
- ¹⁵ *Печатнов В. О.* От Джефферсона к Клинтону: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 313.
- ¹⁶ *Scammon R., Wattenberg B.* The Real Majority : an Extraordinary Examination of American Electorate. N. Y., 1971. P. 198—199.
- ¹⁷ *Гарбузов В. Н.* Революция Рональда Рейгана. М., 2008. С. 131.
- ¹⁸ The Neoconservative Persuasion and Foreign Policy : an Interview with Joshua Muravchik // *Dissent*. 2007. Winter. URL: https://www.dissentmagazine.org/democratiya_article/the-neoconservative-persuasion-and-foreign-policy-an-interview-with-joshua-muravchik (дата обращения: 06.02.2017).
- ¹⁹ *Harrington M.* The Welfare State and Its Neoconservative Critics // *Dissent*. 1973. September. URL: <https://www.dissentmagazine.org/article/the-welfare-state-and-its-neoconservative-critics> (дата обращения: 06.02.2017).
- ²⁰ *Kristol I.* What Is a Neo-conservative? // *Newsweek*. 1976. Jan. 19.
- ²¹ *Kristol I.* The Meaning of Kissinger // *The Wall Street Journal*. 1974. Apr. 11.
- ²² *Bronitsky J.* The Real Irving Kristol // *The National Interest*. 2015. Aug. 25. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-real-irving-kristol-13681> (дата обращения: 10.02.2017).

- ²³ *Kristol I.* In Search of Our National Interest // Wall Street Journal. 1990. June 7.
- ²⁴ В данном случае Н. Подгорец перефразировал известное высказывание президента Т. Рузвельта (1901—1909) «говори мягко, но держи в руках большую дубинку», которое в широком толковании может означать политику силового вмешательства (*Podhoretz N.* Making the World Safe from Communism // Commentary. 1976. April. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/making-the-world-safe-for-communism/> (дата обращения: 10.02.2017).
- ²⁵ См.: *Bronitsky J.* Op. cit.
- ²⁶ *Powers R. G.* Norman Podhoretz and the Cold War // Commentary in American Life / ed. by *M. Friedman*. Temple, 2005. P. 137.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ U. S. Foreign Policy // Commentary. 1980. February. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/u-s-foreign-policy/> (дата обращения: 16.02.2017).
- ²⁹ *Podhoretz N.* The Present Danger // Commentary. 1980. March. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/the-present-danger/> (дата обращения: 16.02.2017).
- ³⁰ *Huntington S. P.* Human Rights and American Power // Commentary. 1981. September. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/human-rights-and-american-power/> (дата обращения: 18.02.2017).
- ³¹ *Podhoretz N.* Why We Were in Vietnam. N. Y., 1982. P. 195—196, 210.
- ³² *Podhoretz N.* Breaking Ranks : a Political Memoir. N. Y., 1979. P. 219.
- ³³ *Kissinger H.* Between the Old Left and the New Right // Foreign Affairs. 1999. May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-05-01/between-old-left-and-new-right> (дата обращения: 18.02.2017).
- ³⁴ *Balint B.* Running Commentary : the Contentious Magazine that Transformed the Jewish Left into the Neoconservative Right. N. Y., 2010. P. 158.
- ³⁵ *Зорин В. С.* Первые итоги выборов : (письмо из Вашингтона) // США : экономика, политика, идеология. 1972. № 12 (36). С. 58.
- ³⁶ Come Home, Democrats, the Coalition for a Democratic Majority, 1972. URL: http://www.neoconservatism.vaisse.net/lib/exe/fetch.php?cache=&media=come_home-democrats.jpg (дата обращения: 15.02.2017).
- ³⁷ The Neoconservative Persuasion and Foreign Policy : an Interview with Joshua Muravchik // Dissent. 2007. Winter. URL: https://www.dissentmagazine.org/democratiya_article/the-neoconservative-persuasion-and-foreign-policy-an-interview-with-joshua-muravchik (дата обращения: 06.02.2017).
- ³⁸ *Vaisse J.* Op. cit. P. 162.
- ³⁹ Common Sense and the Common Danger, Committee on the Present Danger. 1976. Nov. 11. URL: http://www.neoconservatism.vaisse.net/doku.php?id=common_sense_and_the_common_danger (дата обращения: 16.02.2015).

- ⁴⁰ *Vaisse J.* Op. cit. P. 168.
- ⁴¹ *Kirchik J.* Cold Warriors Return for War on Terrorism // The Hill. 2004. June 30.
- ⁴² *Vaisse J.* Op. cit. P. 265.
- ⁴³ *Kirkpatrick J.* Why We Don't Become Republicans // Common Sense. 1979. № 2. Fall. P. 34.
- ⁴⁴ *Kirkpatrick J.* Dictatorships and Double Standards // Commentary. 1979. November. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/dictatorships-double-standards/> (дата обращения: 20.02.2015).
- ⁴⁵ *Podhoretz N.* The Present Danger : Do We Have the Will to Reverse the Decline of American Power? N. Y., 1980. P. 36.
- ⁴⁶ *Kirkpatrick J.* Dictatorships and Double Standards.
- ⁴⁷ Transcript of Ronald Reagan and Jimmy Carter Presidential Debate. 1980. Oct. 28. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/reference/10.28.80debate.html> (дата обращения: 14.04.2013).
- ⁴⁸ *Podhoretz N.* The Future Danger // Commentary. 1981. Apr. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/the-future-danger/> (дата обращения: 21.02.2017).
- ⁴⁹ *Revel J. F.* Is Communism Reversible? // Commentary. 1989. January. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/is-communism-reversible/> (дата обращения: 21.02.2017).
- ⁵⁰ *Codevilla A.* Is There Still a Soviet Threat? // Commentary. 1988. November. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/is-there-still-a-soviet-threat/> (дата обращения: 21.02.2017).
- ⁵¹ *Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism : Intellectuals and Foreign Affairs, 1945—1994. Yale, 1996. P. 178.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 74.03(4Ита)4-8

Н. В. Ревякина

ПОРТРЕТ ВИТТОРИНО ДА ФЕЛЬТРЕ, ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИСТА И ПЕДАГОГА XV ВЕКА

Витторино да Фельтре (1375(или 1378) — 1446), итальянский гуманист и педагог, создатель знаменитой школы «Радостный дом», не оставил о себе никаких свидетельств, кроме нескольких писем и трактата по орфографии. Но сохранились восхищенные отзывы его учеников. «Сократ нашего времени, краса и гордость своего века, хвала и слава Мантуанской Академии», — так писали о нем благодарные питомцы, не позволившие, чтобы имя учителя исчезло со страниц истории.

Ценнейшим источником по воссозданию его словесного образа служат воспоминания учеников — Сассоло да Прато, Франческо Прендилаквы, Франческо ди Кастильоне, Джованни Андреа Бусси, Грегорио Коррер¹, а также Бартоломео Платины², учившегося у Оньибене да Лониго, ученика Витторино. Ученики из семей разного социального статуса (городских, благородных,

© Ревякина Н. В., 2017

Ревякина Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор Межвузовского центра гуманитарного образования Ивановского государственного университета. nvrevyakina@yandex.ru

бедных) дружно славят своего наставника. В отличие от биографий, надгробных или похвальных речей, где содержатся часто общие оценки, выработанные (если речь идет о гуманистах) гуманистической идеологией, в воспоминаниях учеников много сведений индивидуального характера, конкретных и реальных. К тому же они пишут о том, что сами видели и слышали. Кастильоне, например, говорит: «То, что напишу, беру не из рассказов других, но сообщаю вещи очень надежные и правдивые, которые сам видел» (Каст., 91). Иногда ученики ссылаются на мнения других — «говорят», «я слышал»; порой чувствуется, что информация идет от самого Витторино, который рассказывал ученикам о некоторых моментах своей жизни. В результате образ учителя со страниц воспоминаний предстает не в виде абстрактной гуманистической модели, а более конкретно и объемно.

И всё же чрезмерное восхваление Витторино, приписывание ему порой необыкновенного дара предвидения и сверхчеловеческих качеств («не зря говорят, будто в добрых мужах есть нечто божественное») порой затрудняет попытку представить его истинное лицо. В таком случае целесообразно сравнивать между собой данные воспоминаний, выявляя в них схожие факты и расхождения. К письмам учеников полезно привлекать и свидетельства современников (книгоиздателя и писателя Веспасиано да Бистиччи, гуманиста и деятеля церкви Амброджо Траверсари³ — и тот и другой знали Витторино лично). Для уточнения оценок учеников важно использовать письма самого Витторино и маркизов Гонзага⁴, хотя таких писем немного. Наконец, появившиеся за последние десятилетия архивные материалы тоже могут помочь в прояснении некоторых фактов жизни Витторино⁵ и способствовать более точному воссозданию его образа.

Воспоминания учеников — главный источник. В них содержатся сведения о том, откуда Витторино родом, где получил образование и где трудился, но прежде всего ученики пишут о его человеческих качествах, о хорошо запомнившихся его поступках, высказываниях, о том, как он одевался, что ел, как выглядел. Поскольку ученики общались с ним в Мантуе, они сообщают в основном о мантуанском периоде жизни и работы учителя и знают гораздо меньше и часто неточно о его обучении в Падуе, о работе в Падуе и Венеции.

Ученикам известно, что он родился в Фельтре (область Венето) в благородной, но обедневшей семье Рамбальдони, родители были до такой степени бедными, что нуждались в самом необходимом (Пренд., 121); отец его служил писарем (Плат., 185). Витторино получил первое образование в родном городе⁶. Затем учился в Падуанском университете, где потом читал риторику и философию, но вскоре уехал в Венецию. Там занимался частным преподаванием и имел пансионат. Получив приглашение от правителя Мантуи Джанфранческо Гонзаги стать наставником его детей, согласился на это далеко не сразу, но всё же в 1423 г. переехал в Мантую, где воспитывал детей Гонзаги и затем создал собственную школу. В Мантуе оставался до конца жизни. Таковы краткие вехи биографии Витторино да Фельтре.

Описывая домантуанский период жизни своего наставника, ученики порой расходятся в фактах. Так, о получении докторской степени в Падуе у них имеются разные данные. Одни пишут, что он стал доктором свободных искусств (Каст., 89; Плат., 185), другие о том, что отказался от докторского звания (Пренд., 123). Равно расходятся и относительно контуберния (пансионата) в Падуе и Венеции: Прендилаква пишет, что он принимал туда бесплатно детей бедных родителей, а дети богатых платили (Пренд., 123—126), Платина подтверждает это только относительно Венеции (Плат., 185—186), другие ученики молчат. Об изучении Витторино греческого языка в Венеции у Гуарино да Верона они не пишут, за исключением Прендилаквы (Пренд., 124).

Быстрый уход из Падуи ученики объясняют высокомерием учителей и пороками воспитанников в публичных гимназиях, отвращением к распущенности и позорным делам тех, кто занимается науками (Плат., 185—186; Каст., 90). В Венеции же Витторино сам отобрал для обучения способных и скромных детей, других отправил обратно к родителям. Посвятив свою жизнь воспитанию и образованию детей, он хотел полной свободы в осуществлении этого главного дела своей жизни.

И всё же некоторые вещи из раннего периода жизни наставника крепко запомнились ученикам. Может быть потому, что об этом им говорил сам учитель, или потому, что произвели

на них, подростков и юношей, сильное впечатление. От Витторино ученики узнали и о его любви к физическим занятиям — бегу, прыжкам, верховой езде, игре в мяч, ходулям, с чем они связывают хорошую физическую форму учителя, выносливость, крепкое здоровье до старости. Обо всем этом, особенно о ходулях, учитель, вспоминая о раннем возрасте, рассказывал ученикам, «чуть ли не хвастаясь», и «в некоторых из них он вызывал жажду и стремление к этому трудному занятию как к вещи новой и разжигал в них желание и пыл подражать его ловкости не столько ради наслаждения юношей, сколько ради сохранения тела достойными упражнениями» (Пренд., 122).

Наверняка от Витторино они узнали о его самообразовании в области математики (Каст., 89; Пренд., 124; Плат., 185), о чем учитель рассказывал в основном в воспитательных целях, вдохновляя на занятие любимым делом вопреки трудностям. Математику в Падуе преподавал частным образом Пелакани, и Витторино, не имея денег, пришел к нему, надеясь заплатить за образование своим услужением, выполняя все обязанности в доме вплоть до мытья посуды. Но учитель долго медлил с занятиями, и Витторино, негодуя на суровость и высокомерие этого человека, через 6 месяцев ушел от него, самостоятельно изучил 10 книг «Начал» древнегреческого математика IV—III вв. до н. э. Евклида и стал в этой области большим знатоком. Пелакани, сообщают ученики, очень сокрушался, потеряв такого ученика, то ли из-за зависти к его успехам, то ли от сознания собственной алчности. Сам Витторино (его слова ученики приводят часто, сохранив их в памяти), подшучивая над алчностью этого человека, говорил: «Сколь многим я обязан Пелакани, который захотел сделать из меня математика даром, щедрый только в одном этом деле!»

Учеников, естественно, интересует переезд Витторино из Венеции в Мантую, где он стал их любимым учителем. Почему он согласился, хотя не любил дворы и нравы государей, как впоследствии часто признавался (Каст., 90)? Авторы воспоминаний дают этому свое объяснение в духе распространенных в гуманизме платоновских идей о воспитании государя. Сассоло ссылается на Платона, говорившего, что государства счастливы мудростью государей. В таком же духе высказываются Кастильоне

и Платина (по образу правителей воспитываются народы). Возможно, так думал и учитель.

Но ученики обращают внимание на то, что Витторино в разговоре с Гонзагой ни слова не сказал о вознаграждении, что было вещью необычной для того времени. «Что ты думаешь, — спрашивает Сассоло, — он выговорил себе? Золото, которое он всегда презирал и считал ничтожной вещью? Слушай внимательно, он только потребовал дать ему возможность пользоваться в отношении детей правителя отеческими правом и властью» (Сас., 66; см. также Пренд., 127), то есть он потребовал полной свободы в воспитании детей. И правитель согласился.

Называется и еще одна причина согласия Витторино — с помощью щедрого правителя он надеялся помогать многим, «как он всегда хотел, в пропитании, одежде, обучении». Ученики делают такой вывод исходя из реальной ситуации. Сначала Витторино обучал старших сыновей Джанфранческо Гонзаги — Лудовико (1414—1478) и Карло (1417—1456). Для обучения было выделено здание, служившее прежде для отдыха и увеселений; там была устроена школа, ставшая знаменитым «Радостным домом». После того как старшие сыновья закончили обучение, Витторино в 1435 г. приобрел дом, где создал школу для обучения детей горожан и детей из других регионов Италии и других стран; в этот период он обучал и младших детей правителя. Именно здесь Витторино смог осуществить свое желание.

Именно здесь у него учились и с ним общались его ученики, оставившие свои воспоминания. Каким они его увидели? Витторино был невысокого роста, худощав (Каст., 94), с живым и крепким телом (Плат., 198), со смуглым цветом лица, с немного выступающей нижней губой (Пренд., 121). «Лицо не безобразное и исполненное серьезности, так что его можно было счесть за философа» (Пренд., 121). Но в то же время он «веселый и любящий пошутить старик» (Пренд., 153), «очень веселый от природы, так что казалось, что он всегда смеется» (Бист., 233). «Голос у него был звучный, приятный, ораторский, он особенно наслаждал слушателей, каждый жест и каждое движение — достойные, соразмерные, уравновешенные» (Пренд., 121). Одевался в темные одежды, длинный до земли плащ с маленьким капюшоном — таким увидел его Бистиччи в Риме. Внешне он действительно

походил на монаха, и в годы молодости даже думал оставить мир, но, к счастью для будущих учеников, передумал.

У авторов воспоминаний более всего содержится сведений о самом Витторино, его душевных качествах, характере, привычках. В этих данных много общего, что неудивительно, ведь пишут ученики, которые ежедневно общались с учителем. Они понимают и главное дело его жизни, о чем точно говорит его любимый ученик Сассоло, по словам Прендилаквы, «весь как бы сделанный из Витторино»: «Весь его досуг и работа, все усилия и помыслы обращаются и тратятся на то, чтобы помочь людям (в их стремлении) к добродетели и чтобы побудить их к добрым наукам. И эти славные и в то же время трудные установления жизни он так постоянно и сурово соблюдает, что я никогда не вижу его не похожим на самого себя, хотя уже 6 лет живу в его доме» (Сас., 69). Емкую характеристику Витторино дает Кастильоне: «Он обладал тонким и очень острым умом, весьма подходящим для любой науки и для исполнения любого дела, большим красноречием в словесных вещах и еще большими волей и усердием в исполнении дел, безмерным благочестием и благоговением по отношению к Богу, высшей милостью и щедростью по отношению к людям» (Каст., 88). То есть он называет качества учителя, подходящие и для работы в школе, и для дел милосердия и благочестия, и для осуществления задуманных планов.

Все ученики единодушно пишут о бескорыстии, милосердии, щедрости, великодушии Витторино. Он бесплатно содержал в своем доме и обучал бедных учеников (40 или 70 человек) (Сас., 67; Каст., 92; Пренд., 133, 153; Плат., 200; Бус., 222; Бист., 230), щедро расходовал на них деньги, которые надо было найти у государя или выпросить у добрых людей, вырвать у граждан или заполучить займы под большие проценты; поэтому он часто был вынужден делать много долгов. Дважды в год он раздавал ученикам все свои одежды, и ему приходилось каким-то образом снова добывать их или просить у кого-то (Пренд., 155).

Поэтому Пизанелло изобразил на медали Витторино пеликана (у Прендилаквы ошибочно названа птица Феникс) — птицу, которая, по преданию, разрывает себе грудь, чтобы с помощью крови накормить птенцов. Со времен раннего Средневековья пеликан был символом самого Христа, его жертвы ради людей.

Этой птице подобен Витторино, «который проявлял в отношении учеников такую любовь и щедрость, что не жалел никаких трудов или расходов, так что казалось, будто расточал собственную кровь, чтобы воскресить занятия добрыми искусствами» (Пренд., 154). Витторино испытывал невероятную любовь к ученикам, которые были его семьей. Со способными бедными учениками он занимался индивидуально и, чтобы они не отвлекались от занятий для помощи родителям, сам помогал им (Пренд., 153).

Щедрость и милосердие Витторино проявлялись и в отношении к учебным нуждам учеников. У Витторино была хорошая библиотека (Трав., 225—226), книгами которой пользовались как гуманисты, так и его ученики. После того как они заканчивали обучение в школе и начинали самостоятельную жизнь преподавателями, он давал им книги для работы, возможно, на время. Известно, что 43 рукописи, большей частью греческие, были пересланы ученику Джан Пьетро да Лукка, который начал преподавать в Венеции риторике⁷. Получал от наставника книги и другой ученик — А. Беккария.

Милосердие учителя не ограничивалось помощью бедным ученикам. Будучи глубоко благочестивым человеком, Витторино соблюдал христианские предписания, утешал несчастных, помогал нуждающимся. Он посещал приюты для бедняков, тюрьмы, из которых порой выкупал сидельцев, находил лекарства для больных; передавал в монастыри зерно, вино, дрова и даже предлагал свой труд (Сас., 67; Каст., 92; Пренд., 151—152, 155). Его щедрость была обращена на дела других, от него не получал ничего только тот, кто ничего не просил (Каст. 92); но он даже разыскивал по городу тех, кто нуждался в его помощи (Пренд., 155). И делал это столь охотно, «словно убедил себя, что весь род человеческий — его семья и что он отец для всех, предназначенный к этому самой природой» (Сас., 67).

Наблюдения и оценки учеников относительно милосердия учителя и его заботы о людях находят подтверждение в немногих дошедших до нас письмах самого Витторино. В одном из них патрицию Андреа Коррер он защищает права мальчика Якопо Скуделли, у которого отнимают законное наследие (235); в другом — тому же Коррер, просит поддержать посылаемого к нему, видимо для службы, Джованни Фальконе, которому дает

прекрасную характеристику и обещает заплатить за него, если нужно, 100 золотых (236). Еще в одном письме пытается помочь Амброджо Траверсари в возвращении земель камальдуленскому монастырю (236); в другом — по просьбе Д. Доцце требует от Никколо де Пустерло вернуть тому деньги, обещая в противном случае пожаловаться маркизу (240—241).

Любопытны в этом отношении и письма Гонзага к Витторино. В одном из них Джанфранческо Гонзага сообщает Витторино об удовлетворении его ходатайства о женщине из Брешии и ее спутниках, которые пришли без ночной грамоты — они освобождаются от всякого осуждения и наказания. В доказательство этого Гонзага, видимо, зная характер Витторино и его настойчивость, приложил к своему письму письмо к официалу грамот (244).

Впечатляет последнее письмо Джанфранческо Гонзага от 2.9.1444, написанное перед смертью в том же сентябре. Он сообщает Витторино о своем состоянии и просит молить Бога за его здоровье, «поскольку твоим молитвам у меня очень много веры». Даже это письмо не обходится без упоминания о просьбе Витторино: он просил за пресвитера Кастиони, и маркиз разрешает ему действовать по своему усмотрению и воспользоваться помощью Франческо де Фоленгис, которому он поручил это дело (244—245).

Наконец, уже новый правитель Мантуи, ученик Витторино — Лудовико Гонзага, в письме учителю сообщает о продлении на месяц пропуска для еврея Моисея, о чем просил Витторино, и поручает канцелярии выписать его вовремя (245).

Дела милосердия, содержание и обучение неимущих воспитанников требовали немалых денег. Ученики же подчеркивают бедность Витторино: он «никогда ничего не имел, ничего не накопил и не пожелал накопить, хотя мог бы сделать это наилучшим образом; умирая, он не оставил после себя ничего, кроме славы добродетели» (Пренд., 154). И это действительно так, хоронили его за счет Гонзага и города. Написавший эти слова Прендилаква всё же сообщает о маленьком винограднике в пригороде, в тех местах, где было когда-то жилище Вергилия и куда учитель вывозил своих учеников, чтобы почтить поэта.

Однако у Витторино, как показывают архивные документы, были еще земельные участки, взятые в аренду на срок жизни (от аббата Сант'Андреа) и на 9 лет (от Джованни дель Оролоджо)⁸. Кроме того, его ученик Карло Гонзага подарил своему учителю довольно большой участок земли⁹, но через месяц Витторино передал эту землю своим родственникам¹⁰. Доходы с арендованной земли, как и все вознаграждения за свой труд от Гонзаги, он тратил на своих учеников, на дела милосердия (Бист., 233) и, возможно, на книги (у него ведь была хорошая библиотека). Но денег всегда не хватало. Известно, что после смерти Витторино остались долги.

Он не любил деньги и никогда не стремился к богатству. В письме супруге маркиза Паоле Малатеста он пишет: «...не думай, что я претерпел столь долго и с таким упорством и усердием столько трудов, чтобы уготовить себе богатства и почести; другой был бы путь, более многообещающий, если бы я захотел приложить к нему душу» (239). Так и было в действительности, ведь в Венеции, как известно ученикам, Витторино хорошо зарабатывал (Пренд., 125—126). Но он оставил Венецию.

Его взгляд на богатство основан на принципиальной бедности. Он выбрал для себя как бедность, так и безбрачие. И хотя Витторино был глубоко религиозным человеком, молился, регулярно постился и даже бичевал свое тело, этот выбор не был продиктован религиозными соображениями, бедность давала ему свободу, возможность принадлежать самому себе. Ученики приводят его рассуждения о бедности: бедный по собственному желанию уже богат, принадлежащий сам себе приобретает большие богатства, у него нет ничего чужого, жалок не тот, кто не имеет никаких богатств, а тот, кем владеют богатства. «Что может быть сказано значительнее этого?» (Пренд., 155)¹¹. Но свобода, которую дают бедность и безбрачие, для него были не самоцелью, а условием для наилучшего осуществления дела его жизни.

Он старался быть свободным и самостоятельным в делах и в словах. Прендилаква пишет о свободе слова Витторино, о его честности и величии души. Иметь эти качества в условиях придворной жизни было определенным мужеством. Но Витторино так сумел выстроить свои отношения с маркизом и его семьей, что сохранял собственное достоинство и уважение к себе.

Это показала уже первая встреча с Джанфранческо Гонзагой, который приглашал его быть воспитателем своих детей: «Я принимаю приглашение с тем, чтобы по доброй воле делать вещи, достойные нас обоих, если ты пожелаешь этого от меня; и я останусь у тебя до тех пор, пока будут похвальны твои нравы и добродетель» (Пренд., 126). Конечно, этих слов сообщаящий их Прендилакка не слышал (он еще не родился), он пишет «говорят» — слова запомнились теми, кто их слышал, передавались из уст в уста, и ученики их повторяют.

Начав работу в Мантуе, Витторино по собственной воле, не предупредив Гонзагу, удалил из «Радостного дома» тех учеников, которые, на его взгляд, оказывали дурное влияние на детей правителя. И Гонзага с этим согласился. Но Витторино был зависим от Гонзаги, который материально поддерживал школу, предоставлял привилегии и иммунитеты земельным владениям Витторино, помог освободить из плена в Венеции и перевести в Мантую племянника Витторино. Отношения с Гонзагой строились на полном доверии, он даже позволял Витторино брать из казны без его разрешения недостающие деньги. Мнением учителя правитель очень дорожил, иначе бы не задал ему вопрос, как Витторино его, маркиза Гонзагу, оценивает, и честный Витторино ответил, что видел многих людей и получше (Пренд., 155).

Учеников поражает мужество учителя: он стойко переносил удары судьбы, смерть близких, с другой стороны, несправедливость не только со стороны недругов, но и дружественных лиц. Легко забывал как оказанные благодеяния, так и нанесенные обиды (Сас., 68), не позволял себе мстить, а порой его мезтью было оказание обидчикам еще больших благодеяний (Пренд., 162).

Поистине надо иметь много мужества, чтобы отстаивать перед правителем его детей — Лудовико, который отправился служить миланскому герцогу, в тот период врагу Мантуи, и Чечилию, пожелавшую отказаться от брака и уйти в монастырь. Ярость отца была неопишима. Старшего сына он лишил права наследования, дочь пытался отклонить от намерения угрозами и побоями. Город скорбел, домашние трепетали, весь двор приходил в волнение от криков и ругани. Только Витторино мужественно бился за детей. Он даже сказал Гонзаге такие слова: «Мою

душу ты можешь поразить мечом и тело забить камнями, но даже с его уничтожением моя душа не потерпит твоего бесчестия. Ты можешь погубить меня, о государь, изменить не сможешь; если ты не хочешь быть отцом, я хочу остаться Витторино». Он действительно всегда хотел оставаться самим собой. Удивительно, но у него это получалось, чему свидетели — ученики. Через некоторое время отец простил сына (Прендилаква видит в этом заслугу своего наставника), дочь всё же отказалась от брака, ее жених Оддантонио Монтефельтре, правитель Урбино, из-за своего безудержного разврата был убит гражданами в 1444 г. После смерти отца Чечилия ушла в монастырь, что дает основание Прендилакве сказать, что через Витторино Бог как бы предупреждает и сохраняет непорочной девушку для родины, родителей, граждан (Пренд., 156—158; Бист., 232, у него другие данные о времени ухода Чечилии в монастырь).

О поразительном здравомыслии, да и мужестве тоже, говорит предупреждение Витторино, сделанное Гонзаге, против войны Мантуи с Венецией. Маркиз не внял ему и жестоко проиграл.

Мужество сочеталось у Витторино с мягкостью, его нрав отличался отходчивостью и добросердечием. Из-за мягкости и нежности души он был расположен к слезам (Трав., 227). Витторино плакал от самой малости, сказанной или сделанной учеником, в которой ощущался аромат добродетели, или если видел славное деяние или читал о нем. Ученики знали и пользовались этим: совершив проступок, спешили к учителю, признавали вину, просили прощение, обещали быть лучше. Витторино всё понимал и позволял себя провести не из-за снисходительности, а из педагогических соображений: приученные длительной привычкой, юноши добровольно удержатся от лжи, с годами привычка превратится в природу (Пренд., 152—153).

Но мягкость Витторино не была всепрощением. Из его писем можно узнать о некоей Ксантиппе (возможно, гувернантке детей Гонзаги), которую он не любит («не могу больше терпеть и не хочу, если бы мог»), кажется, просит маркизу удалить ее как можно скорее, иначе ему самому придется об этом позаботиться (238).

Прендилаква с удовольствием приводит его разговоры с жителями Мантуи и придворными, в которых видны и остроумие

Витторино, и его умение постоять за себя. Недоброжелателю, порицавшему Витторино за то, что у него нет детей, он отвечает так: «Если бы у меня были свои дети, я бы столь тщательно не заботился о твоих (а сыновья того человека были в числе худших учеников Витторино); полезнее, видимо, воспитывать неудачливых твоих, чем мне рожать других, может быть, еще хуже; ведь для государства несомненное благо — исправление нами плохих. Каковых же я произведу — неизвестно». И в ответ на крики недоброжелателя: «Если бы ты был добрым, то и детей имел бы добрых!» — ответил: «Значит и ты, если бы не был дурным, не произвел бы негодных детей». «Наилучший и строгий ответ» (Пренд., 149).

Умение постоять за себя, самоуважение не приводили к развитию у Витторино честолюбия. Хотя он был сведущ в любой науке, но не стремился писать, «чтобы не разжигать себя (желанием) пустой славы». Он не жаждал почестей и славы, не был побуждаем никаким честолюбием (Каст., 93), далекий от жажды славы, он краснел, когда его хвалили (Пренд., 163). И очень переживал, когда ссорились соперничавшие друг с другом ученые (в частности, его ученики Георгий Трапезундский и Феодор Газа).

Да, Витторино действительно ничего не написал, возможно, целиком занятый своей школой и делами милосердия. Но он был весьма образованным человеком, прекрасно знал античную культуру, имел прекрасную библиотеку, следил за археографическими находками, заказывал повсюду, в том числе и в Византии, нужные ему рукописи, вместе с Гуарино готовил к изданию Плиния Старшего.

Ученики отмечают у Витторино такие качества, как страсть и гнев, к которым его склоняла его пылкая природа. Он научился их сдерживать. В молодости он не был чужд любви и создал в похвалу влюбленным много стихов не только на латыни, но и на вольгаре (староитальянском). Но в более зрелом возрасте он усвоил нравы более строгие. Ученики пишут о соблюдении им целомудрия (Каст., 91) и девственности, ссылаясь на молву (Пренд., 149).

Целомудрие было важной чертой занятий в школе — как при чтении античных авторов, у которых непристойные вещи

наставник так сдерживал скромной речью, что даже Таис не казалась слушателям распутной (Пренд., 146), так и в физических занятиях, во время которых ученики не были обнаженными: середина их тела опоясывалась льняной завесой, которая прикрывала тело до колен (Пренд., 150).

Витторино умел справляться и с гневом. Как наблюдали ученики, распаяясь, он обычно поднимался на цыпочки, лицо его краснело сильнее обычного. Чувствуя приближение гнева, Витторино замыкался в себе, ни на кого не обращал внимания и едва осмеливался говорить, он считал, что разгневанный человек не может ничего правильно ни сказать, ни сделать.

Поэтому уличив кого-то из учеников в бесчестном поступке, он откладывал наказание на некоторое время, чтобы душа успокоилась (Пренд., 150). Правда, не всегда это получалось, о чем свидетельствует случай с Карло Гонзагой, который, играя в мяч, выругался в адрес святых. Витторино ударил его и долго трепал за волосы, к богохульству Витторино был особенно нетерпим. Но наказывали в школе (ставили на колени, секли, последнее применялось редко) только за безнравственные поступки (богохульство, ложь, воровство, драку), а не за учебные недоработки и ошибки.

Ученики, которые видели учителя практически ежедневно, много пишут о распорядке его дня и бытовых вопросах — о еде, одежде и др. И здесь много общих наблюдений. Тщательно распределяя свое время, Витторино каждому занятию выделял определенные часы и не позволял себе никакого бездействия. А наслаждения, удовольствия, удобства он, словно рожденный из дуба, по словам Гомера, отвергал (Сас., 69).

Сну Витторино уделял очень мало времени (Пренд., 146). В пище был умерен «выше всяких слов», пил вино только разбавленное водой «сверх меры», соль не использовал, говорил, ссылаясь на Саллюстия, что она разжигает аппетит (Пренд., 147—149). От этого порядка он никогда не отступал, говоря, что если с принятием пищи он будет чувствовать себя как и до принятия, то сможет выдержать и занятия наукой, и исполнение любых дел, и никакая пища ему не помешает. И потому телом крепкий и в занятиях неустанный он мог работать ночами (Каст., 91). Как отмечает Сассоло, даже в 70 лет у него нет свободного

от работы времени, и он может выдерживать напряжение, читая 6 часов без перерыва (Сас., 69). В старости Витторино трудился с прежним напряжением (Пренд., 165).

Отмечается и его способность стойко переносить холод и жару (Сас., 69); к огню не подходил, согревался частыми движениями и прогулками (Пренд., 121—123). К этому Витторино приучал и своих учеников. От сурового холода руки его казались жесткими, почти безжизненными; пальцы не действовали, и он их растирал, чтобы они стали мягче.

Естественно, и одежда учителя была ученикам известна. Нижняя туника из льна была почти жесткой, средняя — из кожи дикой козы, дешевая, но прочная, зимой — овечья шкура. Более дорогих видов одежды он избегал, а башмаки носил такие, какие носит простой народ (Пренд., 121).

Далеко не все любили Витторино. Будучи благородного происхождения, он своей жизнью в бедности и безбрачии как бы бросал вызов знатным. Отношение к ним у него было сложным, детей обедневших благородных он очень поддерживал, обучал, ценил выше, чем остальных. А со знатью и придворными не любил общаться и ради этого в церкви всю службу простаивал на коленях, как пишет его ученик.

В последний день жизни Витторино на вратах церкви появились три стихотворные строчки без имени автора: «Я, Мантуя, процветаю и давно процветала такими значительными людьми, у которых Витторино... недостойн был развязывать башмаки, и он не должен числиться среди них, благородных». Тщательно расследуя это дело, ученик Витторино Карло Гонзага так негодовал, что никто из-за страха перед последствиями, или убоявшись низости содеянного, не осмелился признать себя автором. А Прендилаква в память о замечательном наставнике прибил на том же месте несколько строк от имени Мантуи, страдающей от потери «моей красоты и славы» — Витторино.

Итак, какой же словесный портрет Витторино может быть нарисован на основе воспоминаний учеников и современников? Выбрав жизнь в миру и отказавшись от жизни в монашестве, Витторино поставил своей целью служение людям, будь это образование и воспитание детей, включая и детей Гонзаги, или помощь людям. От этой главной цели, ставшей делом его жизни, он

никогда не отступал. Витторино был предельно сосредоточен, оторнул от себя всё внешнее, отказавшись от семьи, встав на позицию принципиальной бедности, дающей ему свободу и возможность тратить все свои средства на дела образования и милосердия. Осуществлению избранной цели он подчинил свой характер: научился побеждать природные страсть и гнев, воспитал терпимость, трудолюбие, сделал себя физически крепким вплоть до старости, умерил до минимума свои жизненные потребности. В непростых условиях придворной жизни Витторино сохранил уважение к себе, свободу в речах и независимость в действиях, мужество, здравомыслие; его отличало умение постоять за себя, самоуважение, исключавшее честолюбие.

Результат подвижнического труда Витторино — его ученики, ставшие правителями городов-государств, военачальниками, деятелями церкви, учеными, переводчиками, школьными учителями. Неоспоримо его влияние и на элиту общества, и на более широкие слои населения. Благодаря таким людям, как Витторино да Фельтре, эпоха, вступившая на стезю предпринимательства и накопления капитала, сумела не утратить нравственных ориентиров, сохранить высокое уважение к знанию и культуре.

Примечания

¹ Воспоминания учеников опубликованы Э. Гарэном вместе с итальянским переводом в издании: *Garin E. Il pensiero pedagogico dell'umanesimo*. Firenze, 1958. P. 503—712. Русский перевод воспоминаний см.: Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников / сост., пер., вступ. ст. и коммент. *Н. В. Ревякиной*. М., 2007. Ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием имени автора воспоминаний и страниц.

Авторы воспоминаний. Сассоло да Прато (1416—1449) после смерти родителей (отец был медиком) учился бесплатно в школе Витторино с 1438 по 1444 г. Письма-воспоминания о Витторино написаны еще при жизни учителя в 1443 г. Погиб от болезни или, будучи заражен чумой, покончил с собой. Франческо ди Кастильоне (ум. в 1484 г.) из благородной семьи, учился в Мантуе в 1438—1446 гг. Пошел по церковной стезе, стал секретарем архиепископа Флоренции Антонина. Написал его житие, в начале которого вспоминал об учителе. Франческо

Прендилаква (1430 — после 1509) родился в Мантуе в семье бергамцев. В школе Витторино с 1440 г. Потом был секретарем младшего сына маркиза Гонзаги Алессандро, после его смерти — при дворе Гонзаги. К 1470 г. написал воспоминание об учителе, это самое обширное свидетельство о Витторино. Грегорио Коррер (1409—1464) из знатной венецианской семьи, учился у Витторино в 1426—1428 гг. В 1431 г. принимает сан. Папа назначил его апостолическим протонотарием. Позже настоятель храма св. Зенона в Вероне. Джованни Андреа Бусси да Виджевано (1417—1475) из благородной, но, видимо, обедневшей семьи, обучался у Витторино бесплатно. Сделал церковную карьеру. Епископ Алерии на Корсике, референдарий и библиотекарь в Ватикане. Горячо поддерживал книгопечатание. О Витторино пишет в Предисловии к изданию Тита Ливия.

² Бартоломео Сакки (Платина) (1421—1481) родом из местечка Пьядена около Кремоны (отсюда его латинизированное имя Платина). Сначала служил в армии Франческо Сфорцы, затем, оставив военное дело, пошел учиться в Мантую. Его наставником стал ученик Витторино, Оньибене да Лониго. После ухода учителя в Виченцу в 1453 г. Платина по приглашению Лудовико Гонзаги стал руководителем школы до 1457 г. Затем он отбыл во Флоренцию, где слушал лекции Аргиропуло, после этого — на службе в папской курии. Работу, посвященную Витторино, он написал между 1462—1465 гг. Воспоминания Платины, хотя они тоже включены Гарэном в сборник, имеют и отдельное издание: *Platina B. Vita di Vittorino da Feltre / a cura di G. Biasuz. Padova, 1948.* Здесь дан итальянский перевод и оригинальный текст. Русский перевод работы Платины сделан нами с этого издания. Ссылки на него также будут даны в тексте статьи с указанием имени автора и страниц.

³ Воспоминания Веспасиано да Бистиччи и Амброджо Траверсари использовались в издании Э. Гарэна; письма Траверсари, за неимением латинского их издания, были переведены нами с итальянского из книги: *Tiraboschi A. Storia della letteratura italiana. Modena, 1779. Vol. 6, pars 2. P. 275—277.* Все эти тексты в русском переводе помещены в кн.: *Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре...* С. 225—234 и соответственно ссылки на них даны в тексте статьи с указанием имени автора и страниц.

⁴ Семь писем Витторино из 10 опубликованы Э. Гарэном в изд. *Il pensiero pedagogico*, три других — у А. Беллоди (см.: *Bellodi A. Per l'epistolario di Vittorino da Feltre // Italia Medioevale e Umanistica. Padova, 1973. XVI. P. 337—338*), в кн.: *In traccia del Magister Pelicanus. Mostra documentaria su Vittorino da Feltre / a cura di R. Signorini.*

- Mantova, 1979. P. 71—72 и в ст.: *Chambers D. C. An unknown letter by Vittorino da Feltre // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. L., 1989. Vol. 52. P. 219—221.* Письма Гонзага опубликованы в кн.: *In traccia del Magister Pelicanus. P. 74—76.* Все письма переведены на русский и помещены в кн.: *Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре... С. 235—243.* Ссылки на них даны в тексте статьи с указанием страницы.
- ⁵ Фрагменты этих документов опубликованы П. Синьорини в кн.: *In traccia del Magister Pelicanus. P. 53—86.*
- ⁶ Ученики, ничего не зная о Фельтре, расположенном «в глуши Вене-то», низко оценивают начальное образование Витторино, считая его малопродуктивным. Между тем его учителем мог быть Антонио ди Романья, учившийся, как предполагают исследователи, у известного гуманистического педагога Джованни Конверсини да Равенна и ставший канцлером Фельтре между 1380—1400 гг. Он мог посоветовать Витторино продолжать образование в Падуе.
- ⁷ См.: *Cortesi M. Libri e vicende di Vittorino da Feltre // Italia Medievale e Umanistica. Padova, 1980. XXIII. 23. P. 82—88.* См. также: *Ревакина Н. В. Библиотека Витторино да Фельтре // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 129—137.*
- ⁸ *In traccia del Magister Pelicanus. P. 53.*
- ⁹ *Ibid. P. 53—54.*
- ¹⁰ *Ibid. P. 54.*
- ¹¹ Рассуждения Витторино о бедности любопытно сопоставить с мыслями трактата о бедности Антонио ди Романья, предполагаемого учителя Витторино в Фельтре. См.: *Gianguzza Billanovich M. C. L'umanista feltrino Antonio di Romagna e il suo libro «De paupertate». Firenze, 1980. P. 64—81.*

Д. В. Кирюхин

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В УНИВЕРСИТЕТАХ ЕВРОПЫ
В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI ВЕКА:
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КОРНЕЛИО ВИТЕЛЛИ**

Вторая половина XV в. ознаменовала распространение итальянского гуманизма в Западной Европе, и что наиболее важно, именно представители итальянской интеллигенции, посещавшие и преподававшие в ведущих университетах Франции, Англии и Германии, способствовали постепенной трансформации системы образования, приходившей на замену предыдущей средневековой модели. Такие известные личности, как Грегори Тифernas (1414—1462), учитель Жака Лефевра д'Этапля (1455—1536/1537) и Робера Гагена (1433—1501), Джироламо Бальбо (1460—1535) и Публио Фаусто Андрелини (1462—1518) преподавали во Франции, Кайо Ауберино (ок. 1450—1500) — в Англии, Стефано Суригоне — в Германии и Англии. Особый интерес представляет творческая и профессиональная деятельность коллеги названных авторов — Корнелио Вителли, по стечению обстоятельств оказавшегося далеко от родной Италии и побывавшего в кругу коллег по перу во Франции и Англии.

Зарубежные исследователи жизни и творчества авторов-гуманистов уже с середины XIX в. обращают свое внимание на специфику взаимоотношений правителя и интеллектуальной среды королевского двора. Первым подобным трудом становится очерк Дж. Гейрднера¹, который также впервые систематизирует и публикует работы придворного поэта Бернара Андре Тулузского

© Кирюхин Д. В., 2017

Кирюхин Дмитрий Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. bagerlock@gmail.com

(1450—1522). Работы Д. Карсона² и С. Дж. Ганна³ рассматривают особенности государственного заказа и полемику авторов английского двора и французских дипломатов. Ведущим специалистом по изучению творчества английского придворного историка Полидора Вергилия является Д. Хэй⁴, подготовивший одно из первых наиболее полных изданий его «Истории Англии» («Anglica Historia») (перевод на современный английский язык доступен благодаря Д. Саттон⁶). Об этом итальянском авторе пишут также Р. Хертел⁷ и Дж. Арнольд⁸. Что касается К. Вителли, без сомнения заслуживающим внимания является материал Р. Вейсса⁹. Сравнительно немного исследований в отечественной историографии посвящено жизни и творчеству таких придворных авторов, как К. Вителли. Е. Г. Домнина освещает дипломатическую деятельность Полидора Вергилия и Дж. Джильи как представителей римской курии¹⁰, материал М. М. Горелова носит лишь обзорный характер¹¹, а Е. Р. Смирнов использует работы Полидора Вергилия при обращении к вопросу о взаимоотношениях королевской власти и английского парламента¹².

Современной исторической науке практически ничего не известно о ранних годах Корнелио Вителли. Считается, что он был родом из города Кортонны, расположенного к северу от Тразименского озера в регионе Тоскана, к юго-востоку от города Ареццо в провинции Ареццо, около 1450 г. Зарубежный исследователь Р. Вейсс в своей статье, посвященной жизни К. Вителли, критикует тезис ученого Апостола Дзено (1668—1750) о том, что Вителли был членом Римской академии и учеником итальянских гуманистов Лоренцо Валлы (1407—1457) и Помпонио Лето (1428—1497), поскольку этому пока нет достоверных доказательств¹³. Работы самого Вителли не подтверждают и не опровергают этого и, к сожалению, не содержат сведений о его педагогах и учителях. Однако именно благодаря его писательскому таланту мы знаем, что Корнелио получил образование в Венеции и, возможно, Падуе, о том, что Вителли пробыл там какое-то время, свидетельствует его письмо Антонио Партенио Лацизио¹⁴. Среди ранних работ, созданных К. Вителли на родине в Италии, стоит отметить «В защиту Плиния и Домицио Кальдерини» («In defensionem Plinii et Domitii Calderini») (1454—1493), посвященную Эрмолао Барбаро (1454—1493), и стихотворение, написанное после

смерти герцогини Урбинской Баттисты Сфорца в 1472 г. и адресованное ее второму мужу Федерико да Монтефельтро.

Практически с самого начала своей карьеры Корнелио Вителли оказывается вовлеченным в один из конфликтов в кругу представителей итальянской интеллигенции, противниками в котором выступили Домицио Кальдерини (1446—1478) и Джорджио Мерула (ок. 1430—1494)¹⁶. Кальдерини в комментариях к XV письму Публия Овидия Назона «Сафо — Фаону», входящему в цикл «Героиды», несколько раз критиковал оппонента, на что Мерула ответил весной 1478 г. сочинением «*Adversus Domitii Calderini commentarios in Martialem*». Противостояние, однако, было продолжено и после смерти Кальдерини, на сторону которого встал Вителли, написавший трактат в защиту текста «Естественной истории» Плиния старшего и самого Кальдерини. Труд Вителли был издан в Венеции в 1481—1482 гг. и получил определенную известность в гуманистических кругах. Сторонники Дж. Мерулы, конечно же, не могли оставить подобное произведение без ответа, который последовал в 1482 г. от Паоло Ромулео, где Вителли был назван «ядовитым оскорбителем»¹⁷. Вполне возможно, что участие в данном противостоянии и, как следствие, уменьшение числа учеников (из трактата К. Вителли известно, что у него были частные ученики)¹⁸ стали поводом для Вителли покинуть Италию. Во всяком случае, как отмечает Р. Вейсс, нет других свидетельств о том, что какие бы то ни было другие инциденты, получившие широкую огласку, заставили К. Вителли отправиться в Париж, куда он прибыл в 1488 г.¹⁹

Разумеется, К. Вителли был далеко не первым итальянцем, перед кем Университет Парижа радушно открыл свои двери. Григори Тифernas преподавал латынь и греческий язык еще в 1457—1459 гг. Кроме того, Вителли прибыл в Париж примерно в одно время с другим итальянским гуманистом, другом Эразма Роттердамского — Публио Фаусто Андрелини. Нельзя сказать, что их приезд был тепло встречен их коллегой Джироламо Бальбо, который начал преподавать в Париже четырьмя годами ранее, в 1484 г.²⁰ Как пишет Р. Вейсс, план последнего был прост: сначала с помощью Вителли сокрушить репутацию Андрелини, а затем избавиться и от своего соратника²¹. Для того чтобы привлечь

Вителли на свою сторону, Бальбо адресует ему в 1494 г. эпиграмму. Надежды Бальбо оправдались, и вскоре Корнелио Вителли, уже прекрасно знакомый с деталями и особенностями споров и противостояний в гуманистических кругах, публично обвинил Андрелини в плагиате. По словам Вителли, Фаусто Андрелини опубликовал, выдав за свои, такие работы, как «Эклоги» римского поэта Кульпурния Сицилийского и «Вступительное сочинение о подготовке писем и молитв» Августино Дати (1420—1478). Насколько данные обвинения имели реальную основу, сейчас сложно утверждать, однако факт заимствования Андрелини целых отрывков у Кульпурния и Марка Аврелия Олимпия Немезиана является неоспоримым²². В любом случае в рассматриваемый период литературные труды названных авторов были напечатаны и широко известны интеллектуальному сообществу²³. Все обвинения в свой адрес Андрелини, разумеется, отрицал, в ответ обвинив Корнелио Вителли в развращении латинского языка. Вскоре и сам Вителли ощутил на себе гнев своего бывшего союзника, и поскольку Корнелио приобрел таким образом сразу двух врагов в среде университетской интеллигенции среди своих земляков, его пребывание в Париже едва ли можно назвать спокойным и успешным. Известно, однако, что поддержал автора Робер Гаген, оказавшийся едва ли не единственным другом Вителли во Франции. Бывший ученик Г. Тифернаса, Р. Гаген занимал весьма авторитетную позицию и был одним из ведущих гуманистов своего времени²⁴.

В 1489 г. Джироламо Бальбо обратился в Парижский Университет с прошением о разрешении на чтение публичных лекций²⁵, вскоре и Вителли, и Андрелини последовали его примеру. Разрешение для троих итальянских ученых было получено 5 сентября того же года. Условия, предоставляемые Университетом, заключались в следующем: свои лекции итальянцы должны были проводить в определенный вечерний час, установленный по решению местного руководства²⁶. Таким образом, власти продемонстрировали свое явное нежелание принимать чью-либо сторону в конфликте, развернувшемся между гуманистами. Всё вышеописанное вынудило Корнелио Вителли покинуть Францию. Точно неизвестно, почему он предпочел отправиться именно

в Англию, вероятнее всего, он мог последовать совету кого-то из своих коллег, с кем встречался ранее в Париже.

Корнелио Вителли достиг английских берегов в конце 1489 г. или в начале 1490 г. и в первую очередь направился в Лондон, где планировал встретиться со своими коллегами по перу, прибывшими ранее из Италии. Первым из них был Джованни Джильи (1434—1498), сын торговца, сделавший великолепную карьеру в Английском королевстве. Джильи родился в Брюгге, затем еще мальчиком вместе с родителями оказался в Англии, где стал представителем папы Сикста IV и сборщиком податей в Уэллсе в 1470 г. При короле Эдуарде IV Джильи — каноник собора в Уэллсе в 1478 г.²⁷, однако во время правления Ричарда III сведения о внимании короля к нему отсутствуют. Генрих VII Тюдор вновь обращается к Джильи и делает его одним из своих придворных поэтов, а в 1497 г. он получает должность епископа Вустера²⁸. До Джованни в Англии смогли успешно реализоваться и другие его родственники — отец Карло, чьи литературные таланты несомненно проявились в сыне, и дед Пьеро²⁹. Вторым итальянцем при английском королевском дворе был Пьетро Кармелиано (1451—1527), прибывший в Англию еще в 1481 г. Кармелиано работал с такими известными книгоиздателями, как Т. Руд и У. Кэстон, вместе с последним он был награжден королем Ричардом III, а затем Кармелиано остался при дворе Генриха VII. Как пишет Д. Карлсон, П. Кармелиано можно считать одним из самых финансово успешных придворных поэтов ранних Тюдоров³⁰.

Совсем скоро у Вителли появляется возможность продемонстрировать свой поэтический талант королю. Вместе с посольством короля Карла VIII в Лондон летом 1489 г. прибывает Робер Гаген, однако договориться английским и французским дипломатам не удается, в итоге Гаген покидает Англию и по возвращении публикует гневное стихотворение, в котором объектом критики становится король Генрих VII³¹. Создаваемое английским правителем интеллектуальное сообщество, главными целями которого являлась репрезентация и пропаганда власти новой династии Тюдоров, не замедлило с ответом: каждый из придворных авторов счел необходимым написать язвительную эпиграмму

или стихотворение, изобличающее французского дипломата. Наиболее подробно об этом эпизоде сообщает Бернар Андре в главе «Другое посольство из Франции» в своей «Истории жизни и достижений Генриха VII», в которой мы находим даже целые цитаты из произведений его товарищей. «Господин Джованни Джильи, человек с огромным опытом в делах как людских, так и божественных, написал против названного посла сочинение и составил ответ от имени короля... <...> Затем господин Пьетро Кармелиано из Брешии, прекрасный оратор и поэт, и королевский секретарь в своем мудром стихотворении... <...> прекрасно высмеял и раскритиковал его. Я молчу о колкой эпитафии против того же человека, созданной Корнелио Вителли, которая начинается со слов: “Так вот как ты нападаешь на пурпурно-одетых королей — в стихах? Вот как ты выполняешь свои обязанности посла и эмиссара?” И я тоже, будучи одним из поэтов группы, написал против него, но не несколько строк, как другие, а примерно сотню оных, поскольку нет никого смелее на свете, нежели плохой поэт»³².

Несмотря на то что Робер Гаген был одним из немногих друзей Вителли во Франции, он просто не мог упустить возможности успешно проявить себя. Тот факт, что Андре цитирует первые строки стихотворения Вителли, свидетельствует об определенной популярности произведения в придворных интеллектуальных кругах. Однако неизвестно, получил ли Вителли какое-то покровительство со стороны короны: Р. Вейсс предполагает, что Генрих VII не поощрил поэтические выпады Вителли, вероятно, из-за того, что до прибытия в Англию Вителли долгое время жил и работал в Париже и снискал весьма сомнительную репутацию³³.

Отсутствие внимания со стороны Генриха VII и поддержки (среди названных авторов, выступивших с ответной критикой Р. Гагена, П. Кармелиано получил денежную выплату³⁴, а Б. Андре занимал как минимум две должности при дворе, являясь учителем юных принцев Артура и Генриха, а также латинским секретарем³⁵) определило необходимость Вителли направиться в Оксфорд, возможно, по совету своих коллег. Корнелио Вителли достиг Оксфордского Университета в 1490 г., и первоначально его финансовое положение было весьма неплохим. Он снимал

и оплачивал комнату в колледже в Эксетере вплоть до 1492 г.³⁶, при этом Вителли не являлся членом научного сообщества колледжа, ибо тогда комната предоставлялась бы ему бесплатно³⁷. До 1491 г. соседом по комнате Вителли и учеником был выдающийся ученый гуманист Уильям Гроцин (1446? — 1519)³⁸. Несмотря на то что наиболее распространенным является предположение, что Вителли прибыл в Оксфорд в 1475 г., основанное на информации придворного поэта и антиквара Джона Лиланда (ок. 1503—1522)³⁹, эта дата вызывает большое сомнение, а Р. Вейсс и вовсе называет ее ошибочной⁴⁰.

Вскоре Корнелио Вителли приобретает некоторую известность в среде английской университетской интеллигенции: так, после прочтения одной из лекций на латыни, он получает ответ от Томаса Чаундлера (1418—1490), ректора (в 1457—1461 и 1472—1479), вице-ректора (1463—1467) и смотрителя Нью Колледжа — одного из старейших и известнейших учебных заведений Оксфорда⁴¹. На Рождество 1491 г. итальянский гуманист оказывается среди приглашенных на торжественный ужин в Колледже Маглины как гость вице-президента⁴². Среди известных учеников Вителли был также Томас Линакр (ок. 1460—1524), ученый, врач, гуманист и переводчик, в честь которого были названы колледж в Оксфорде и королевская школа в Кентерберии.

Хотя есть свидетельства того, что в течение 1492 г. Вителли оставался в Эксетерском колледже, о его дальнейшей жизни, трудах, дате и месте смерти доподлинно не известно. Можно предположить, что в 1500—1503 гг. Вителли, возможно, был еще жив, поскольку Б. Андре, готовивший в это время манускрипт «Истории жизни и достижений Генриха VII», ничего не сообщает о его смерти. В любом случае, заслуги Вителли в Англии в качестве педагога и автора отмечают как названный Б. Андре, так и другой итальянец — Полидор Вергилий, в конце XXVI книги «Истории Англии» сообщающий, что Вителли был «самым первым, кто обучал молодых людей языкам в Оксфорде». Данный пассаж представляется особенно показательным, так как очень льстит Вителли, являясь ошибочным: ведь, как известно, Стефано Суригоне был первым из итальянских гуманистов, преподававших в Оксфорде⁴³. Впрочем, труды Вителли не обошли

вниманием и его земляки: один из экземпляров труда Корнелио против Дж. Мерулы был в библиотеке известнейшего итальянского мыслителя Джованни Пико дела Мирандолы (1463—1494)⁴⁴. Деятельность Корнелио Вителли за рубежом во Франции и Англии, таким образом, демонстрирует нам те возможности, которые были открыты перед всеми итальянскими гуманистами в конце XV — начале XVI в., а также взаимосвязь интеллектуальных кругов и сообществ, существовавшую в названный период, и непростую историю их взаимоотношений.

Примечания

- ¹ *Gairdner J.* Andreas Bernard // *Dictionary of National Biography*. L., 1885—1900. P. 398—399.
- ² *Carlson D.* Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // *Studies in Philology*. 1988. Summer. Vol. 85, № 3. P. 279—304.
- ³ *Gunn S. J.* The Courtiers of Henry VII // *The English Historical Review*. 1993. Vol. CVIII, № 426. P. 23—49.
- ⁴ *Hay D.* Polydore Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford, 1952 ; *Hay D.* The Life of Polydore Vergil of Urbino // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1949. Vol. 12. P. 132—151.
- ⁵ *The Anglica Historia of Polydore Vergil, A.D. 1485—1537* / ed. by *D. Hay*. L., 1950.
- ⁶ *Vergil Polydore.* *Anglica Historia*. Latin text and English translation / ed. and trans. by *D. J. Sutton*. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. Book XXVII. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/27lat.html> (дата обращения: 30.05.2017).
- ⁷ *Hertel R.* Nationalising History? Polydore Vergil's *Anglica Historia*, Shakespeare's Richard III, and the Appropriation of the English Past // *Schaff B.* *Exiles, Emigrés and Intermediaries: Anglo-Italian Cultural Transactions*. Amsterdam, 2010. P. 47—70.
- ⁸ *Arnold J.* «Polydorus Italus»: Analyzing Authority in Polydore Vergil's *Anglica Historia* // *Reformation & Renaissance Review*. 2014. Vol. 16. P. 122—137.
- ⁹ *Weiss R.* Cornelio Vitelli in France and England // *Journal of the Warburg Institute*. 1939. Vol. 2, № 3. P. 219—226.

- ¹⁰ Домнина Е. Г. Англия и герцогство Урбино в 1474—1500 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. 2005. Т. 66. С. 200—217.
- ¹¹ Горелов М. М. Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М., 2012. № 41. С. 235—256.
- ¹² Смирнов Е. Р. Идея конституционализма в Англии конца XIV — первой половины XV в. : историографический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2003. № 1. С. 101—108.
- ¹³ Weiss R. Op. cit.
- ¹⁴ Vitelli C. Letter to Partenio Lazisio // Perottus N. Cornucopiae. Toscolano, 1522. sig. v vi v — v vii v.
- ¹⁵ Cornelli Vitelli Corythii. In defensionem Plinii et Domitii Calderini. Venice, 1481—1482.
- ¹⁶ Guiliano L. Valore e Metodo dei Commenti di G. Merula. Palermo, 1899. P. 38—47.
- ¹⁷ Romuleo P. Apologia Pro Georgio Merula adversus quondam Cornelium Vitellium. Venice, 1482.
- ¹⁸ См.: Mancini G. Contributo dei Cortonesi alla Coltura Italiana // Archivio Storico Italiano. 1921. LXXIX, II. P. 41—44.
- ¹⁹ Weiss R. Op. cit.
- ²⁰ Renaudet A. Prereforme et Humanisme a Paris, pendant les premieres guerres d'Italie (1494—1517). Paris, 1916.
- ²¹ Weiss R. Op. cit.
- ²² The Eclogues of Faustus Andrelinus and Ioannes Arnolletus / ed. by W. P. Mustard. Baltimore, 1918 ; Carrara E. La Bucolica di Fausto // Giornale Storico della Letteratura Italiana. 1920. LXXVI. P. 20—81.
- ²³ «Эклоги» были впервые изданы в Риме в 1471 г., а произведение А. Дати в 1475 г. в Ферраре. Как отмечает Р. Вейсс, к моменту прибытия К. Вителли в Париж они были неоднократно переизданы (Weiss R. Op. cit.).
- ²⁴ Simone F. Robert Gaguin / Ed il suo cenacolo umanistico // Aevum. 1939. 13. P. 410—476.
- ²⁵ Allen P. S. Hieronymus Balbus in Paris // English Historical Review. 1902. XVII. P. 417—428.
- ²⁶ Bulaeus C. A. Historia Universitatis Parisiensis. Paris, 1665—1673. Vol. V. P. 793.
- ²⁷ Oxford Biography Index entry. URL: <http://www.oxforddnb.com/index/10/101010670/> (дата обращения: 05.05.2017).

- ²⁸ *Lambert B.* The Gigli: a Family on the move // England's Immigrants 1330—1550 — Resident Aliens in the Late Middle Ages. URL: <https://www.englishimmigrants.com/page/individual-studies/the-gigli-a-family-on-the-move> (дата обращения: 05.05.2017).
- ²⁹ *Кирюхин Д. В.* Участие итальянской интеллигенции в миграционных процессах раннего Нового времени: семья Джили // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 76—84.
- ³⁰ *Carlson D.* The Occasional Poetry of Pietro Carmeliano // *Aevum*. Anno 61, Fasc. 3 (Settembre—Dicembre 1987). P. 495—502.
- ³¹ *Thuasne L.* Roberti Gaguini Epistole Et Orationes. Paris, 1903.
- ³² *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. *Д. В. Кирюхина*. М. ; СПб., 2017. С. 80—81.
- ³³ *Weiss R.* Op. cit.
- ³⁴ *Кирюхин Д. В.* Придворный поэт Пьетро Кармелиано и политика государственного меценатства двора ранних Тюдоров // Собираательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. *А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев*. М., 2015. С. 192—196.
- ³⁵ *Кирюхин Д. В.* Поэт при дворе первых Тюдоров: жизнь и творчество Б. Андре // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 8 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 73—77.
- ³⁶ *Registrum Collegii Exoniensis* / ed. by *C. W. Boase*. Oxford, 1894. P. LXXII.
- ³⁷ *Ibid.* P. XXXVIII.
- ³⁸ *Burrows M.* Memoir of William Grocin. Collectanea. Oxford, 1890. Vol. II. P. 332—379.
- ³⁹ *Leland J.* Commentarii de Scriptoribus Britanniae / ed. by *A. Hall*. Oxford, 1709. P. 547.
- ⁴⁰ *Weiss R.* Humanism in England during the XVth Century. Oxford, 1967. P. 138—139.
- ⁴¹ *James M. R.* The Chaundler MSS : Introduction on the Life and Writings of Thomas Chaundler. L., 1916.
- ⁴² *The Register of Magdalen College* / ed. by *W. P. Macray*. Oxford, 1894. Vol. I. P. 22—23.
- ⁴³ *Weiss R.* Humanism in Oxford // *The Times Literary Supplement*. 1937. 09.01. P. 28.
- ⁴⁴ *Kibre P.* The Library of Pico della Mirandola. New York, 1936. P. 277.

Г. С. Рагозин

**ЙОЗЕФ ФОН ХОРМАЙР:
У ИСТОКОВ АВСТРИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА,
1803—1809 ГОДЫ**

Период Французской революции и Наполеоновских войн означал появление новых официальных идеологий, поставивших под вопрос существование прежних систем взглядов и учений о государстве и репрезентацию власти. Этот процесс особенно сильно затронул германские государства, в том числе и борющихся за гегемонию в Германии Пруссию и Австрию. Столкнувшись с появлением идей, движений и идеологий, нацеленных на изменение существующего устройства, изначально оба соперника за господство в Германии прибегали к полицейским методам противодействия интеллектуалам — сторонникам этих идей, а также начали вооруженное противостояние с новообразованной Французской республикой. Однако военные методы себя не оправдали: затягивание войны неблагоприятно сказалось на экономике и вызывало социальное недовольство, а поражения прусских и австрийских войск повлекли за собой ухудшение боевого потенциала обоих государств. Полицейские меры проявили себя в не менее негативном ключе: усиление цензуры и слежки за лицами и обществами, подозреваемыми в покушении на основы существовавшего строя, подстегивали недовольство среди либеральных мыслителей и сторонников преобразований¹. С другой стороны, австрийское руководство смогло сформировать в общественно-политическом дискурсе вокруг идей революции стойкую ассоциацию с иностранным вторжением².

С появлением на политической сцене Франции и Европы Наполеона Бонапарта ситуация для Австрии и Пруссии обострилась

© Рагозин Г. С., 2017

Рагозин Герман Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова. ragozin92@gmail.com

еще сильнее: вследствие военных поражений оба государства лишились своего влияния в Германии. Произошел демонтаж австрийского господства в Италии, а переустройство Священной Римской империи завершилось сначала медиатизацией, прошедшей в пользу средних и крупных государств, а затем и роспуском империи, ставшим концом идеологии габсбургского универсализма, культивируемой с XVI века³. С другой стороны, была образована Австрийская империя, которая тут же встретила с рядом проблем, доставшихся ей по наследству от конгломерата владений Габсбургов, связанного личной унией.

Австрия избежала полного разгрома, в отличие от Пруссии, но столкнулась с падением своего влияния в Европе. Хотя в целом державе Габсбургов удалось сохранить существовавшую государственную идеологию, пусть и частично, в связи с потерей Францем I короны Священной Римской империи, бывшей главным ретранслятором идеи универсалистской монархии. Это означало, что элементы репрезентации государственной власти в целом смогли сохранить работоспособность, помимо основных механизмов государственной власти. Тем не менее, страна столкнулась с рядом территориальных потерь, причем они коснулись не только итальянских или германских владений, но и «Наследных земель»: стали частью Баварии Тироль, Форарльберг и Иннская четверть, а итальянские владения были переданы сателлитам Наполеона. Пришедшим к власти сторонникам преобразования удалось обозначить их восприятие как повод для реванша в отношении Франции⁴. С другой стороны, начавшаяся дискуссия о реформах в государственном аппарате привлекла внимание общественности, причем не только к образу потенциальной государственной системы, но и австрийской идентичности⁵. В обсуждение включились как в Вене, так и в регионах: одним из примеров стал Тироль, где начал свою деятельность Йозеф фон Хормайр, которого современники часто называли основателем австрийской академической исторической школы.

Оказавшийся под баварской оккупацией Тироль оказался болезненным регионом для Баварского королевства. Один из наиболее активных союзников Наполеона, получивший приращения не только за счет медиатизации, но и отторжения австрийских территорий, столкнулся с сопротивлением местного населе-

ния, хоть и родственного культурно, но продолжавшего сохранять свою региональную и австрийскую идентичность и демонстрировать ее новым властям⁶. На это повлияла деятельность Хормайра как историка и политического деятеля, основоположника австрийского консерватизма и неоконфессионализма первой половины XIX века. Его взгляды не были статичны и взаимодействовали с политической реальностью Австрии и Германии этого периода, они прошли несколько этапов эволюции — от поддержки Габсбургов и отождествления с ними австрийской идентичности до критики и неприязни к ним после уголовного преследования и эмиграции. В данной статье рассматривается период деятельности Хормайра с 1803 по 1809 год, связанный со становлением австрийского консерватизма как одной из идеологий, определявших общественно-политический дискурс Австрии и Германии XIX века.

Как интеллектуальный и политический деятель, автор ряда произведений на историческую тематику Йозеф фон Хормайр вышел к широкой публике вскоре после заключения Австрией Прессбургского мира, который означал передачу Тироля Баварии. Это, а также другие, по его мнению, унижительные условия мирного договора стали поводом для ухода с дипломатической службы, хотя к проведению внешней политики он отношения не имел, будучи сотрудником Личного, Придворного и Государственного Архива Австрии (Haus-, Hof- und Staatsarchiv). Интеллектуальная деятельность стала реакцией, с одной стороны, на либерализацию общественной жизни в Австрии после ухода со службы ряда деятелей охранительного фланга политической системы империи, например Иоганна Антона фон Пергена, шефа тайной полиции, а с другой — на приход в государственный аппарат таких сторонников реформ и бескомпромиссной борьбы с Наполеоном, как Филипп фон Штадион и эрцгерцог Карл. В рамках реформаторско-патриотического дискурса, популярного и поддерживаемого в Австрии периода 1805—1809 годов⁷, Хормайр изначально обратился к проблематике истории того региона, где он родился и вырос — Тироля, чем, по его мнению, поддерживал связь Австрии с отторгнутой от нее территорией.

Первые работы Йозефа фон Хормайра, посвященные истории Тироля, увидели свет еще в 1803 году. Труд под названием

«Критические и дипломатические очерки об истории Тироля в средние века» был подготовлен на основе ряда неопубликованных источников из архивов католической церкви. Он представляет собой двухтомный сборник документов, касающихся отношений государства и церкви в период с завершающего этапа существования Римской империи до XIV века, хотя упоминаются некоторые договоренности Максимилиана I и Иосифа II с монастырями в южном Тироле касательно отдельных старых прав и привилегий⁸. Эти документы ранее находились в австрийских церковных архивах Тироля, Зальцбурга, Каринтии, Вены и частично в Германии — например во Франкфурте⁹. Итогом стал представленный комплекс источников по отношениям церкви и государства в выбранные периоды на примере взаимодействия высшей феодальной иерархии сначала варварских королевств, а затем империи и императора с настоятелями монашеских общин по ряду вопросов, и демонстрирующий определенную динамику этих отношений — от первых контактов времен краха Западной Римской империи до победы католической церкви в противостоянии с императором в XIII веке с охватом XIV века.

Двухтомник стал источниковедческой работой, повлиявшей на последующие труды Хормайра, а также на историческую мысль того времени. В нем были собраны свидетельства о развитии наиболее значимых тирольских монастырей, которые имели выход непосредственно на императора и располагали значительным влиянием в регионе и в католической церкви в целом. Они касались не только отношений светской власти и церковной иерархии, но и сведений о пожертвованиях монастырям, их уставлении и положении в правовой системе государства. В двухтомнике преобладают императорские дипломы и грамоты монастырям, переписка их настоятелей, в том числе касательно юридической власти на сопредельных территориях.

Этот труд был подготовлен еще до ухода Хормайра с государственной службы в 1805 году. В тот момент он имел доступ к ряду материалов, в том числе церковных, в силу своего статуса директора государственных архивов. Оба тома снабжены вводными и заключительными комментариями, что свидетельствует о проведении автором анализа собранного материала

с целью его комплектования по хронологическому и частично юридическому критерию. Главное значение творчества Хормайра заключается в подготовке источниковедческой основы для следующего труда — «История графства Тироль».

Помимо этого, он был направлен на популяризацию истории этой земли в остальной Австрии, и особенно в Вене, среди высшего руководства империи и тех представителей общественного мнения, которые не были согласны с его передачей Баварии после Прессбургского мирного договора. Двухтомник начал конструирование образа Тироля как «священной земли» Австрии в общественно-политическом дискурсе эпохи Наполеоновских войн и связанных с этим мифов¹⁰. Всё это играло на руку тем интеллектуалам, чья деятельность определялась принадлежностью к католической церкви, сохранявшей свои позиции в репрезентации императорской власти в Австрии. С другой стороны, труд стал протестом Йозефинизму как практике полного подчинения церкви государству и устранения ее автономии¹¹ вкупе с лишением политических прав, проведенным в один год с выходом первого тома из печати¹².

Церковными иерархами, как сторонниками Йозефинизма, так и оппонентами, круг заинтересованных лиц не был ограничен: труд работал на реализацию идеологии *Gesamtstaat*, которая, помимо прочего, апеллировала к включенности Тироля в австрийскую империю и его прямой связи с Веной как центром империи, чем Хормайр оказывал влияние на высшее руководство империи. И хотя Тироль не всегда был адекватно встроен в существовавшие в Австрии связи, миф о его статусе как сакральном для остальной империи, и особенно наследных земель Габсбургов, начал формироваться благодаря систематизации исторического материала о функционировании монастырей на данной территории. Начиная с этой работы он стал одним из интеллектуалов, определяющих общественно-политический дискурс Австрии, вместе с Фридрихом фон Генцем и Адамом фон Мюллером, переехавшими из Пруссии в Вену и принявшими католицизм¹³.

Логическим продолжением двухтомного собрания документов по истории монастырей Тироля стала работа «История графства Тироль», вышедшая в двух томах в 1806 и 1808 годах. Этот момент ряд австрийских исследователей считают началом

деятельности Хормайра как идеолога движения за воссоединение Тироля с Австрией и мыслителя, чья интеллектуальная деятельность оказала влияние на главу движения и, позднее, лидера восстания — Андреаса Хофера. Примечательным является посвящение автора, представленное в первом томе: Хормайр обратился не только к высшим слоям тирольского общества, но и к остальной общественности этой земли, отметив их заслуги в защите Отечества. Вместе со словом «Vaterland» (Отечество) использовалась такая конструкция, как «Земля предков». Этим он задал основной посыл своего труда — поддержание региональной идентичности тирольцев как составляющей общеевропейской идентичности и политического сознания в противовес попыткам Баварии лишить местное население своей культурной автономии¹⁴. Это можно проследить по языку, используемому Хормайром: слово «Vaterland» употребляется при оформлении оборонительного дискурса применительно к сохранению Тироля австрийским¹⁵.

Однако исключительно тирольским нарративом Хормайр не ограничивался: в предисловии он сделал акцент на изучение истории в школе как одну из наиболее важных составляющих знания человеком той страны, где он живет, и образовательного процесса в целом¹⁶. При этом автор начал конструирование «жертвенного нарратива», ставшего одной из составляющих мифа о тирольском восстании Андреаса Хофера, на что указывает использование таких выражений, как «возложить жизнь на алтарь Отечества». Таким образом, в контексте общеевропейского государственного мифотворчества создавался тирольский миф, нацеленный на усиление существовавших связей этой земли с остальной Австрией в политическом сознании ее населения. Значительное внимание в контексте истории региона уделяется климатическим условиям, культуре, законам, которые, по мнению автора, тоже оказали заметное влияние на формирование тирольской идентичности, а также на особенности повседневной жизни местных жителей. На ее составляющие, связанные с экономикой и традициями региона, следовало обратить внимание в связи с их решающей ролью в развитии и включенности в жизнь остальной страны.

В методологическом плане это являлось отсылкой на работу Монтескье «О духе законов», в которой высказывались эти

идеи¹⁷. В определенной степени продолжался замысел предыдущей работы, связанной со сбором документов — немало сюжетов и отсылок в «Истории графства Тироля» имеется к истории церкви в регионе. Вместе с тем Хормайр в отношении тирольцев использовал концепт «немцы», тем самым включая их не только в австрийскую, но и немецкую общность на протяжении всей истории. В целом это находилось в рамках дискурса о «войне немецкой чести», находившего отклик у австрийской общественности после обращения к нему эрцгерцога Карла.

Рассматривая историю Тироля, Йозеф фон Хормайр начал ее отсчет с древнейших времен, то есть — с первого заселения данной территории по известным ему на тот момент данным. Работа по всем разделам сопровождалась краткой характеристикой доступных ему источников по тому или иному периоду. При этом не тиражировался «варварский стереотип» о догерманском населении данной территории. Каждая глава содержит краткий срез состояния региона на тот или иной промежуток. В первом томе Хормайр активно использует тезис о том, что активные миграции разных народов оказывали значительное влияние на культуру Тироля и формировали его исключительный статус. В первую очередь, освоение региона автор связывал с противостоянием местных жителей нерасполагающим к значительному освоению территории климатическим условиям и транспортной удаленностью от основных центров цивилизации. Этим формировался миф о самостоятельности данной территории и готовности ее жителей противостоять неблагоприятным условиям, начиная от климата и заканчивая вторжениями.

Первое германское присутствие в регионе Хормайр обозначил с периода миграции кимбров и тевтонов. Контактам римлян и германцев на территории нынешнего Тироля в книге отведено значительное место. Однако приоритет отдается германской культуре, а не римской или итальянской даже в разделе, посвященном взаимодействию германцев и римлян и сопровождаемом обширными по объему примечаниями, извлечениями из текстов источников, а также сопоставительными таблицами названий местностей из немецких и итальянских диалектов¹⁸.

Во второй части первого тома рассматривается период средневековой истории Тироля. Хормайр активно обращался

к документам разного плана и многие из них включил в приложения. Фактически первый том был окончен периодом присоединения Тироля к австрийским владениям в XV веке¹⁹. Вторая часть первого тома во многом, в противовес первой, представляет собой собрание документов по средневековой истории Тироля. Отличием от «Критических и дипломатических очерков об истории Тироля в средние века» является то, что они обращаются к истории графства, а затем герцогства с позиции истории светской власти и ее взаимодействия с местным населением. «Критические и дипломатические очерки», по большей части, освещали проблематику отношений светской власти и церкви.

Вторая часть «Истории графства Тироль» обращала внимание и на социальную проблематику, в том числе отношения сеньоров-епископов с жителями подвластных им территорий²⁰. Продолжение сбора источников по истории Тироля означало заявку на конструирование нарратива местной истории, сначала в контексте ее развития как отдельного образования, а затем его превращения в часть Австрии. На основе этого формировались дальнейшие мифы, связанные с ролью региона в развитии державы Габсбургов, и идеологическая работа по подготовке восстания Андреаса Хофера, взявшего идеи Хормайра на вооружение с целью репрезентации своей позиции в противостоянии Франции и Баварии и их действиям в адрес тирольского населения. Главный из мифов был, в первую очередь, связан с сакрализацией этих территорий, их лояльность церкви и императору считалась Хормайром доказательством принадлежности Тироля Австрии и его связей с жизнью остальной империи.

С использованием нарратива региональной истории Хормайр выводил одну из главных идей, которую примет на вооружение лидер тирольских повстанцев Андреас Хофер: в силу своего сакрального статуса, лояльности местного населения императору и католической церкви, статуса «места диалога империи и церкви» Тироль должен вернуться под власть австрийского императора²¹. Это подкреплялось не только публикацией ряда исторических документов, но и их подборкой по данному критерию. Представляемые Хормайром идеи находили отклик в крестьянской среде Тироля, воспринявшей политику баварских властей как наступление на их культурную идентичность.

С учетом популярности в Австрии лозунга начала новой войны «Für Gott, Kaiser und Vaterland» это оказывало решающее влияние на отношение к повстанческим группам среди интеллектуалов и высшего руководства империи.

Следующим этапом интеллектуальной деятельности Йозефа фон Хормайра в Австрии стала подготовка двадцатитомного труда «Австрийский Плутарх», нацеленного на демонстрацию жизнеописаний правителей и государственных деятелей Австрии, увидевшего свет в период с 1807 по 1820 год. Появление первых двенадцати томов этого сочинения стало возможным благодаря внутривластной обстановке в Австрии периода 1805—1809 годов. В условиях дискуссии о реформах австрийского государства в его высшем руководстве, а также при позитивном восприятии идеи о реванше против Франции в новой войне стало возможным и необходимым конструирование общеавстрийского исторического нарратива²². С этого момента Хормайр вышел за пределы деятельности региональной истории и стал активно использовать доступный ему материал в силу статуса руководителя Личного, Придворного и Государственного Архива. Во многом способствовал появлению этого сочинения главный покровитель Хормайра эрцгерцог Иоганн, известный привлечением в свой круг общения либеральных мыслителей, и, косвенно, сторонник «войны немецкой чести» против Наполеона эрцгерцог Карл вместе с министром иностранных дел Филиппом фон Штадином, автором ряда реформаторских инициатив и главным сторонником войны с Францией²³.

«Австрийский Плутарх» вышел в формате биографических очерков о правителях династии Габсбургов и австрийских деятелях культуры и искусства. Исходя из названия, образцом для произведения послужили «Сравнительные жизнеописания» древнегреческого писателя и биографа Плутарха. Ориентация на культурные образцы Древней Греции была характерна для многих стран Европы еще с середины XVIII века: например в Пруссии, ставшей оппонентом Австрии в борьбе за господство в Германии, древнегреческие архитектурные элементы использовались в ряде репрезентативных зданий вплоть до 1820-х годов. Хормайр во время подготовки двадцатитомника к печати собирал сведения о биографиях австрийских выдающихся деятелей, начиная

с первого Габсбурга на австрийском троне, герцога Рудольфа I, и заканчивая Францем II/I²⁴, современником Хормайра.

На каждый том «Австрийского Плутарха» в среднем приходилось по четыре объемных очерка. Как правило, каждый том делился на две части: первая была посвящена правителям или регентам, вторая — известным деятелям, представлявшим страну. На монархах Австрии и императорах Священной Римской империи из рода Габсбургов очерки не ограничивались: в одном из томов представлены биографии чешских королей, например, Йиржи с Подебрад и Карла IV, а также бана Хорватии, Далмации и Славонии Николаса Црини и полководца времен Гуситских войн Яна Жижки. Это демонстрирует включение правителей негерманских земель в нарратив австрийской истории, которое Габсбурги пытались использовать в свою пользу при мобилизации полиэтничного австрийского общества с целью противостояния Наполеону.

В очерках, посвященных австрийским монархам, Хормайр делает акцент на их германскую и итальянскую политику. Это проявилось уже в самом первом очерке о Рудольфе I Габсбурге, где сюжеты о противостоянии некоторым германским князьям и итальянским городам являются одними из центральных в его биографии²⁵. Помимо собственно биографии, перед очерком о правителе представлялась краткая информация о его основных жизненных вехах, династических браках и связях, полученных по их итогам. Из числа правителей высокого Средневековья наиболее представлены герцоги Рудольф I, Альбрехт I, а из позднего — Максимилиан I и Карл V. Последних Хормайр отметил как наиболее активных в создании и репрезентации идеологии имперского универсализма, в том числе в разрезе проведения внешней политики. При этом в очерке о Карле V особое внимание было уделено религиозному расколу Германии, автор представил апологетику действиям Карла и католической церкви в отношении протестантов, хотя фактически признал поражение католицизма на данном этапе, которое повлекло далеко идущие последствия не только для Германии, но и остальной Европы²⁶.

Особое место среди военных деятелей XVIII века до Марии Терезии занял принц Евгений Савойский. В это же время в газете «*Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat*» он стал

объектом обширного государственного мифотворчества как «герой и защитник Австрии», вследствие чего очерк о нем и ряд газетных публикаций этого периода носят схожий характер²⁷. И если авторы газетных очерков не претендовали на полноту в описании его деятельности и жизни, лишь ограничившись несколькими местами из переписки, пусть и соответствующим образом подобранными, то Хормайр сделал принца Евгения одной из центральных фигур своего труда. При этом очерк о его жизни изобилует большим количеством деталей, начиная от происхождения и заканчивая деятельностью на посту руководителя Гофкригсрата. Достаточно много внимания уделялось его стратегическим решениям в ходе той или иной кампании, участником которой он являлся.

Принца Евгения Хормайр обозначил как «неудовлетворенного ни результатами войны, ни началом мира», чем конструировал его образ в глазах читателя как человека, бывшего в состоянии полной готовности к действиям против внешних противников государства. В доказательство тому приводится совсем небольшой перерыв между войной с Турцией и войной за Испанское наследство, в которой деятельность полководца играла одну из решающих ролей в судьбе кампании²⁸. Тиражирование образа полководца-героя играло на руку эрцгерцогу Карлу, бывшему сторонником «войны немецкой чести» против Наполеона²⁹. При этом Хормайр не употреблял такие конструкции, как «национальный герой», «национальная армия», в своем очерке, посвященном полководцу, представляя его как лояльного, в первую очередь, Габсбургам, и в силу этого отождествлявшего себя австрийцем. В качестве примера такого отношения приводится девиз «*Österreich über alles*» — Австрия превыше всего, бывший лейтмотивом его деятельности, по мнению автора очерка³⁰. Образ принца Евгения дополнялся еще и тем, что отражалась его готовность не согласиться с мнением императора. Это касалось вопросов отношений с Пруссией и начала войны за Польское наследство.

Такой перевес может объясняться, прежде всего, интересом идеологического плана: в условиях подготовки войны с Наполеоном приоритет отдавался тем деятелям, которые участвовали в защите империи Габсбургов как от внутригерманских,

так и внешних противников. В очерках о Валленштейне и Фердинанде III особое место отведено противостоянию со шведским королем Густавом II Адольфом. В Бранденбурге-Пруссии противостояние шведской оккупации также являлось одним из основополагающих мифов касательно создания прусского государства, так что отведение особой роли Валленштейну в идеологическом аспекте означало обоснование позиции Австрии как защитника Германии, а не собственных интересов, в противовес Берлину³¹.

Имя Валленштейна было поставлено в одном ряду с такими деятелями, как Йиржи с Подебрад и Матьяш Хуньяди (короли Чехии и Венгрии), которых обозначили как «людей из низового дворянства, сумевших при помощи духа и силы стать одними из первых людей своего государства»³². Виной трагического финала Валленштейна считали «действия внутренних врагов». По сути, тиражируя, с одной стороны, образ героического деятеля с активным самопожертвованием, а с другой — жертвы внутренних интриг, Хормайр задавал определенный мобилизационный посыл: необходимо содействовать сторонникам реформирования государственного устройства и армии и активно противостоять Франции в ее стремлениях к господству в Германии и Европе. И если антишведский дискурс был больше характерен для Пруссии в силу противостояния на Балтике, то в Австрии преобладал антифранцузский. Однако они оба нашли свое отражение в очерках о Валленштейне и Фердинанде III, причем если в очерке о первом преобладала антишведская составляющая, то в очерке о втором оба дискурса были представлены в одинаковой пропорции³³.

Антифранцузский дискурс возобладал в очерке о Леопольде I, хотя в нем прослеживается и начало антипрусского дискурса, пусть и не столь явного на фоне нарратива о противостоянии Османской империи. Это было связано с персональным отношением Хормайра к Фридриху Вильгельму, курфюрсту Бранденбурга, с одной стороны, а с другой — тем, что прусская проблема, по мнению Хормайра, на тот момент не была в числе главных на повестке дня Вены³⁴. А в контексте бытовавшего в то время оборонительно-реваншистского дискурса становился приоритетным миф о победоносном отражении турецкой угрозы и противостоянии попыткам гегемонии Франции в Европе, поэтому Бранденбургу-Пруссии внимания было уделено немного. Исключением

стал очерк о Марии Терезии, в связи с ее противостоянием Фридриху II в борьбе за господство в Германии. Действия Фридриха были представлены как попытка экспансии и слома существующего устройства Империи и Европы, а также нарушения ранних договоренностей.

Поскольку проблематика государственных реформ в общественно-политическом дискурсе Австрии 1805—1809 годов была одной из наиболее востребованных, то в очерки включалась деятельность таких сановников, как граф Кауниц и граф Зинцендорф. Причем первому в 12-м томе был отведен отдельный очерк. Оба являлись инициаторами и проводниками реформ государственного аппарата, экономики и финансов, социального устройства, образования и науки, армии, права и судопроизводства. Более того, оба деятеля были сторонниками перестройки отношений церкви и государства в Австрии. Исходя из этого, Хормайр счел уместным упомянуть о их наследии в своих очерках, что было откликом на инициативы Филиппа фон Штадиона, бывшего министром иностранных дел³⁵. Вместе с тем, период Марии Терезии подвергся определенной мифологизации как эпохи реформ, расцвета культуры и противодействия внешней угрозе. То же самое коснулось и ее личности, что можно проследить по эпитету «Семирамида», по сравнениям с такими монархами, как королева Дании Маргарита и королева Англии Елизавета, российская императрица Елизавета Петровна³⁶.

Преемник Марии Терезии, Иосиф II, тоже не был обойден вниманием в качестве сторонника реформ, хотя Хормайр критиковал его за конфликт с Венгрией, а также незаконченность ряда инициатив и реформ, которые остались в наследство Леопольду II и Францу II/III³⁷. Царствования последних были представлены в формате хроники, а не очерка, что можно объяснить избирательным доступом Хормайра к источникам. При рассмотрении периода царствования Франца II/I особое внимание отводилось противостоянию с Францией, а также тем членам окружения императора, которые способствовали его продолжению, в том числе эрцгерцогу Карлу. В целом, характеристика недавнего Прессбургского мирного договора представляет его как «вынужденный мир», «перемирие» перед дальнейшим противостоянием³⁸. Достаточно нейтрально Хормайр изложил события роспуска Священной

Римской империи, что вписывалось в общественные настроения и официальную позицию двора Габсбургов того времени³⁹.

Вниманием пользовались не только монархи, государственные чиновники и военачальники, но и деятели католической церкви, которых Хормайр включил в нарратив австрийской истории. Примером стал кардинал Франц фон Дитрихштейн, представлявший интересы Габсбургов при папском дворе и бывший во главе Ольмюцкого епископства, а также участвовавший в работе государственного тайного совета в Вене. Помимо Дитрихштейна, из числа духовенства в «Австрийский Плутарх» попал Петер Пазманьи, примас Венгрии, а затем кардинал, оказывавший содействие Габсбургам во время диалога с венгерской аристократией в первой половине XVII века. Католической церкви Хормайр уделял много внимания в предыдущих работах, и этими очерками он продолжил свои изыскания, отражая на примере Дитрихштейна и Пазманьи роль церкви в государственном строительстве державы Габсбургов и сохранении ее единства, особенно в условиях постоянной внешней угрозы. Кардинал получил характеристику, с одной стороны, идеолога, а с другой — медиатора противоречий, существовавших в высшем руководстве Австрии периода Тридцатилетней войны⁴⁰.

Наряду с военачальниками в «Австрийском Плутархе» нашлось место интеллектуалам и деятелям искусства, работавшим в землях Габсбургов. Одним из наиболее характерных и репрезентативных очерков, представленных в этом издании, стала биография Яна Амоса Коменского, известного своими трудами по педагогике и дидактике и создавшего целую систему обучения, бывшую довольно активно в употреблении во всех странах Европы и Америки. Несмотря на то что взгляды Коменского на политику Габсбургов в Чехии заметно расходились с ней, отведение педагогу целого очерка было характерным признанием роли чешских земель в интеллектуальном развитии империи Габсбургов, которая позиционировала себя как «культурный центр Германии и Европы». Далее следовал очерк о Михаэле Дени, внесшем заметный вклад в развитие библиотечного дела Австрии и работавшего в придворной библиотеке. Не менее репрезентативными были представленные биографии Вольфганга Амадея Моцарта, в которых отводилось достаточно заметное место его связям

с высшими слоями австрийского общества. В отношении композитора Хормайр использовал выражение «Шекспир музыки»⁴¹.

По итогам публикации очерков Хормайра в общественном мнении Австрии сформировался «Пантеон» деятелей австрийской истории, науки, государственного управления и культуры, пример которых стал использоваться в пропаганде в пользу противостояния с Наполеоном и поддержки сторонников реформ. В нем оказались, помимо императоров из династии Габсбургов, полководцев и государственных деятелей, монархи негерманских королевств, ставших частью Австрийской империи. Конструирование «общеимперского Пантеона» стало характерной чертой, с одной стороны, в создании исторического нарратива всей державы Габсбургов и формировании исторической традиции, а с другой — примера мифотворчества в пользу немецкого национального движения в Австрии с привлечением интереса негерманских народов к своей истории. Такая тенденция оставалась вплоть до заключения Шенбруннского мира, означавшего поражение Австрии в очередной войне. Вместе с этим из государственного аппарата ушел ряд сторонников реформ, а их место заняли консерваторы, которые обратили продукты интеллектуальной деятельности Хормайра в иное русло, пусть и схожими со сторонниками реформ методами. Основу для этого заложило то, что более заметными на фоне остальных деятелей австрийской истории, в том числе негерманских территорий империи, выглядели представители династии Габсбургов.

С формированием основного исторического нарратива Австрии, начатого Йозефом фон Хормайром, началось становление идей австрийского консерватизма. В первую очередь, он делал источником своих идей исторический миф, кристаллизованный в нарратив об общеавстрийском и имперском прошлом, который затем представлялся широкой общественности посредством тех или иных методов. С учетом того, что в «Австрийском Плутархе» основное место отводилось монархам из династии Габсбургов, формирующееся политическое движение делало свою основную ставку именно на сохранение австрийской монархии и правящего дома как гаранта австрийской государственности, а также его влияния в Германии и Европе. Для обоснования своих позиций, в том числе, задействовался исторический

нарратив, причем не только австрийский, но и из истории Чехии и Венгрии, что работало на идеологему *Gesamtstaat*, достигшую своего логического оформления в официальную идеологию с созданием Австрийской империи в 1804 году и нацеленную на интеграцию всех владений Габсбургов в единое государство с его последующим сохранением.

В условиях распада Священной Римской империи и установления институтов наполеоновского господства над Германией шло обращение к австрийской идентичности, пусть и в рамках общегерманской на данный момент, построение и существование которых было связано с консервацией династии Габсбургов у власти при обновлении существующих политических, экономических и социальных институтов. Консервативный нарратив трудов Хормайра был подхвачен рядом других общественных деятелей того периода, а также получил ряд сторонников в государственном аппарате. Наиболее активным последователем нарратива Хормайра в дискурсе региональной истории стал Андреас Хофер, возглавивший Тирольское восстание и апеллировавший к идеям, которые были изложены в трудах, посвященных истории этого региона, с одной стороны, а с другой — к государственной идеологии, проходившей под лозунгом «Für Gott, Kaiser und Vaterland»⁴², которая оказала свое влияние на формирующийся австрийский консерватизм. При этом идеи Хормайра заложили основу для деятельности преемника Штадиона на посту министра иностранных дел, а затем канцлера Австрии Клеменса фон Меттерниха и изменения им существующего общественно-политического дискурса в сторону консервативно-охранительного, а также германской политики после 1809 года; они исходили, в первую очередь, из сохранения полиэтничной австрийской государственности и одного из ее главных символов — правящей династии Габсбургов.

Основными составляющими консервативной идеологии в период 1805—1809 годов Йозеф фон Хормайр определил репрезентацию правящей династии Габсбургов в формате сакрализации, во-первых, и конструирования образа «австрийских монархов» при помощи исторического нарратива, во-вторых, а также католическую церковь. В условиях краха проекта *Ecclesia Germanica* и распада Священной Римской империи Хормайр предпринял

попытку привлечь австрийскую католическую иерархию на сторону австрийской имперской идентичности и проводников реформ сначала посредством включения ее в нарратив региональной истории, вписанной в общееавстрийский контекст. Тем самым появилась предпосылка для такого явления посленаполеоновской Германии и Австрии, как неоконфессионализм: начиная с 1815 года католическая и протестантская церкви становятся активными участниками дискуссии между государством и обществом, в том числе в вопросе конституционных преобразований и формирования немецкого национального государства.

В представленный период деятельность Йозефа фон Хормайра как одного из основных австрийских интеллектуалов консервативного спектра была направлена в основном на оформление исторического нарратива, который частично лег в основу консервативной идеологии в Австрии XIX века. Руководствуясь главными, по его мнению, паттернами австрийской идентичности того периода, он способствовал ее трансформации по имперскому образцу, для чего прибегал к легитимации Австрии как классической империи с давними традициями и правом на данный статус, чем заложил одну из основных составляющих консервативной идеологии в империи. Вместе с этим, идеи Хормайра находили отклик не только среди столичных интеллектуалов и политических деятелей, но и региональных, чем оказали влияние на поддержание тирольской идентичности и ее связи с Австрией в контексте противостояния внешней угрозе.

Примечания

- ¹ *Reinalter H.* Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution // *Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft.* 1988. Vol. 12 : Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. S. 193.
- ² *Cole L.* Nation, Anti-Enlightenment and Religious Revival in Austria: Tyrol in the 1790's // *The Historical Journal.* 2000. Jun. Vol. 43, № 2. P. 478—479.
- ³ *Wilson P. H.* Bolstering the Prestige of Habsburgs: the End of the Holy Roman Empire in 1806 // *The International History Review.* 2006. Dec. Vol. 28, № 4. P. 712.

- ⁴ *Vocelka K.* Österreichische Geschichte, 1699—1815. Glanz und Untergang der Höfischen Welt : Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001. S. 134.
- ⁵ *Bérenger J.* A History of the Habsburg Empire, 170—1918. N. Y. ; L., 1997. P. 126—127.
- ⁶ *Cole L.* Op. cit. P. 478—479.
- ⁷ *Данн О.* Нации и национализм в Германии, 1770—1990. СПб., 2003. С. 66.
- ⁸ *Hormayr J. von.* Kritisch-diplomatische Beytrage zur Geschichte Tirols im Mittelalter. Wien, 1803. Bd. 1. Abt. 1. S. 9 ; Abt. 2. S. 9.
- ⁹ *Ibid.* S. 68.
- ¹⁰ *Sévillia J.* Le Chouan du Tyrol: Andreas Hofer contre Napoléon. Paris, 1991. P. 31.
- ¹¹ *Beales D.* Joseph II. Cambridge, 2009. Vol. 2 : Against the world. P. 314—326.
- ¹² Этот процесс более известен как медиатизация и привел, помимо прочего, к ликвидации целого ряда германских государств, возглавляемых церковными иерархами в 1803 году.
- ¹³ *Vocelka K.* Op. cit. S. 134.
- ¹⁴ *Forcher M.* Anno Neun. Der Tiroler Freiheitskampf von 1809 unter Andreas Hofer : Ereignisse, Hintergründe, Nachwirkungen. Innsbruck-Wien, 2013. S. 9—11.
- ¹⁵ *Hormayr J. von.* Geschichte der gefürsteten Grafschaft Tirol. Tübingen, 1806. Bd. 1. Abt. 1. S. II.
- ¹⁶ *Ibid.* S. VI.
- ¹⁷ *Ibid.* S. VIII.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 146.
- ¹⁹ *Ibid.* Abt. 2. S. 37.
- ²⁰ *Ibid.* S. 91.
- ²¹ *Sévillia J.* Op. cit. P. 31.
- ²² *Vocelka K.* Op. cit. S. 275.
- ²³ *Ingrao C.* The Habsburg Monarchy, 1618—1815. Cambridge, 1994. P. 234.
- ²⁴ По нумерации Священной Римской империи — Франц II. По нумерации Австрийской империи — Франц I.
- ²⁵ *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch. Wien, 1807. Bd. 1. S. 40—41.
- ²⁶ *Ibid.* Bd. 6. S. 103—107.
- ²⁷ Prinz Eugen an den Hofkanzler Grafen von Strattman, 19.08.1704. Цит. по: Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat, 31.03.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090331&seite=5&zoom=46>. (дата обращения: 12.02.2017) ; Brief des Königs in Preußen Friedrich Wilhelm I. an Kaiser Karl IV. von 20. November 1730. Цит. по:

- Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat, 01.11.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18081101&seite=1&zoom=33> (дата обращения: 12.02.2017).
- ²⁸ *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch. Bd. 3. S. 91—92.
- ²⁹ Armee-Befehl Sr. Kaiserl. Hoheit des Generalissimus Erzherzog Karl. Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat, 4.04.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090404&seite=1&zoom=33> (дата обращения: 11.04.2017).
- ³⁰ *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch. Bd. 3. S. 149—150.
- ³¹ *Ibid.* Bd. 1. S. 120—121.
- ³² *Ibid.* S. 152.
- ³³ *Ibid.* Bd. 9. S. 20—30.
- ³⁴ *Ibid.* S. 120—122.
- ³⁵ *Ibid.* Bd. 11. S. 107—108.
- ³⁶ *Ibid.* S. 123—124.
- ³⁷ По нумерации императоров Священной Римской и Австрийской империй.
- ³⁸ *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch. Bd. 12. S. 141—142.
- ³⁹ *Wilson P. H.* *Op. cit.* P. 712.
- ⁴⁰ *Hormayr J. von.* Österreichischer Plutarch. Bd. 3. S. 68—69.
- ⁴¹ *Ibid.* Bd. 8. S. 129.
- ⁴² Во имя Господа, Кайзера и Отечества. Этот девиз был характерен, в том числе, для «войны немецкой чести» 1809 года.

ББК 87.811.6

В. Г. Киселёв

НРАВСТВЕННЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Редколлегия журнала «Интеллигенция и мир» представила новую рубрику «Социология интеллигенции». В среде социологов давно уже замечено, что самая исследованная этой наукой категория человечества — студенты, и это неудивительно: всегда под рукой. В каждой шутке есть доля шутки: одна из двух открывших рубрику статей действительно посвящена студенчеству. Начало разговора, заданного профессором С. П. Парамоновой, весьма публицистично: «Интеллигентность как будто изгнана из облика современного студенчества, обсуждаются проблемы сленга, бедности языка, слышимой на территории вузовских городков и транспорте лексики, не принятой в аудиториях, быту и в культурных центрах. Гламурно-эстетическое перекрывает этическое. Это бросается в глаза, раздражает и кажется повсеместным»¹.

С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что сегодняшнее студенчество — это будущее нашей интеллигенции, а по многим своим характеристикам оно уже может быть отнесено к интеллигенции при профессионально-социологическом подходе, а отдельные представители данной, весьма обширной социальной

© Киселёв В. Г., 2017

Киселёв Вячеслав Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории искусств и гуманитарных дисциплин Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, г. Пермь. artacademia@mail.ru

группы — и при подходе оценочно-этическом. Данные подходы и необходимость учета достижений того и другого при объективном анализе явления еще раз неоднозначно зафиксированы в первой главе коллективной монографии «Интеллигенция: вопросы теории и методологии»². В любом случае нельзя не согласиться с Г. А. Будник, утверждающей: «Студенчество — наиболее массовый и важный резерв пополнения интеллигенции, так как приобщение в вузе к инновационным технологиям, демократическому стилю жизни и мышления, выработка навыков взаимодействия с властными и общественными структурами формируют у студентов навыки, необходимые для развития прогрессивного и стабильного общества»³. Разумеется, данные утверждения требуют весомой аргументации. Интересно также сравнить представленную картину как по регионам, так и по вузам, ведь те и другие имеют определенную специфику, которая не может не сказаться на облике интеллигенции.

Весьма специфичной категорией является интеллигенция художественная. Несмотря на различные подходы к ее определению, в общем и целом нельзя не согласиться с И. В. Купцовой, понимающей под художественной интеллигенцией социальный слой, представители которого заняты творческим трудом, направленным на создание, сохранение и распространение художественных ценностей⁴. Вероятно, следует добавить «художественных и нравственных ценностей», ибо о синтезе подходов много говорится, но немного делается, в том числе и в художественной сфере. Особенно важно учитывать этический аспект при индивидуальном рассмотрении той или иной личности в интеллигенто-ведческом, в том числе и в художественном контексте, на что справедливо указывает В. А. Порозов⁵.

Вузы, занимающиеся подготовкой художественной интеллигенции, весьма специфичны, что накладывает определенный отпечаток и на их студенческий контингент. В самом деле, можем ли мы без оговорок отнести к учительской интеллигенции студентов педагогического вуза, к инженерам — политехнического, к врачам — медицинского. Лишь во время производственной практики они начинают более-менее выполнять профессиональные функции и проявлять свои личностные свойства в полном объеме. Иное дело художник: прямо с первого курса, прямо

в учебной аудитории он начинает творить, то есть непосредственно участвовать в художественной деятельности. Здесь стирается грань между подготовкой к выполнению профессиональных функций и непосредственной реализацией таковых.

Одним из таких вузов, ставших местом предлагаемого исследования, является Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества, открытый в ноябре 1991 г. в Перми по инициативе ректора академии, профессора, народного художника СССР, члена-корреспондента Российской академии художеств, лауреата Государственной премии И. С. Глазунова. Четверть века творческий коллектив филиала академии продолжает на Урале великие традиции русской художественной культуры. Ее основы — реализм (изучение действительности) и духовность. Создатели филиала стремятся развивать в своем творчестве русский реализм в искусстве, сохранить для всего мира классическую школу художественного мастерства⁶.

На шести курсах филиала академии по пяти специальностям (живопись, скульптура, архитектура, дизайн и декоративно-прикладное искусство) обучается 160—170 человек. С этими студентами работают более 60 преподавателей: живописцы, графики, скульпторы, архитекторы, дизайнеры, художники декоративно-прикладного искусства, искусствоведы, гуманитарии и инженеры. Конечно, такое соотношение числа преподавателей и студентов не соответствует «современным требованиям» оптимизации учебного процесса, когда одну лекцию читают одновременно на двух-трех факультетах. Но подобная экономия уместна в вузах, готовящих кадры массовых профессий, а здесь приходится иногда читать лекционный курс в 60 аудиторных часов для трех человек. Так, например, курс «История материальной культуры» студенты изучают фактически индивидуально и имеют возможность обсуждать с преподавателем труды Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, Б. А. Рыбакова.

Важнейшей чертой академичности образования является индивидуальная работа со студентами, которые с первого курса занимаются активной творческой деятельностью. Выпускники Уральского филиала академии доказывают животворность русской академической школы, они заметны на региональных выставках последнего десятилетия, пополняют ряды местных

отделений Союза художников России, Союза архитекторов России, Союза дизайнеров России, многие из них выходят в культурное пространство страны и зарубежья⁷.

Таким образом, мы имеем дело с признанным очагом воспитания молодой художественной интеллигенции, поэтому поиски ответов на вопросы: каковы факторы и особенности формирования этой группы интеллигенции, ее ценностные ориентации и характеристики? — в этой среде можно считать достаточно обоснованными и репрезентативными.

С целью исследования в рамках изучаемого курса «Социология» были организованы сплошные социально-культурные анонимные опросы абсолютного большинства студентов всех специальностей. Опросы проводили сами студенты, что способствовало репрезентативности полученных результатов. Тем более что формирование компетенций по данному курсу предполагает не только знание основных парадигм социологических теорий, но и умение составить анкету и провести несложное социологическое исследование. Всего было опрошено 82 % учащихся. Анкеты и их анализ представлены на кафедре истории искусств и гуманитарных дисциплин и доведены до руководства филиала. В статье также используются данные, полученные ранее в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете, результаты частично введены в научный оборот⁸.

По данным анкет, в филиале академии только 7 % опрошенных признались, что выбрали специальность случайно, и 41 % — с детства мечтали о профессии художника. Среди студентов творческого вуза 26 % окончили предварительно среднее художественное учебное заведение и каждый пятый прошел подготовку на курсах при филиале академии. Как показывает анализ анкет, для 80 % студентов филиала выбор вуза и специальности были давно определены, а 60 % опрошенных уверены, что обучение в художественном вузе это их призвание. Только 23 % студентов связывают учебу с карьерным ростом, в большинстве это архитекторы и дизайнеры, что в рыночных условиях вполне естественно. Мотивация выбора профессии и самоидентификация студентов филиала выражены вполне определенно. К интеллигенции себя относят 57 % опрошенных, и менее половины связывают свою будущую профессиональную деятельность с предпринимательством.

В интеллигентоведении существует точка зрения, что интеллигентом человек становится только в третьем поколении. С этим можно согласиться, однако мониторинг опросов студентов филиала академии дает основание считать, что черты интеллигентности могут сформироваться и в первом поколении. Это объясняется характером и глубиной образования, которое можно применительно к вузу выразить одним словом — академическое. Исторически академическое образование включает в себя: формирование у студентов познавательной и профессиональной самостоятельности; овладение методами исследовательского подхода к своей профессиональной деятельности; фундаментальное овладение студентами теорией избранной специальности; ответственное отношение к своей профессиональной подготовке; ориентированность личности студента на общественные ценности; широкую гуманитарную образованность, хорошее знание иностранных языков; формирование направленности личности на общественную активность⁹.

На вопрос анкеты «Нравится ли Вам учиться?» — 99 % ответили «да» и лишь 1 % — «нет». Анализ ответов на вопрос «С какой целью Вы получаете высшее образование?» показал, что 70 % хотят стать полноценными специалистами в своей профессии и 25 % учатся ради собственного удовольствия.

Аналогичный анонимный опрос студентов трех факультетов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета дал противоположный результат. Свое желание поступить в ПГГПУ 37 % студентов мотивировали тем, что хотели бы получить любое высшее образование, 23 % считали, что в педвузе легче учиться, а каждый десятый хотел бы учиться в другом вузе, но привлекает бесплатность образования. В глазах 60 % студентов педагогическое образование является не специальным, а универсальным, которое будет востребовано в бизнесе. Большинство выпускников педвуза берут продавцами в супермаркеты или консультантами-операторами по кредитам в коммерческие банки. С мечтой поступить в ПГГПУ и стать учителем пришли всего 22 % опрошенных. Данной позиции соответствуют и ответы студентов об уровне удовлетворенности обучением в вузе. «Полностью устраивает учеба в педвузе» лишь пятую часть студентов, 63 % написали, что учеба устраивает их не в полной мере,

а остальных не устраивает совсем. О своей перспективе работать учителем твердо заявили только 15 %, а остальные будущую трудовую деятельность вообще со школой не связывают.

Студенты филиала академии лояльно относятся к политической системе, лидерам и текущей политике, но проявляют повышенный интерес к истории и обществознанию, в частности к социологии. Эта черта была всегда присуща российской интеллигенции и тоже опосредована академичностью образования.

В том, что учеба в филиале академии является источником радости, огромная заслуга профессорско-преподавательского коллектива вуза. Но важную роль играет и сама специфика обучения, в процессе которого студенты познают окружающий мир в работе с натурой. Не случайно одним из основных принципов педагогической деятельности в «Школе радости» В. А. Сухомлинский считал воспитание человека через образы родной природы, а человечность, доброта, доброжелательность, согласно теории выдающегося педагога, зарождаются в труде, волнениях, заботах о красоте окружающего мира¹⁰.

Предметные постановки, этюды с фигур натурщиков, пейзажи, выполненные на пленэре, являются фундаментом, на котором строится профессиональное обучение. С первого курса закладываются понятия академического рисунка и живописи, основы классической композиции, тщательно изучаются работы «старых мастеров», выполняются копии из собрания шедевров Пермской художественной галереи. На основании всего этого углубляется постижение законов натуры, воспитывается чувство цвета и света, развивается картинное мышление. Формированию нравственных ценностей и духовности в значительной мере способствует творческая работа над индивидуальными дипломными работами во всех жанрах живописи: религиозной, исторической и батальной; исторического и психологического портрета; пейзаже и натюрморте, что требует как любви к родной природе, так и чувства историзма, патриотизма, самоопределения в вопросах веры.

Все это предполагает огромное трудолюбие и творческие искания. Студенты филиала не избалованы судьбой. Большинство прибыли из глубинки и стартовые возможности будущих художников, архитекторов и дизайнеров не высоки: только 12 % студентов имеют свое жилье, 26 % снимают частную жилплощадь,

почти половина проживает в квартире с родителями, 14 % живут в общежитии. Характеризуя уровень своей материальной обеспеченности, 40 % студентов указали, что денег хватает только на самое необходимое, приличествующий уровень жизни имеют 40 % анкетированных. Более половины, в ущерб учебе, вынуждены подрабатывать. Но при этом они не испытывают зависти к богатству, не боятся авторитетов и настроены на самостоятельное творчество.

Абсолютное большинство студентов указали, что нравственные ценности и сочувствие к людям в сочетании с образованностью и есть главные качества сегодняшней интеллигенции. Без общекультурного развития интеллигента быть не может, и студенты филиала осознанно относят себя к этому социальному слою. Как видно из анкет, каждый пятый владеет музыкальным инструментом, более половины считают, что умеют петь, 40 % опрошенных имеют хореографическую подготовку и актерские навыки.

Анкетный опрос 2014 г. позволил выявить и ценностные ориентации молодой художественной интеллигенции. Из 20 предложенных тем для опроса студенты предпочли две: социальные проблемы современной семьи и профилактика наркомании среди молодежи. Выбор тем закономерен. Социальный институт семьи и брака подвергается сегодня глубокой эрозии и деформациям как за рубежом, так и в России. В большинстве европейских стран разрешены однополые браки, проходят гей-парады. Бородатые «существа» в женских одеждах становятся кумирами эстрады, нудисты и трансвеститы разрушают статусно-ролевые позиции европейской молодежи.

По итогам исследования в этом плане однозначно можно сделать следующие выводы. Молодая художественная интеллигенция считает семью важнейшей социальной ценностью. Почти две трети опрошенных реально готовятся создать семью. Не планируют создание семьи всего 5 % молодых людей. Более половины респондентов считают, что в брак лучше вступать не раньше 23—25 лет, так как надо вначале получить образование и утвердиться в профессии. К раннему браку 41 % опрошенных относятся отрицательно. Бизнес-рыночный характер общества накладывает отпечаток и на семейные традиции: прослеживается тенденция к созданию так называемого гражданского брака,

то есть безответственного сожительства. Гражданский брак одобряют 61 % респондентов и 39 % — против.

Поводом для вступления в брак 92 % респондентов считают взаимную любовь. Для 42 % опрошенных социальное положение будущего супруга не имеет значения. Каждый третий главной причиной разводов считает супружескую измену и только один процент опрошенных — отсутствие денег. Более 40 % будущих супругов уверены, что дети должны рождаться в полной семье, в законном браке. Трех и более детей готовы в будущем иметь 30 % студентов. После анонимного опроса группе респондентов в эксклюзивной беседе был задан вопрос: «Если в добрачный период большинство молодых людей проявляют терпимость в интимных отношениях, то почему такая категоричность и непримиримость в оценке супружеской измены в семье?». Ответ был таким: супружеская измена является самым надежным показателем, индикатором человеческой подлости, которую надо оценивать однозначно. Как считают студенты, подлинный интеллигент — это «аристократ духа», которому чужды ложь, притворство, непорядочность, предательство, двойная мораль «вонючего плебея» (терминология выявила приоритетный интерес к произведениям Достоевского). Проведенный опрос дает основание надеяться, что, по крайней мере, у ныне живущих молодых художников ценность семьи и преемственность поколений сохранятся в будущем.

Другая группа студентов филиала поставила цель с помощью анонимной анкеты выявить реальные тенденции распространения наркотиков среди респондентов и ценностное отношение молодежи к наркомании. В современной России эта проблема стоит очень остро, так как речь идет о физическом и моральном здоровье целого поколения. Более 88 % опрошенных студентов филиала также считают проблему наркомании в молодежной среде одной из самых серьезных.

Как показал опрос, 98 % респондентов никогда наркотиков не пробовали, употребляли, но потом отказались 7 студентов. Почти 90 % опрошенных отметили, что из учебных лекций и литературы им известен психо-биологический механизм формирования наркозависимости и даже «легкие» наркотики они считают опасными. 39 % убеждены, что употребление наркотиков ведет

к полному разрушению здоровья, тяжелым заболеваниями и летальному исходу, 14 % — к преступности и потере отношений с близкими.

Среди причин, которые побуждают людей к употреблению наркотиков, студенты называют следующие. Главное — это отсутствие цели в жизни, неполноценное образование и неостребованность в будущем, отсутствие интереса к здоровым увлечениям, бунтарство против семейных и общественных устоев. Студенты знают, что в филиале академии число людей, употребляющих наркотики, несравненно меньше, чем в других вузах. Они объясняют это уровнем моральных и культурных ценностей и занятостью. Респондентам был задан вопрос на перспективу: «Если Вы не будете успешны, станете ли Вы компенсировать это употреблением наркотиков?» Почти 95 % опрошенных ответили, что никогда не собираются использовать этот компенсатор и трудности в жизни их не сломают. Анкетные опросы студентов филиала показывают, что занятые и увлеченные своим творчеством молодые люди менее всего склонны к девиантному поведению — наркомании и половой распущенности, что будущие художники и архитекторы в перспективе смогут сохранить свои нравственные ценности.

Студенты вуза знают, что за стенами филиала значительный слой молодежи имеет очень размытые нравственные ценности, склонности к различным проявлениям девиантного поведения. Это относится как к малообеспеченным, так и к «золотой» богатой молодежи. Да и откуда могут быть у молодых людей романтические идеалы, если в учебе они видят только возможность получить любой диплом, книг не читают, телевидение, по результатам опроса, вообще отвергают. Телефильмы и сериалы сегодня — это надоевшие сказки про «Золушку» или «бандитские разборки» с дележом денег. Все знают, что на общественно-публицистических передачах оплаченные дилетанты, с позицией примитивного популизма, на различных «токовищах» смакуют негативные стороны нашей жизни, а телеведущие из меркантильных интересов пропагандируют эту убогую массовую культуру. На политических шоу одни и те же люди, фигуры скорее эстрадные, как В. В. Жириновский, «переливающие из пустого в порожнее».

Всё это отталкивает мыслящую молодежь от политической жизни, не формирует у нее активной жизненной позиции. Отсюда апатия молодых людей, отсутствие веры в свои силы и в будущее, и как компенсатор — игра со смертью на крышах электричек, в поисках адреналина преступные гонки на автомобилях, наркомания. Интернет как научное благо превратилось во зло, на котором молодежь «зависает»: там молодые люди сутки проводят в бессмысленных играх, ищут друг друга, выкладывая сцены неоправданной жестокости и насилия, пропагандируют склонность к суициду. К этим группам современных молодых людей применимы написанные очень давно размышления А. Шопенгауэра: «Пустота внутреннего мира, пошлость сознания, бедность ума побуждают людей искать общество, которое опять-таки состоит из совершенно таких же лиц, ибо *similis simili gaudet* (подобное тянется к подобному, лат.). И вот начинается совместная погоня за забавами и развлечениями, которых ищут сначала в чувственных наслаждениях, во всякого рода удовольствиях и, наконец, в распутстве»¹¹.

С. В. Коваленко и Л. К. Ермолаева отмечают, что «противоречие в системе высших духовных ценностей обусловлено кризисом социально-экономического и политического менталитета россиян XX века, в основе которого лежала общественная потребность в переходе от традиционных коллективистских принципов организации жизнедеятельности общества к новым, индивидуалистическим»¹². Очевидность этого утверждения подчеркнута справедливо, но негативным последствиям такого перехода надо уметь противостоять. Увы, деятели современной культуры демонстрируют это нечасто. Тем более, многое зависит от системы образования, от школы — в академическом и художественном смыслах этого понятия.

Кропотливая, индивидуальная работа, ведущаяся в филиале академии по формированию нравственно-эстетических идеалов у студентов, вселяет уверенность, что они смогут противостоять указанным негативным явлениям и способны стать подлинными интеллигентами. Ректор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Илья Глазунов определяет «родовые черты» интеллигента так: «Задача подлинного интеллигента — поднимать с колен наше Отечество, возрождать идеалы

многовековой духовной жизни, активно противостоять агрессии “массовой культуры”, порнографии, нагнетанию культа предательства. Я считаю, что каждый интеллигент — это миссионер, охраняющий национальные традиции своего народа в их интернациональном значении»¹³.

Есть основания полагать, что сохранение отечественной системы подготовки деятелей культуры сможет обеспечить достойное пополнение российской интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Парамонова С. П.* Мера интеллигентности студентов : (на примере исследования культурной информированности) // *Интеллигенция и мир.* 2016. № 3. С. 56.
- ² *Меметов В. С., Порозов В. А.* Интеллигенция как важная категория российского общественности // *Интеллигенция: вопросы теории и методологии* : коллектив. моногр. / под ред. *В. С. Меметова.* Иваново, 2010. С. 18.
- ³ *Будник Г. А.* Теоретико-методологические основы формирования интеллигенции в высшей школе // *Интеллигенция: вопросы теории и методологии.* С. 194.
- ⁴ *Купцова И. В.* Теоретико-методологические основания изучения художественной интеллигенции // *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности* : коллектив. моногр. / отв. ред. *В. С. Меметов, В. Л. Черноперов.* Иваново, 2014. С. 94.
- ⁵ *Порозов В. А.* «Интеллигенция как класс управляющих» или о двух крайностях российского интеллигентоведения // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 4. С. 148, 152.
- ⁶ Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества, 1992—2000 : информ. каталог. Пермь, 2000. С. 5.
- ⁷ Уральский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова». URL: <http://artacademy.perm.ru> (дата обращения: 31.05.2017).
- ⁸ *Киселёв В. Г.* Ценностные ориентации молодой художественной интеллигенции : (на материалах конкретного социологического опроса) // *Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития* : материалы XXVI Междунар. науч.-

теорет. конф. Иваново, 2015. С. 60—62 ; *Киселёв В. Г.* Академическое образование как фактор социально-политической активности художественной интеллигенции // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире : материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2016. С. 155—158.

⁹ Академическое образование. URL: <http://gisonibew.tk/7a241a29c-akademicheskoe-obrazovanie-eto-b48c4c> (дата обращения: 12.04.2017).

¹⁰ *Сухомлинский В. А.* О воспитании. М., 2003. С. 121.

¹¹ *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М., 2015. С. 15.

¹² *Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Философско-методологические основы деятельности преподавателя в коррекции историко-политического мировоззрения учащихся // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 124.

¹³ Вечная Россия. Илья Глазунов. URL: http://www.bookdk.com/izobrazitelynoe_iskusstvo/267664/ (дата обращения: 14.04.2017).

ББК 60.561.6+60.543.132.1

О. К. Михайлова

МЕДИЦИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ В РОССИИ: СТАТУС, ПОЛОЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ (конец XVIII — начало XX в.)

Исследование социального положения врача в различные исторические периоды времени обусловлено рядом причин: изучение условий возникновения новой социальной группы медицинской интеллигенции, получение информации о направлениях ее развития, выявление наличия кризиса данного социального института, необходимость проследить историческую тенденцию становления медицинского сообщества. Выделение острых социальных проблем, связанных с медицинской профессией, материальным и правовым положением врача, является своеобразным отражением реального образа медицинского работника исследуемого периода. Изменение сути положения врача в обществе и в самой системе здравоохранения, наряду с прочими характеристиками, определяет развитие отечественного здравоохранения.

В данной статье врач — это «лицо с высшим образованием, занимающееся лечением больных»¹. Хронологические рамки определены концом XVIII — началом XX в., т. е. периодом становления системы здравоохранения в России, позволяющей отследить образование социальной группы врачей. Особое внимание уделено положению врача в крупных городах из-за преимущественного развития городской медицинской службы в это время.

© Михайлова О. К., 2017

Михайлова Ольга Константиновна — аспирантка кафедры социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 79811220270@yandex.ru

В конце XVIII в. врачи в Санкт-Петербурге «чувствовали себя в материальном плане очень недурно, их дома находились в центре, на главных улицах, поближе к царским дворцам»². Социальное и финансовое положение молодых врачей также было очень хорошим. До 1764 г. каждый обучающийся в России был обязан получить диплом заграничного университета и только после экзамена в Санкт-Петербурге имел право лечить людей. Исходя из этого, получается, что врачами могли стать только люди с хорошим материальным достатком. Высокое положение врача в обществе в то время было обусловлено выполняемыми функциями по сохранению и поддержанию здоровья преимущественно правящих слоев³. Наиболее привилегированное положение занимали придворные врачи — лейб-медики. Так, лейб-медик — главный директор медицинской канцелярии с рангом тайного советника в 1762 г. получал жалование 7000 р.⁴ Однако говорить о существовании профессиональной группы врачей или врачебного сословия не приходится. Отдельные врачи, которых «выписывали» из-за границы, и позже российские врачи из отечественных университетов были более чиновниками, чем врачами⁵.

Характерной чертой развития медицины в России в начале XIX в. является строительство крупных больниц (часто на благотворительные средства) и появление специализированных лечебных заведений и клиник (в Москве в 1802 г. — Голицынская больница, в 1806 г. открытие Мариинской больницы в Санкт-Петербурге)⁶. В начале XIX столетия в России сложилось два главных центра медицинской науки и формирования медицинских кадров — Петербургская медико-хирургическая академия и медицинский факультет Московского университета⁷.

Основанием для становления «целого сословия, представляющего из себя могучую армию интеллигентных и гуманных деятелей на поприще врачевания физических и моральных недугов человека»⁸ стали медицинские общества.

Одним из первых в Санкт-Петербурге было основано Общество немецких врачей (как следствие большого числа «выписываемых» из-за границы специалистов) в 1819 г. Почти аристократическое положение и высокие доходы членов обеспечивали Общество материально. Каждый врач приносил в общественную кассу довольно большие вступительные и ежегодные

взносы, позволявшие издавать труды и поддерживать служебные интересы коллег. Члены Общества собирались каждые две недели с сентября по май для того, чтобы в узком кругу обменяться сведениями о новых мировых открытиях в специальности, полезной информацией о настроениях при дворе, поделиться опытом операций и наблюдений. В Уставе говорилось о коллегиальных встречах без формальностей и принуждения⁹.

Выпускники медицинских кафедр ощущали себя представителями существующей общности врачей не столько благодаря привилегиям службы, сколько через противопоставление себя необразованному населению, нелегализованным лекарям, а иногда и местным властям. Это ощущаемое отличие порождало проговариваемое и прописываемое чувство элитной солидарности¹⁰.

Общества (такие как фармацевтическое, морских врачей, военных врачей) ставили перед собой широкие научные и общественные задачи, что выражалось в научных заседаниях и публикациях, которые содействовали разработке различных вопросов военной медицины. С 1823 г. медицинский департамент Военного министерства начал издавать в Санкт-Петербурге «Военно-медицинский журнал» с целью ознакомить военных врачей со всеми новыми открытиями и усовершенствованиями наук¹¹. Общественная деятельность, согласно уставу, способствовала научному, практическому и сословному общению отечественных врачей между собой, проявлялась в бесплатной раздаче неимущим больным лекарств при лечебницах, в учреждении стипендий для обучающихся в университетах студентов медиков.

С 1792 г. начал издаваться всеобщий журнал врачебной науки «Санкт-петербургские врачебные ведомости», в 1833 г. вышел первый номер газеты «Друг здравия». Постепенно количество медицинских периодических изданий росло, и к 1862 г. их число составляло 38¹². Входящие в них публикации были исключительно медицинской тематики и посвящены профилактике, диагностике и лечению различных болезней; описывались случаи из реальной врачебной практики, много внимания уделялось фармакологии и правилам приема лекарственных препаратов. Существенное место занимали переводы из иностранной медицинской периодики.

Таким образом, особенностью развития институтов здравоохранения столицы и крупных городов Российской империи

первой половины XIX в. стало открытие первых специализированных лечебных заведений, высших медицинских учебных заведений. Потребность в коллективной организации врачей, стремление «к общению мысли, к совместной работе, к ассоциации в узком и широком смысле» («обнаружившееся среди врачей раньше, чем у других интеллигентных работников»¹³) — всё это привело к образованию обществ врачей, к изданию медицинских периодических изданий. Члены Общества воспринимали свою группу как некое сообщество, обладающее профессиональной культурой, ценностями и нормами, акцентировали собственный стиль и высокий престиж профессии врача.

Исторические события второй половины XIX в., произошедшие в Российской империи (Крымская война 1853—1856 гг., отмена крепостного права в 1861 г., проводимые реформы), оказали существенное влияние на развитие медицины городского самоуправления и социальный статус врача. Исключительность и привилегированность положения врача, основанная на преклонении перед его знаниями и близости к правящей элите, характерная для первой половины XIX в., начинает терять свою силу.

Особенностью медицины городского самоуправления являлась крайняя неравномерность ее развития. Если в Санкт-Петербурге и Москве медико-санитарные мероприятия осуществлялись уже с 70-х гг., а в ряде крупных городов — с конца 80-х гг. XIX в., то в подавляющем большинстве городов России врачебно-санитарные организации сформировались лишь к началу XX в.¹⁴ Согласно сведениям о состоянии врачебно-санитарного дела, полученным правлением Пироговского общества из 258 европейских городов России, медицинская помощь населению к началу XX в. была организована лишь в 68 городах, что составляло 26,3 %. Только 32 города (даже не все губерньские) располагали городскими больницами.

Характерной особенностью развития городской медицины второй половины XIX в. стало широкое использование достижений военной и земской медицины в практике гражданского здравоохранения. В результате к концу XIX в. в Санкт-Петербурге имелись больничные стационары и амбулаторные лечебницы (см. табл.), по своему устройству не уступавшие лучшим больницам Европы. Оснащение лечебных учреждений соответствовало передовому уровню науки, в 1896 г. был установлен рентгеновский аппарат.

Количество больниц в Санкт-Петербурге в 1896 г.¹⁵

Больницы	Кол-во
Городские больницы	11
Больницы Военного и Морского министерств	25
Больницы Ведомства Императорского Двора	2
Больницы Тюремного ведомства	4
Больницы Духовного ведомства	4
Больницы Российского общества Красного Креста	5
Больницы Императорского Человеколюбивого общества	2
Больницы прочих благотворительных обществ	7
Больницы ведомств Императрицы Марии и великой кн. Елены Павловны	13
Больницы прочих учреждений и частных лиц	35
<i>Всего</i>	108

В России впервые в 60-е гг. XIX в. допустили женщин в качестве вольнослушательниц в медицинские университеты (в Европе только в начале XX в.), а численность студентов Военно-медицинской академии в 1893—1894 гг. составила 750 человек¹⁶. Важным событием явилось создание Императорского клинического института для усовершенствования врачей великой княгини Елены Павловны (1885 г.). Профессора Военно-медицинской академии, Московского и Казанского университетов также регулярно оказывали консультативную помощь врачам.

К 1896 г. число всех ученых медицинских обществ в России составляло 120, причем из общего количества 18 000 врачей более половины являлись членами различных обществ¹⁷. Внутри обществ существовали системы стимулирования и премирования. Так, при Медицинском обществе в Санкт-Петербурге была учреждена премия им. Н. В. Склифосовского за лучшее сообщение, сделанное членом Общества.

С ростом городов, развитием промышленности, научными открытиями изменились направления работы обществ. На первый план выдвигалось изучение города в медико-топографическом отношении, исследовались санитарные условия и мероприятия при эпидемических болезнях. Количество медицинских журналов, издаваемых в Санкт-Петербурге в начале XX в., составило 177¹⁸.

На фоне повышения общественного внимания к вопросам здравоохранения вопросами улучшения своего социального положения занимались сами врачи. Организуемые съезды (земские, уездные, губернские, международные заграничные конгрессы) стали не только площадкой для обсуждения вопросов научной и практической медицины, но и выражением корпоративного начала врачей как социальной группы. Задачами «корпорации врачей» были следующие:

- 1) формальные, моральные и фактические обязательства по отношению к государству и обратно;
- 2) из тех же обязательств по отношению к обществу или человечеству в широком смысле и обратно;
- 3) по отношению к членам, ее (корпорацию) составляющим;
- 4) по отношению к себе самой, как к духовному и юридическому целому¹⁹.

Решение поставленных задач определяло направление дальнейшей работы всего врачебного сословия.

IX Пироговский съезд (1904 г.) принял постановление, которое называлось «Основные начала желательного врачебно-санитарного строя в городах». В этом постановлении особо подчеркивалась необходимость повсеместно обеспечить общедоступность и бесплатность городской медицины. Но основанием для введения бесплатной медицинской помощи были не только общегуманные соображения, но и практические наблюдения врачей. Установление какой бы то ни было, даже минимальной, платы за врачебный совет, лекарства, за лечение в больнице снижало обращаемость за медицинской помощью, а это лишало (в частности, врачей в городах) возможности своевременно выявлять инфекционных больных и эффективно бороться с эпидемиями, то есть подрывало общественно-санитарное значение всей системы городской медицины²⁰.

Вопросы материального положения также являлись предметом дискуссий внутри сообщества врачей. Отмечалось, что «государство и общество, требуя от врачей слишком много, в то же время дают им слишком мало»²¹. Причину низкой оплаты труда сами врачи видели в «принудительном начале, лежащем в основе врачебного быта»²². В отличие от любого работника или чиновника, выполнившего определенные обязанности и после этого

имеющего свободное время, врач «обязан в любое время дня и ночи являться по первому зову, в противном случае, его предадут суду. При таком взгляде на врача и его обязанности, естественно должно было выработаться и особенное отношение к оценке его труда и к его положению среди других интеллигентных тружеников»²³. Несправедливый принцип в оценке труда врача очевиден и с точки зрения усилий и времени, потраченных им на свое образование. Для сравнения: чтобы быть акцизным надзирателем или мировым судьей, «требуется только домашнее воспитание или в крайнем случае гимназический диплом; чтобы быть врачом — необходимо высшее специальное образование», при этом жалование уездного врача меньше в 17,5 раз, чем у акцизного надзирателя, и в 10—11 раз меньше жалования мирового судьи²⁴.

В зависимости от места работы врачи делились на следующие группы: городовые, военные, морские, фабричные и заводские, железнодорожные, школьные, вольнопрактикующие и т. д. Рассмотрим отдельные категории.

Термином «фабричный врач» обозначали врачей, оказывавших медицинскую помощь рабочим в больницах и приемных покоях при промышленных предприятиях, и врачей — фабричных инспекторов²⁵. Положение фабричных, заводских и железнодорожных врачей было наемным, зависимым от администрации. Как правило, эта категория врачей была изолирована на своем рабочем месте из-за отсутствия фабрично-врачебных или иных организаций, ограничена одной только лечебной деятельностью. Кроме того, ему угрожали «серьезные затруднения вплоть до оставления службы, если он серьезно займется указанием на различные антисанитарные условия жизни и работы и предложением их устранения»²⁶. Вопросами санитарной гигиены занимались фабричные инспекторы, или избирались лица с высшим образованием самых различных специальностей, между которыми преобладали технологи. Тема преобразования санитарно-фабричной инспекции часто поднималась медицинской интеллигенцией и указывалось, что Россия от санитарного неустройства фабрик теряет ежегодно 3,5 млрд р.²⁷

Городовые врачи выполняли судебно-медицинские экспертизы. Судебная медицина, требующая основательной специализации, при этом являлась малооплачиваемым трудом. Поэтому в начале

XX в. это были обыкновенные практикующие врачи с низким заработком (900 р. в год), выполняющие судебные экспертизы.

В обязанности школьного врача входило: 1) следить за здоровьем учащихся в школе, 2) вести у себя на дому амбулаторный прием детей, 3) предупреждать развитие заразных болезней в школах и училищах, 4) предупреждать развитие эпидемий. Доход школьного врача за год составлял 600—900 р. К примеру, в Санкт-Петербурге в 1896 г. было 14 школьных врачей²⁸, на которых распределяли учеников из 335 городских училищ. По меньшей мере 1 раз в неделю они посещали учебное заведение для осмотра учащихся и оказания помощи заболевшим.

Отдельную группу создавали вольнонаемные врачи. Ее составляли лица, «не имеющие возможности попасть на службу за неимением мест и в меньшем количестве из лиц, разочаровавшихся и изнурившихся в плодотворности своей работы при данных условиях в земской и уездной службе»²⁹. Их основным доходом служила частная практика, которую в деревнях и селах было сложно найти из-за большой части необразованного населения, питавшего больше доверия к знахарям и лекарям, а в городах из-за имеющихся лечебниц и больниц. Материальное положение этой группы было плохим также из-за отсутствия установленного минимального докторского вознаграждения.

Значительную роль в поисках решения социальных проблем врачей в конце XIX — начале XX в. сыграли собрания Общества русских врачей, учрежденного в память Н. И. Пирогова. Предложением по решению проблемы «полной беспомощности врача во время его болезни или вообще неспособности к труду и ужасная перспектива неминуемого голода»³⁰ было создание эмеритальных касс и страховых обществ. Постоянная необеспеченность врачей и их семейств, случайность заработка, сравнительно высокая смертность врачебного сословия были причиной большого количества осиротевших детей, «впадающих со смертью своего кормильца в безысходную нужду». Общество попечения о сиротах — детях врачей было призвано решить данную проблему. В 1907 г. в нем состояло 480 членов, в 1909 г. — 1775, в 1910 г. Общество воспитывало 25 детей³¹.

На съездах разрабатывались конструктивные предложения по становлению лечебного и санитарного дела. Их решения часто

представлялись в виде ходатайств к правительству и губернской администрации³². Съезды врачей были одним из способов установления медицинской интеллигенцией взаимоотношений с государственной властью и обществом.

Таким образом, работа медицинских обществ, съездов в XIX в. способствовала становлению медицинской интеллигенции в России. Их деятельность была призвана оказывать влияние на состояние лечебного дела, санитарии, социально-экономических и бытовых условий жизнедеятельности врачей, оказывать воздействие на формирование профессиональных, нравственно-этических и человеческих качеств медицинских специалистов высшей и средней квалификации. Идеальные условия для работы, актуальные и в современном обществе, выразил А. Б. Гуревич: «Самое высшее счастье для врача — это иметь возможность посвятить себя облегчению страданий ближних, не будучи вынужденным вечно гнаться за рублем, заботиться о завтрашнем дне. Вот почему я считаю, что настоящий праздник на нашей улице настанет тогда, когда все врачи выступят на поле своей деятельности как независимые служители общества, как государственные и общественные деятели, вполне обеспеченные правительством»³³.

Примечания

- ¹ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. С. VIII.
- ² Столянский П. Н. Врачи старого Петербурга. Петроград, 1915. С. 4.
- ³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова ; пер. с англ. М., 1992. С. 279.
- ⁴ Положение и задачи врача в обществе в различные исторические периоды // IV Симпозиум по истории медицины СССР — ГДР, г. Вильнюс. М., 1981. С. 62.
- ⁵ Ярошевский С. Врачи как корпорация. [СПб.], 1895. С. 1.
- ⁶ Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб., 2010.
- ⁷ История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.) / под ред. Р. У. Хабриева. М., 2014.
- ⁸ Ярошевский С. Указ. соч. С. 2.

- ⁹ Вишленкова Е. А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память. 2017. № 10. С. 198.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Российский Д. М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения : библиогр. (996—1954 гг.) / под ред. Б. Д. Петрова. М., 1956. С. 63.
- ¹² Там же. С. 66.
- ¹³ Ярошевский С. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁴ История здравоохранения дореволюционной России.
- ¹⁵ Весь Петербург : адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1898 г. / ред. Н. И. Игнатов. СПб., 1898 г. С. XXXII.
- ¹⁶ Там же. С. XXXIII.
- ¹⁷ Российский Д. М. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁸ История здравоохранения дореволюционной России. С. 77.
- ¹⁹ См.: Ярошевский С. Указ. соч. С. 3.
- ²⁰ Мирский М. Младшая сестра земской медицины // Медицинская газета. 2007. 2 февр.
- ²¹ Ярошевский С. Указ. соч. С. 5.
- ²² Там же. С. 6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 8.
- ²⁵ Положение и задачи врача в обществе... С. 75.
- ²⁶ Туровский К. Г. Современные вопросы врачебной жизни и санитарии: действительности и мечты // Русский врач. 1902. № 3.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Весь Петербург : адресная и справочная книга... С. XXXII.
- ²⁹ Ярошевский С. Указ. соч. С. 6.
- ³⁰ Гуревич А. Б. Незавидное положение современного врача в материальном и социальном отношениях // [Соч.] д-ра А. Б. Гуревича. Киев, 1896. С. 10.
- ³¹ Грязнов А. П. Об обществе попечения о сиротах — детях врачей // Русский врач. 1910. № 20.
- ³² Кузьмин В. Ю. История земской медицины России и влияние на нее государства и общественности, 1864 — февраль 1917 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005.
- ³³ Гуревич А. Б. Указ. соч. С. 11—12.

О. С. Буслаева

**СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЯХ
ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В конце XIX — начале XX в. в крупных губернских и небольших уездных городах России наиболее многочисленной группой интеллигенции являлись учителя начальной школы, эта профессия в исследуемый период была довольно популярной. В то время пристальное внимание уделялось формированию педагогических кадров, действовала целая сеть образовательных учреждений для профессиональной подготовки будущих педагогов различного уровня и профиля. Среди них были и женские гимназии — средние общеобразовательные учреждения для девушек, имевшие специальные педагогические классы. Они представляли собой учебные заведения, подчинявшиеся Министерству народного просвещения (МНП), либо находившиеся в ведении Канцелярии императрицы Марии (Мариинские), а также частные женские гимназии. Последние практически всегда организовывались женщинами, являвшимися яркими представительницами интеллигентской среды¹. Российская общественность на рубеже веков начинала понимать значение женского образования в качестве «рычага для улучшения общественной жизни»². Необходимость подготовки квалифицированных педагогических кадров была обусловлена появлением в сельской местности и в городах сначала десятков, а затем сотен начальных школ, открываемых земскими и городскими органами самоуправления. Потребности начальной школы в учителях уже не могли удовлетворить малочисленные учительские семинарии.

© Буслаева О. С., 2017

Буслаева Ольга Сергеевна — аспирантка кафедры истории России Ивановского государственного университета. olgo1988@mail.ru

Последние подвергались справедливой критике со стороны отечественных педагогов второй половины XIX в., несмотря на существенный вклад в распространение просвещения в России. Это обусловило необходимость в открытии при женских гимназиях дополнительных восьмых классов с целью профессиональной подготовки учительских кадров. Труд педагога с точки зрения властей способствовал самореализации женщины в обществе.

Еще в период проведения школьной реформы 1803—1804 гг., по которой управление школьным делом в России становилось частью разветвленного и централизованного государственного аппарата, остро встал вопрос о профессиональной подготовке педагогов. При этом сначала особая нужда возникла в учителях гимназий, открытых в начале XIX в. почти во всех губернских городах.

Первоначально задача подготовки будущих учителей гимназий была возложена на университеты, при каждом из которых открывался специальный педагогический институт. Профессора должны были посвящать не менее часа в неделю руководству обучением и наставлению так называемых «учительских кандидатов»³.

В этот период педагогическая деятельность женщин ограничивалась службой в качестве домашних учительниц либо наставниц⁴. Звание наставницы можно было получить в случае окончания гимназического курса с медалью⁵. Для присвоения звания учительницы окончившим гимназии без медали требовалось сдать специальный экзамен на звание, дававший право преподавания одного из предметов гимназического курса. Однако при этом выпускницы могли вести большинство дисциплин, имевшихся в программе начальной школы, кроме Закона Божия.

Возможность получения женщинами полноценного среднего образования, появившаяся в середине XIX в., обусловила возникновение учебных заведений разного уровня для подготовки учительских кадров. Помимо женских курсов, педагогических классов, семинарий и институтов благородных девиц, профессиональную подготовку женщины могли получить в средних учебных заведениях — гимназиях, несмотря на то что в целом они носили общеобразовательный характер.

Под словом «интеллигенция» принято понимать людей, являвшихся своего рода нравственным эталоном для окружавшего их социума. В конце XIX — начале XX в. под это определение

попадала профессия учителя как средней, так и начальной школы. Родители из самых разных социальных слоев стремились отдать своих детей в гимназии, педагогическая система которых была направлена на всестороннее развитие и гармонизацию личности. После окончания данных учебных заведений воспитанницы могли реализовать себя, в том числе и на педагогическом оприще, что, в свою очередь, обуславливало преемственность нравственных идеалов общества.

Учебные планы женских гимназий были подготовлены и утверждены Министерством народного просвещения в 1874 г. — это первые общегосударственные программы для женских гимназий и прогимназий⁶. Они состояли из обязательных предметов, к которым относились такие основополагающие дисциплины, как русский язык, алгебра, география, и необязательных — рисования и одного из иностранных языков⁷, а также пения, музыки, танцев и гигиены⁸. Число воспитанниц, занимавшихся необязательными предметами, возрастало с каждым годом.

В губернских и уездных городах России гимназическое образование не являлось общедоступным. Оплачивать учебу дочерей в этих образовательных учреждениях сначала могли себе позволить в основном довольно состоятельные родители из числа дворян, а также представителей купеческого и духовного сословия.

Однако в гимназии принимались и дети из мещанской, и даже крестьянской среды. При этом последние два сословия составляли в начале XX в. уже значительный процент учащихся провинциальных женских гимназий. Так, в 1909 г. среди учащихся Юрьевецкой женской гимназии имени А. С. Пушкина детей потомственных дворян было только 7 человек, личных дворян и чиновников — 38, почетных граждан и купцов — 16, духовенства — 47, мещан — 88, крестьян — 51⁹.

Стоимость обучения в этих образовательных учреждениях повышалась ежегодно при переходе из класса в класс. Дорогостоящим было обучение не только в государственных, но и в частных женских гимназиях. В Иваново-Вознесенске большой популярностью среди девушек пользовались гимназии, учрежденные М. И. Крамаревской и П. А. Диомидовской, благодаря тщательному подбору педагогически кадров. Так, в 1916 г. в младшем и среднем отделении пригготовительного класса гимназии

М. И. Крамаревской годовое обучение стоило 30 р., в старшем отделении — 40 р. В I, II, и III классах эта сумма составляла уже 50 р. и повышалась на 10 р. при переходе воспитанниц в следующий класс. В VII классе плата за обучение достигала 80 р., из них 10 р. расходовались на экзамен, на котором присутствовали представители канцелярии Московского учебного округа¹⁰. В гимназии П. А. Диомидовской годовая стоимость обучения воспитанниц была выше, чем в учебном заведении М. И. Крамаревской, с III класса она составляла уже 55 р. и с каждым годом увеличивалась на 10 р.¹¹ Таким образом, получение общего образования, которое предполагало дальнейшую профессиональную подготовку, обходилось родителям воспитанниц недешево.

Высокая плата за обучение гимназисток определялась, в свою очередь, значительными расходами образовательных учреждений, как государственных, так и частных, на оплату труда педагогического состава и начальства гимназий, обслуживающего персонала, гимназического врача, ремонт и аренду зданий, в которых они размещались. Так, в 1914 г. гимназия П. А. Диомидовской просила у Шуйского земства субсидию в 1 тыс. р., указав при этом, что общий расход составлял 15 220 р. В эту сумму включалась оплата за наем здания для учебного заведения — 3 тыс. р., плата педагогическому персоналу — 7700 р., председателю педагогического совета — 400 р., начальнице гимназии — 900 р., классным дамам — 480 р., доктору — 180 р., прислуге — 600 р. и т. д.¹²

Весьма затратным для гимназий был наем учителей по необязательным предметам. Так, в 1908 г. в женской гимназии Суздаля труд учительницы чистописания обходился гимназии в 25 р. в месяц, учительницы рукоделия — 37 р., а преподавательницам немецкого и французского языков платили по 62 р.¹³

Профессиональная подготовка будущих педагогов во многом определялась «Положением о женских гимназиях», принятым в 1870 г., а также инициативой известного педагога своего времени Н. А. Вышнеградского, в соответствии с которыми в некоторых женских гимназиях было разрешено открывать восьмой педагогический класс. В столичных и провинциальных женских гимназиях ведомства учреждений императрицы Марии педклассы начали открываться еще раньше — с 1864 г.

Восьмые педагогические классы имели особый план, контингент их состоял из воспитанниц в возрасте от 16 до 22 лет, как правило, окончивших на хорошие и отличные оценки общий курс гимназии.

Основными и принципиально новыми предметами VIII класса, не входившими в семиклассный общеобразовательный курс, были педагогика и дидактика — т. е. теория обучения, раскрывающая закономерности познавательных процессов учащихся. Кроме этих предметов, изучались также: Закон Божий, словесность (литература), русский и иностранные языки, история и география, методика начального обучения русскому языку и арифметике. Каждая ученица сдавала экзамен на звание учительницы в объеме мужских гимназий по русскому языку или арифметике. Это давало девушкам право преподавания в будущем не только этого предмета, но и всего начального школьного курса.

Первоначально наполняемость восьмых педклассов гимназий была невысокой. В 1892 г. в педагогический класс Иваново-Вознесенской женской гимназии поступило только три человека¹⁴. Позднее ситуация мало изменилась; в 1912/13 учебном году в частной гимназии М. И. Крамаревской начальные классы были переполнены сверх комплекта, в VII же классе обучалось 19 воспитанниц, а в VIII классе — только 7 человек¹⁵.

Если в семиклассном общеобразовательном курсе гимназии основной акцент в обучении делался на теоретическую часть, то в VIII педклассе — на практическую. В течение года девушки занимались с отстающими воспитанницами своей гимназии, а затем проходили сначала «пассивную», а потом «активную» педагогическую практику. Первая сводилась к посещению уроков своих преподавателей, во время которых гимназистки внимательно следили за работой учителя, анализировали ее и вносили записи наблюдений в специальный педагогический дневник. Вторая предполагала проведение так называемых пробных уроков в начальных классах своей же гимназии.

Пробные занятия проводились в присутствии начальницы гимназии, преподавателя-методиста, а также одной из воспитанниц VIII класса той же гимназии¹⁶. В отдельной тетради ученицей, дававшей пробный урок, составлялся его подробный конспект, который перед проведением занятия предоставлялся преподавателю.

После предварительного просмотра, если в конспекте урока имелись недостатки, методист делал ряд замечаний. По окончании урока следовал его подробный разбор начальницей гимназии, преподавателем, а иногда и коллективом всего VIII класса гимназии¹⁷, подводился итог пробного урока и выставлялась итоговая оценка.

Результаты оценивались не по традиционной пятибалльной системе, а варьировались от «достаточно» или «вполне достаточно» до «отлично» и даже «выдающийся»¹⁸. Последняя являлась самой высокой оценкой. Довольно частой была и низкая оценка успеваемости воспитанниц «удовлетворительно», однако она встречалась в основном в списках учащихся в начале XX в. и реже — в конце XIX в. Из журнала успеваемости учениц Иваново-Вознесенской женской гимназии в начале XX в. мы узнаем, что из 125 определений, вынесенных педагогическим советом, в 31 случае был сделан отказ в выдаче свидетельств на право преподавания и присвоения звания домашней учительницы, так как оценки учениц по основным предметам — русскому языку, арифметике, отечественной истории и чистописанию, были не выше «удовлетворительно»¹⁹. Существовали и такие оценки педагогической практики будущих учительниц, как «вполне удовлетворительная, вполне достаточная, достаточная, хорошая, очень хорошая»²⁰. Успешность учебы в VIII классе гимназии определялась не только интересом к наукам, но и способностями к педагогической деятельности. Прежде чем приступить к своим профессиональным обязанностям, выпускница гимназии, удостоенная звания домашней наставницы либо учительницы, должна была получить особое свидетельство из канцелярии попечителя Московского учебного округа. Воспитанницы не могли получить его в случае, если по таким основным предметам, как русский язык, арифметика, отечественная история, они имели оценку «удовлетворительно»²¹.

Лица, не обменявшие аттестаты на подобные свидетельства, могли в будущем лишиться пенсии. При определении выпускницы на работу в частный дом, а также в любое государственное учебное заведение, она должна была предъявлять свидетельство директору народных училищ, а также предводителю дворянства того уезда, где она в данный момент проживала²². Это правило

соблюдалось каждый раз при переходе наставницы или учительницы на новое место службы. После окончания каждого учебного года на имя директора народных училищ, а также уездного предводителя дворянства необходимо было представлять отчет о своей деятельности с приложением одобрительных свидетельств от родителей учеников.

Только в случае точного соблюдения всех вышеперечисленных правил и обязанностей домашние учителя и наставницы по выработке 20-летнего стажа могли рассчитывать на пенсию или на устройство в дом призрения «для бедных девиц благородного звания на казенное содержание»²³, если у них не было родственников, которые могли бы их содержать.

Подготовка в женских гимназиях педагогических кадров — будущего отряда педагогической интеллигенции, являлась значительным вкладом в развитие образования в России в целом. На рубеже XIX—XX вв. подавляющее большинство наставников и учителей как государственных, так и частных учебных заведений составляли выпускницы восьмых педагогических классов женских гимназий.

Однако реализация приобретенных навыков, т. е. начальное трудоустройство гимназисток, было довольно нелегким делом. Часто в периодических изданиях публиковались объявления выпускниц женских гимназий с предложением их профессиональных услуг. Для того чтобы зарекомендовать себя с лучшей стороны, воспитанницы были даже готовы преподавать некоторое время бесплатно. В частности, в газете «Владимирец» за 1907 г. было опубликовано объявление девушки, претендовавшей на репетиторские занятия, следующего содержания: «Гимназистка VII класса желает преподавать для двух первых классов женской гимназии. Нуждающимся бесплатно»²⁴.

При этом процент желающих реализовать себя на педагогическом поприще среди выпускниц гимназий был довольно высоким. По данным проведенной в марте 1880 г. переписи сельских училищ, располагавшихся в европейской части России, среди преподавательниц народных школ выпускницы гимназий и прогимназий составляли более 34 %, в то время как окончившие епархиальные женские училища — только 28 %²⁵. Из списка кандидатов на должность учителя в начальных школах Иваново-Вознесенска

за 1902—1910 гг. было только 11 претендентов мужского пола, 5 из которых — священник и дьяконы, имевшие возможность преподавать только Закон Божий. Подавляющее большинство — 54 выпускницы окончили Иваново-Вознесенскую женскую гимназию, 5 из них — с золотой медалью²⁶.

Таким образом, профессия педагога в русле деятельности интеллигенции в конце XIX — начале XX в. была очень популярна среди выпускниц женских гимназий. Их труд в школе был направлен на гармонизацию развития личности, трансляцию духовно-нравственных идеалов, заложенных в предметах гимназического курса. Если по общеобразовательной подготовке женские гимназии проигрывали мужским, то по профессиональной шли впереди. В женских гимназиях в последней трети XIX в. начали открываться специальные педагогические классы, дававшие девушкам возможность получить профессию учительницы начальных классов. Педклассы имели особые планы, в которые входили дисциплины, отсутствовавшие в семиклассном гимназическом курсе — педагогика и дидактика. Воспитанницы успешно осваивали профессию педагога благодаря акценту на практической части занятий, в рамках которых они посещали уроки своих преподавателей, а также вели собственные пробные занятия для учениц своей гимназии. После окончания VIII класса гимназии выпускницы становились преподавателями в городских приходских, земских, церковно-приходских и частных учебных заведениях. Несмотря на то что многие испытывали трудности в трудоустройстве, процент желающих реализовать себя на педагогическом поприще был довольно высоким.

Примечания

- ¹ *Балдин К. Е.* Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в. : (на примере г. Иваново-Вознесенска) // *Женщина в российском обществе.* 2014. № 2 (71). С. 16.
- ² *Шаганов В.* О женской грамотности в сельском населении Владимирской губернии // *Вестник Владимирского губернского земства.* 1889. № 10. С. 461.
- ³ *Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий.* СПб., 1865. С. 2—3.

- ⁴ *Паначин Ф. Г.* Педагогическое образование в России. М., 1979. С. 96.
- ⁵ Очерки истории народного образования Пензенского края / под ред. *В. И. Никитина*. Пенза, 1997. С. 17.
- ⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1976. С. 134.
- ⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Октябрь. С. 121.
- ⁸ Исторический очерк Юрьевецкой женской гимназии имени А. С. Пушкина (26 мая 1899—1923 г.). Юрьевец, 1913. С. 24.
- ⁹ Там же. С. 26.
- ¹⁰ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5260. Л. 21.
- ¹¹ Доклады Шуйской уездной земской управы очередному Шуйскому уездному собранию 1915 г. Шуя, 1915. С. 188.
- ¹² Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 114.
- ¹³ Государственный архив Владимирской области. Ф. 467. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁴ *Балдин К. Е.* Начало начал : очерки истории школы № 30 г. Иванова. Иваново, 2003. С. 35.
- ¹⁵ *Козлова А. В.* Частная женская гимназия М. И. Крамаревской в Иваново-Вознесенске // Борисовский сборник / под ред. *В. В. Возилова*. Иваново, 2009. Вып. 1. С. 300.
- ¹⁶ Государственный архив Костромской области. Ф. 426. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 5.
- ¹⁸ ГАИО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 89. Л. 21—22.
- ¹⁹ Там же. Д. 285. Л. 7.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Доклад земской управы о женской учительской школе. Тамбов, 1902. С. 13.
- ²³ Очерки истории народного образования Пензенского края. С. 18.
- ²⁴ Владимирец. 1907. № 110.
- ²⁵ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР : вторая половина XIX в. М., 1976. С. 194.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4738. Л. 1—2.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 83.3(2=411.2)6-444.51

Э. Б. Ершова

КОМИССАРОВ В. В. «ЭТОГО ОЖИДАЛИ...»: РОМАН И. А. ЕФРЕМОВА «ГУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» И ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вышедшая в этом году в ивановском издательстве «ПресСто» новая монография В. В. Комиссарова о романе известного советского писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова «Гуманность Андромеды» дает возможность любителям этого литературного направления снова вспомнить 1960-е годы, когда хрущевская оттепель позволила отойти от идеологических догм и представить себе человечество, обращенное к другим планетам, вполне возможно населяемым иными существами, не похожими на земных людей, но обладающими такими же эмоциями, чувствами, как и земляне.

Автор монографии отошел от стандартного анализа романа, представив в начале разные моменты жизни писателя, его научные и литературные взгляды, а затем выделил те аспекты, которые характеризовали способность советской интеллигенции к пониманию будущего, ее футуристические проекты, представлявшие пути достижения светлого будущего.

В. В. Комиссаров использовал нестандартную структуру: между главами четкой направленности, например между гл. 1 —

© Ершова Э. Б., 2017

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Московского финансово-юридического университета (МФЮА). ershova.elwira40@yandex.ru

«Иван Ефремов и отечественная научная фантастика» и гл. 2 — «Иван Ефремов и партийно-государственная цензура» включил Конспирологическое отступление № 1 «Иван Ефремов и атомная бомба», а между гл. 2 и гл. 3 — «Социальное и футуристическое наполнение произведений И. А. Ефремова» Конспирологическое отступление № 2 — «Иван Ефремов в оперативной разработке КГБ». После гл. 3 дано еще одно подобное отступление № 3 «Иван Ефремов и братья Стругацкие». Все эти фрагменты расширяют представления о романе и его социально-общественной значимости, так ценимой интеллигенцией 1960—70-х годов.

Конспирологические отступления очень интересны, так как открывают новые черты писателя и одновременно дают сведения о людях, каким-либо образом причастных к отдельным моментам его жизни и произведений. Например, вставка № 1 анализирует версию об участии писателя в розыске и разведке радиоактивных руд и о его вкладе в создание атомной бомбы. Автор монографии справедливо подчеркнул, что желания писателя организовать палеонтологическую экспедицию по Гоби появилось еще до Великой Отечественной войны, когда об атомной бомбе не было разговоров. Но при этом И. А. Ефремов описал радиационную катастрофу в «Туманности Андромеды» и упомянул в «Часе быка» чудовищное сражение, которое представлялось ему как ядерное. Опасение возможной ядерной катастрофы, как об этом пишет исследователь, преследовало писателя до конца его жизни, что может служить косвенным свидетельством участия фантаста в поисках урана в послевоенные годы.

Второе отступление — «Иван Ефремов в оперативной разработке КГБ» — посвящено малоизвестным событиям, о которых стали писать только в 1990-е годы. В. В. Комиссаров прав в том, что официальные документы до сих пор не открыты, есть только предположительные факты в виде слухов, притом достаточно противоречивые. Вполне возможно, что настанет время и будут открыты все архивы, в том числе и архивы КГБ, тогда широкой общественности предоставят те или иные факты по этому очень интересному вопросу: «было или не было». Следующим поколениям это будет более четко ясно, чем нам.

Рассматривая в третьей главе социальное и футуристическое наполнение произведений писателя, В. В. Комиссаров

подчеркнул такую их особенность, как «достоверность, из которой вытекала их актуальность и социальная злободневность» (с. 68). Читая романы И. А. Ефремова, невольно веришь тому, о чем он пишет. Интересны и этические воззрения писателя и ученого: его главный вывод, что разрушение империй и гибель цивилизаций — это прежде всего результат кризиса нравственности (с. 86). В этой же главе любопытны экскурсы автора в историю экранизаций и инсценировок произведений писателя, которые затем приводят к Конспирологическому отступлению № 3 «Иван Ефремов и братья Стругацкие». В этом фрагменте монографии четко прослеживается мысль, что творчество И. А. Ефремова и братьев-писателей не противостоит друг другу, а является своего рода творческой дискуссией, на которую могли влиять какие-то отголоски личностных отношений и одновременно проблемы отношений с властью.

Совершенно справедлив вывод исследователя о том, что И. А. Ефремов своим литературным талантом смог дать начало новому этапу советской научной фантастики и в рамках марксистско-ленинского понимания коммунистического будущего показать развитие нового жанра футуристической литературы, что в то время было очень близко для сознания советской интеллигенции.

Монография В. В. Комиссарова представляет собой самостоятельное исследование и демонстрирует новый взгляд на историю советской фантастики в контексте развития и деятельности отечественной интеллигенции и может быть интересна не только для специалистов, но для всех любителей научно-фантастического жанра.

АННОТАЦИИ

Меметов В. С. Экспертный опрос «Такая разная интеллигенция: исторический опыт отечественной интеллигенции в 1917—2017 гг.» и его результаты

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, креативный класс, экспертный опрос, респондент, интеллигентоведение.

Представлен материал по организации, проведению и результатам экспертного опроса, связанного с проблемами развития интеллигентоведческих исследований. Анализируется состав респондентов, рассматривается распределение ответов на основные группы вопросов анкеты. Приводятся краткие выводы по итогам анкетирования, отражающие состояние и перспективы интеллигентоведения.

Комиссаров В. В. Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960—80-е годы

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научно-популярная публицистика, политическая цензура, партийно-государственный контроль.

Рассматривается воздействие политической цензуры на развитие научно-популярного жанра в СССР в 1960—80-х гг. Анализируется не только официальная цензура, представленная Главлитом, но и различные формы партийно-государственного контроля. Исследуются разнообразные формы научной популяризации, в том числе литература, научный кинематограф и телевидение.

Кислицын С. В. Зарождение и эволюция внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма в 1930—80-е годы

Ключевые понятия: неоконсерватизм, внешняя политика, идеология, США, холодная война.

Анализируется процесс становления внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма и интеллектуальной эволюции его ключевых идеологов. Уделено внимание внешним факторам воздействия, разногласиям, существовавшим внутри данного течения, причинам роста

и снижения популярности неоконсервативных идей среди американского политического истеблишмента в период «холодной войны».

Ревакина Н. В. Портрет Витторино да Фельтре, итальянского гуманиста и педагога XV века

Ключевые понятия: Витторино да Фельтре, учитель, школа, ученики, бескорыстие, любовь к ученикам, милосердие, забота о людях, мужество.

Предпринята попытка дать словесный портрет Витторино да Фельтре на основе воспоминаний его учеников и современников, писем самого Витторино и правителей Мантуи к нему, а также опубликованного материала из архива Гонзага.

Кириухин Д. В. Представители итальянской гуманистической интеллигенции в университетах Европы в конце XV — начале XVI века: жизненный путь Корнелио Вителли

Ключевые понятия: итальянская гуманистическая интеллигенция, Корнелио Вителли, эпоха первых Тюдоров.

Рассматривается вопрос присутствия и взаимовлияния представителей итальянской гуманистической интеллигенции в университетах Франции и Англии на примере творческого и жизненного пути Корнелио Вителли. Анализируются причины, обусловившие необходимость Вителли покинуть сначала родную Италию, Университет Парижа и Лондон, помогающие более детально исследовать взаимосвязь интеллектуальных кругов и сообществ названного периода и непростую историю их взаимоотношений.

Рагозин Г. С. Йозеф фон Хормайр: у истоков австрийского консерватизма, 1803—1809 годы

Ключевые понятия: Австрия, Йозеф фон Хормайр, тирольское восстание 1809—1810 гг., интеллектуальная история Австрии, австрийский консерватизм.

Анализируется деятельность австрийского интеллектуала первой половины XIX в. Йозефа фон Хормайра в 1805—1809 гг. В период Французской революции и Наполеоновских войн началось изменение общественно-политического дискурса в Европе и Австрии, связанное с новыми государственными идеологиями и практиками, появившимися в это время. Одной из реакций стало появление австрийского консерватизма, который активно апеллировал к историческому нарративу как

общеавстрийской, так и региональной истории в существовавшем общественно-политическом дискурсе. Сбором исторического нарратива, причем не только собственно Австрии, но и земель, бывших в личной унии с ней под властью династии Габсбургов, в этот период занимался Йозеф фон Хормайр, тем самым содействуя трансформации идеи Gesamtstaat в официальную идеологию Австрийской империи, образованной в 1804 г. К этому нарративу апеллировали и другие интеллектуалы — сторонники консервативного направления общественной мысли Австрии, вплоть до распада империи Габсбургов в 1918 г.

Киселёв В. Г. Нравственные и эстетические факторы формирования молодой художественной интеллигенции

Ключевые понятия: молодая художественная интеллигенция, академическое образование, ориентация, профессиональная идентификация, ценностные ориентации.

На материалах анализа результатов социокультурных анонимных опросов студентов Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова за последние пять лет выявляются и анализируются мотивы обучения молодежи в художественном вузе, ценностные ориентации студентов, оценки качества учебного процесса. Мониторинг опросов дает возможность проследить роль эстетических и нравственных факторов в формировании молодой художественной интеллигенции. Академизм образования, индивидуальная работа со студентами, завершающаяся персональными выставками в период обучения, формируют у них черты подлинной интеллигентности.

Михайлова О. К. Медицинская интеллигенция как профессиональная корпорация в России: статус, положение, проблемы (конец XVIII — начало XX в.)

Ключевые понятия: социальное положение врача, медицинские общества, съезды врачей, медицинская интеллигенция.

Рассматривается процесс становления института отечественного здравоохранения и социальной группы медицинской интеллигенции, а также структура врачебного корпуса. Путем анализа исторического и статистического материала показано социальное положение различных категорий городских врачей, процесс самоорганизации медиков и общественных организаций в XVIII — начале XX в.

Буслаева О. С. Специфика подготовки кадров педагогической интеллигенции в женских гимназиях Владимирской и Костромской губерний в конце XIX — начале XX века

Ключевые понятия: женские гимназии, педагогический класс, учебные планы, учителя и наставники, педагогическая подготовка.

На рубеже XIX—XX вв. самой распространенной профессией интеллигенции был труд педагога, объединявший образовательную и воспитательную составляющие учебного процесса и призванный транслировать духовно-нравственные и культурные образцы. В числе учебных заведений дореволюционной России, осуществлявших профессиональную подготовку учителей, заслуживают внимание женские гимназии, дававшие воспитанницам среднее образование. В последней трети XIX в. при некоторых из них были открыты специальные педагогические классы, что являлось существенным вкладом в развитие женского среднего образования. Это способствовало самореализации многих выпускниц в качестве педагогов казенных и частных учебных заведений, а также домашних учителей и наставников.

Ершова Э. Б. Комиссаров В. В. «Этого ожидали...»: роман И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и футуристические проекты советской интеллигенции

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научная фантастика, футуристические проекты, И. А. Ефремов.

Рецензируется новая монография В. В. Комиссарова, посвященная творчеству отечественного писателя-фантаста и ученого И. А. Ефремова. Выход книги приурочен к 60-й годовщине публикации основного романа писателя «Туманность Андромеды». Рассматривается структура монографии, анализируются основные проблемы, поднимаемые в ней, отмечаются сильные и слабые стороны.

ANNOTATIONS

Memetov V. S. Expert survey «Such diverse intelligentsia: historical experience of the Russian intelligentsia in 1917—2017» and its results

Key notions: intelligentsia, the intellectuals, the creative class, expert survey, a respondent, intelligentsia studies.

The article deals with the organization, conduct and results of the expert question on the development of the research of intelligentsia studies. Analyzed is the composition of respondents, shown is the distribution of responses for the main groups of questions in the questionnaire. The conclusion summarizes the findings of the survey reflecting the state and prospects of the intelligentsia studies.

Komissarov V. V. Intelligentsia, popular scientific journalism and censorship in 1960—1980-s

Key notions: Soviet intelligentsia, popular scientific journalism, political censorship, party and state control.

The article considers the impact of political censorship on the development of a popular scientific genre in the USSR in 1960—1980-s. Not only the official censorship presented by «Glavlit» (Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press) but also various forms of party and state control is analyzed. Various forms of scientific promoting, including literature, scientific cinema and television are investigated.

Kislitsyn S. V. Origin and evolution of foreign policy ideology of the American neo-conservatism in 1930—1980-s

Key notions: neo-conservatism, foreign policy, ideology, USA, Cold War.

The article analyzes the process of formation of foreign policy ideology of the American neo-conservatism and intellectual evolution of its key ideologists. Attention is paid to the external factors of influence, disagreements existing in this current, to the reasons of growth and decrease in popularity of the neo-conservative ideas among the American political establishment during the «Cold War».

Revyakina N. V. The portrait of Vittorino da Feltre, Italian humanist and teacher of the XV century

Key notions: Vittorino da Feltre, teacher, school, pupils, unselfishness, love to pupils, mercy, care of people, courage.

The article makes an attempt to give a description of Vittorino da Feltre on the basis of memoirs of his pupils and contemporaries, letters of Vittorino and governors of Mantua to him as well as the published material from Gonzaga archive.

Kiryukhin D. V. Representatives of the Italian humanistic intelligentsia in the universities of Europe at the end of XV — the beginning of the XVI century: course of life of Cornelio Vitelli

Key notions: Italian humanistic intelligentsia, Cornelio Vitelli, era of the first Tudor dynasty.

The article considers the question of presence and interference of representatives of the Italian humanistic intelligentsia at the universities of France and England on the example of creative and a course of life of Cornelio Vitelli. Analyzed are the reasons which have caused Vitelli's need to leave at first native Italy, the University of Paris and London helping to investigate in more detail interrelation of intellectual circles and communities of the called period and difficult history of their relationship.

Ragozin G. S. Josef von Hormayr: at sources of the Austrian conservatism, 1803—1809

Key notions: Austria, Josef von Hormayr, Tyrolean revolt of 1809—1810, intellectual history of Austria, Austrian conservatism.

The article analyzes the activity of the Austrian intellectual of the first half of the XIX century Josef von Hormayr in 1805 — 1809. During the French revolution and Napoleonic wars there began the change of a social and political discourse in Europe and Austria connected with the new state ideologies and practitioners who have appeared at this time. One of the reactions was the emergence of the Austrian conservatism which actively appealed to a historical narrative of both the all-Austrian, and regional history in the existing social and political discourse. Collecting a historical narrative, and not only actually Austria, but also the lands which were in the personal union with it under the power of the Habsburg dynasty during this period Josef von Hormayr was engaged, thereby promoting transformation of the idea of Gesamtstaat in official ideology of the Austrian empire formed in 1804. Other intellectuals — supporters of the conservative direction of social

thought of Austria also appealed to this narrative, up to disintegration of the Habsburg Empire in 1918.

Kiselyov V. G. Moral and esthetic factors of formation of the young art intelligentsia

Key notions: young art intelligentsia, academic education, orientation, professional identification, valuable orientations.

On the materials of the analysis of results of socio-cultural anonymous polls of students of the Ural branch of Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture of Ilya Glazunov for the last five years motives of training of youth in art higher education institution, valuable orientations of students, assessment of quality of educational process come to light and are analyzed. Monitoring of polls gives the chance to track the role of esthetic and moral factors in formation of the young art intelligentsia. The academism of education, the individual work with students which is coming to the end with personal exhibitions during training creates the lines of their original intelligence.

Mikhaylova O. K. The medical intelligentsia as a professional corporation in Russia: the status, situation, problems (the end of XVIII — the beginning of the XX century)

Key notions: social status of the doctor, medical societies, congresses of doctors, medical intelligentsia.

The article considers the process of formation of the institute of domestic health care and social group of the medical intelligentsia as well as the structure of the medical treatment building. By the analysis of historical and statistical material the social status of various categories of city doctors, process of self-organization of physicians and public organizations in the XVIII — the beginning of the XX century is shown.

Buslaeva O. S. Specifics of training of the pedagogical intelligentsia in female gymnasiums of the Vladimir and Kostroma provinces at the end of the XIX — the beginning of the XX century

Key notions: female gymnasiums, pedagogical class, curricula, teachers and mentors, pedagogical preparation.

At a boundary of the XIX—XX centuries the work of the teacher uniting educational and teaching components of educational process and designed to broadcast spiritual, moral and cultural samples was the most widespread profession of the intellectuals. Among the educational institutions of pre-revolutionary Russia which were carrying out vocational training of

teachers the female gymnasiums which gave pupils secondary education deserve attention. In the last third of the XIX century at some of them special pedagogical classes were open that was an essential contribution to development of female secondary education. It promoted self-realization of many graduates as teachers of state and private educational institutions as well as house teachers and mentors.

Yershova E. B. Komissarov V. V. «It was expected...»: the novel by I. A. Efremov «Andromeda Nebula» and futuristic projects of the Soviet intelligentsia

Key notions: Soviet intelligentsia, science fiction, futuristic projects, I. A. Efremov.

The new monograph by V. V. Komissarov devoted to works of the domestic science fiction writer and scientist I. A. Efremov is reviewed. The publication of the book is dated for the 60th anniversary of the publication of the main novel of the writer «Andromeda Nebula». The structure of the monograph is considered, the main problems are analyzed, strengths and weaknesses are noted.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.